

СЕВЕРИНА РЭЙ

ПОПАДАНКА
В АКАДЕМИЮ
Б ОЕВЫХ МАГОВ

Попала в магическую академию боевых магов, где нет ни одной девушки? Да еще и тело другое? Да вы издеваетесь! В смысле я манекен? Эй, не надо на мне практиковать удары файерболов, я, может, и неопалимая, но все-таки ранимая натура! И телохранителем мажористого сыночка ректора не буду, даже если он первый красавец академии.

А где девчонки? Ау! Драконы утащили, говорите? Это не мои проблемы!

Верните меня немедленно обратно!

Не поеду с отрядом спасать зазнобу мажора из драконьего мира!

Я так — в стороночке понаблюдаю. Главное — не влюбиться... Оу, какие мускулы...

Попаданка в Академию Боевых Магов

Северина Рэй

— Вот ты, Сашка, совсем не умеешь флиртовать. Сделала бы лицо попроще, авось бы и нашла себе мужика.

Подружка закатила глаза, когда я в очередной раз пришла от матери жаловаться на ее причитания по поводу моей холостячности. Шутка ли, в двадцать три года дочка и не замужем. Единственная из всех подруг. Ну кроме Лерки, которая сейчас сидела напротив меня и учила меня уму-разуму. Но ей можно. Она уже дважды была замужем, и хоть развелась, но мама моя всё равно одобрительно кивала, ведь я в отличие от нее вообще ни разу замужем не была.

— Лицо попроще, — закатила я глаза. — Так говоришь, будто я поросенок, а не девушка. Я ведь не мегера какая, нормальное у меня лицо.

— Было бы нормальное, ты б уже в декрете с двумя или тремя детьми сидела и мужа ждала с работы.

Лерка цокнула, а я снова закатила глаза.

— Что-то у тебя не наблюдаю семеро по лавкам.

— Но-но. Я другое дело. Я разведенка без прицепа.

— Ужас, Лер, ты что говоришь.

— Правду-матку. Вот что. А попроще это хотя бы улыбнуться парню, рожа ведь у тебя не треснет? Думаешь, почему к тебе никто не подходит? У тебя такая мина, которая говорит: не подходи, убью!

— Правда? — я скептически хмыкнула и привстала, глядя на себя в зеркало. — Да вроде вполне доброжелательно я выгляжу.

— Это дома. А стоит нам выйти в бар или кафе, ты как сыч, насупишься и сидишь, зыркаешь только злобно по сторонам.

— Да не злая я, ты же знаешь.

— Ох, Сашка, я-то знаю, а вот мужчины вокруг нет. Ну ничего, я за тебя возьмусь.

— Может, не надо? — спросила я с надеждой, но они, кажется, были тщетны, судя по ухмылке Леры. Уж ее я хорошо знала. Если она что и задумала, то с усиленной тягой бралась за дело.

— Надо, еще как надо. Но сначала мы погадаем на суженого. Мне нужно знать фронт работ.

Я застонала, ведь считала это всё ересью и полной глупостью, но Леру уже невозможно было остановить. Так что в скором времени мы оказались в полной темноте между двумя зеркалами — коридором в потусторонний мир. Лера зажгла свечу и стала что-то говорить, заставляя меня смотреть на зеркало спереди.

— Ну всё, ерунда это полная. Смотри, ничего не происходит.

— Тихо ты. Испортишь всё. Имей терпение.

Я страдальчески вздохнула и снова глянула вперед. Тишина. Бормотание Лерки. Я было хотела уже всё прекратить и встать, как вдруг увидела в отражении, что сзади нас появилась фигура, окутанная огнем.

— Ты видишь это? — почему-то со страхом спросила Лера, но я не смогла ответить. Лишь кивнула, пораженная увиденным. — Мне страшно, Саш.

— Ты же сама всё это устроила.

— Я же хотела пошутить. Не думала, что все эти магические штучки и правда существуют.

В этот момент фигура вдруг резко дернулась вперед, сокращая между нами расстояние, и к горлу подступила настоящая паника.

— Включай свет, Лера!

У меня от страха пересохло горло. Конечности не двигались, я их вовсе не чувствовала, так что понадеялась, что Лера успеет до того, как эта черная фигура настигнет нас. Мужчина протянул руку, Лера дернулась, а затем наступила темнота.

— Эй, ты, пустышка, двигай булками!

Красавчик с накачанным обнаженным торсом и белозубой улыбкой смотрел прямо на меня. И его вопрос был обращен вроде ко мне. Но почему «пустышка»? И почему я нахожусь не дома, а где-то, где не должна быть? И вообще, где я?! Как тут оказалась?!

В панике заозиралась по сторонам, пытаюсь понять: как за миг я перенеслась в незнакомое место. Оно, конечно, красивое, вот только не припомню, чтобы в моем городе имелся замок. Да не абы какой, не новострой под старину, а самый настоящий, огромный, старинный, возвышающийся надо мной, от одного взгляда на который подкашивались ноги.

Высокий шпиль серой башни царапал голубое, без единого облачка небо. Но я ведь помню, что на улице была зима, снег, морозы и январь по календарю...

Потерла глаза, поморгала, чтобы избавиться от наваждения, однако зеленые просторы и самое настоящее древнее сооружение так и остались перед глазами.

На его крыльце толпились люди, одетые в однотипные темные мантии. Некоторые заходили в заведение, другие, наоборот, выходили... Место очень походило на наш универ, вот только замка у нас в городе точно не было.

— Эй! — грубо окликнул меня парень, помахав огромной ладонью перед моим носом, желая добиться реакции. Я же продолжала растерянно рассматривать длинный корпус на два крыла, что обнимали ухоженный идеальный двор полукругом. В великолепных витражных окнах замка играл бликами солнечный свет, заставляя щуриться, а остроконечные зеленые крыши темнели на фоне ярко-голубого неба.

«Не может быть!» — чтобы прийти в себя, ущипнула себя за руку. Ведь того, что я вижу, не может быть! Я же засыпала дома, зимой! А проснулась где-то в разгар лета!

— Она какая-то странная, — толкнул парень своего товарища. Тоже обнаженного по пояс. Тогда-то у меня в голове щелкнуло дурное предчувствие: это что за слет полунудистов? И что им всем от меня надо?

Задрожали ноги, в голове возникли тысячи вопросов, но, прежде чем выплеснуть панику, я заставила себя мысленно посчитать: раз, два, три, четыре... Легче не стало ни на капельку. Зато я машинально пересчитала стоящих рядом парней, которых оказалось двадцать пять!

«Мамочки!» — едва не пропищала я, сообразив, что стою среди двадцати пяти здоровенных мускулистых парней-красавцев, которые вальяжно поигрывают рельефными мышцами и пялятся на меня, явно чего-то напряженно ожидая.

Что им от меня надо, я была без понятия, но их напряжение определенно передалось мне, добавилось к панике и вылилось в подступающую истерику.

— Я... — открыла я рот и удивилась звучанию собственного голоса. Он был грудной, красивый, вот только не мой!

Не понимая, что происходит, как ребенок произносила различные звуки, слова — любые, которые пришли в голову, — и до меня дошло, что голос звучал странно, совсем не похоже на мой. Я, конечно, знала об этом эффекте: ты себя слышишь не так, как остальные. Но всё же к определенному звучанию я привыкла. Так вот сейчас оно было иным.

Единственное объяснение, которое пришло в голову — что я крепко сплю и вижу реалистичный сон. В таком случае мне оставалось разве что дожидаться его окончания и

проснуться. А пока надо держаться и не поддаваться страху. В конце концов, сны бывают и хуже, а тут всего-то двадцать пять красавцев как на подбор.

Не хватало лишь дядьки Черномора. Уже грешным делом подумала, что полунудисты пожелают стать нудистами и начнется самое интересное, как один из красавчиков взмахнул черным чубом, кивнул белобрысому красавчику и капризно потребовал:

— Кен, пойдй разберись, что с ней.

«Что-что?! Дожилась, Саша!» — я едва сдержалась, чтобы не рассмеяться. А я тогда кто? Типа пластмассовая кукла Барби, их лучшая подружка?

Нет-нет! Не может быть! Да и сон слишком-слишком реалистичный. Я чувствовала, как трава на лужайке щекочет кожу; слышала, как мимо промчалась деловитая пчела. Летнее солнце как настоящее ласкало теплом кожу, ветерок покачивал пряди волос...

Высокий голубоглазый парень модельной наружности направился ко мне. Он недовольно хмурился, и мне стало не смешно. Невольно сделала робкий шаг назад и уперлась спиной в какую-то деревяшку.

Ой! Обернулась и обнаружила непонятного назначения стенд с выжженными на нем дырками. Вообще, вокруг было много различных снарядов, и вся эта площадка на газоне напоминала тренировочный полигон, который я не заметила, любуясь красотой замка.

Множество различных турников были хаотично расставлены по полю, какие-то столбы, смахивающие на дыбу. И опять же везде выжженные пятна. Даже на траве. В воздухе витал ощутимый запах гари.

Сон перестал быть томным, плавно перетекая в пугающее сновидение. Теперь уже я рассматривала парней иначе и подметила, что они непохожи на обычных. Штаны на них были кожаные, с грубыми швами, будто их шили вручную. Абсолютно без татуировок, что в наше время редкость. На ногах — короткие кожаные сапоги на плоской подошве. И у каждого ремень на поясе — с эмблемой в круге.

Точнее рассмотреть не смогла, зато заметила у самого главного медальон на груди, красиво смотревшийся на широкой грудной клетке.

Откуда я взяла, что этот темноволосый тут за главного? Да это за версту было видно, и вел он себя соответствующе, даже улыбался снисходительно-покровительственно.

— Поосторожней с ней, она у нас одна осталась, — сказала он удивительную вещь, и у меня выступили мурашки на коже. Что значит одна осталась?

Теперь я поняла, что меня сразу смутило: вокруг было много красавцев, и среди них я действительно одна-единственная девушка. Вот только что-то засомневалась, что сплю.

Нет, это сон. Точно сон. Иначе откуда такое «счастье» свалилось на голову обычной студентки экономического факультета? Вот Юлька удивится, когда я проснусь в нашей комнате в общежитии и расскажу ей о таком ярком живом сновидении...

Настолько явственным, что казалось, я могу потрогать мускулы этих парней!

Правда, белобрысый мне не нравился совсем. Какой-то он ненатуральный, а вот чернявый красавчик очень даже ничего. И профиль у него породистый, и подбородок волевой, а от взгляда бросает в жар. Только слишком наглый и самый что ни на есть мажор. Я таких обычно за версту обхожу. А они отвечают взаимностью. Не то чтобы я не красотка, вполне себе симпатичная девушка, просто я ботан в очках — и этим всё сказано.

Кстати, а где очки? Почему их нет, а вижу прекрасно?

Ха, нашла о чем волноваться. В конце концов, во сне я могу себе нафантазировать любую реальность. Итак, чего я хочу? Мороженого, пирожного и двух из ларца, одинаковых

с лица? О, тут и такие есть, кстати, два рыжих симпатяжки, посматривающих на меня с любопытством...

— Пустышка, эй, я с тобой говорю, — блондин Кен щелкнул у меня перед носом пальцами.

А вот такой поворот мне не понравился. Я, вообще-то, одна тут девочка, поэтому изволь вести себя культурно. Окинула блондина гневным взглядом и отодвинула его руку с недовольным видом.

— Не надо в меня тыкать, и что это за «эй»? Ты как с девушкой разговариваешь? — попыталась я призвать парня к приличному поведению и вдруг поняла, что над нами воцарилась звенящая тишина. У парней округлились глаза, брови их взметнулись к середине лба, и смотрели они на меня как на говорящую собачку.

— Она его тронула... — пронеслось в толпе возмущенно и в то же время удивленно.

— Что с этой пустышкой?..

— Сломалась...

— Надо идти к ректору!

Они начали бурно переговариваться, а я растерянно бегала взглядом по лицам. Возле меня оказался черноволосый красавчик.

— Тир, пойдем к твоему отцу, последняя пустышка пришла в негодность, — толкнул его в бок белобрысый.

— Как ты смеешь на меня смотреть? — обратился ко мне тот, кого я до этого считала симпатичным и милым парнем. Высокомерный взгляд глаз цвета зелени прошелся по мне. Полные губы сжались недовольно, он поигрывал мышцами и препарировал меня своим взглядом. Резал на кусочки. А что он спросил? Я даже не совсем вникла во фразу, что он произнес, потому что от присутствия этого брутала перехватило дыхание и в голове зашумело. Однако его недобрый взгляд привел в чувство.

О чем они тут толкуют? О каких-то пустышках, ректорах, именах странных...

— А что, нельзя? — задала я резонный вопрос, ответом на который служил громкий возглас хором.

Да чего они все так переполошились? Что я такого спросила? Да я всего лишь защищаюсь.

— Странная какая-то пустышка. И ломаешься странно, — равнодушно вынес вердикт высокомерный засранец.

В защитном жесте я сложила руки на груди и спохватилась: мне кажется или она больше стала? Опустила голову на вышеозначенную часть своего тела — и, занятное дело, она действительно казалась крупнее.

Особенно не удивилась, ведь во сне многое возможно, любые желания исполняются. Помню, я всё мечтала о длинных волосах, но не любила лишней возни, поэтому обрезала их до плеч, а сейчас я, тряхнув головой, ощутила, как по плечам струятся... длинные рыжие пряди. Шелковистые, вьющиеся, сверкали на солнце — и жутко меня пугали. Но о большой груди я не мечтала.

Что за черт? Отпрыгнула с места назад, как будто это могло избавить от странного ощущения, словно я — не я, и заверещала во всё горло:

— Дайте мне зеркало! Срочно!

— Зачем тебе зеркало, пустышка? — усмехнулся парень, поглядывая на меня с недоумением. И мне стало обидно.

Вот теперь я точно не сомневалась, кого он называет пустышкой. Какое обидное, неприятное слово. При этом я не знала, что за смысл в него вкладывают парни, но пренебрежение четко проглядывало во всем их отношении ко мне, будто я человек второго сорта. Для них я даже не прислуга, а еще более низкая каста. Вообще предмет или вещь, да просто пустое место!

От колючего взгляда темноволосого красавца хотелось съежиться, спрятаться в раковину, а больше всего проснуться. Я снова ущипнула себя тайком, чтобы другие не видели моих отчаянных попыток. Вот только боль появилась и явственно ощущалась, а сон так и не проходил.

— Что здесь происходит? Почему остановили занятие? — раздался зычный, властный голос. Я повернулась в сторону приближающегося мужчины. Он был одет еще более странно, чем все присутствующие — в старинную одежду, — и шагал широким шагом, приближаясь неумолимым метеором.

Все вытянулись стрункой, затихли, разве что темноволосый красавчик, которого звали, кажется, Тиром, остался невозмутимым.

Длинная закрытая роба темно-серого цвета с воротником-стойкой скрывала долговязую фигуру незнакомца. Мужчина чем-то напоминал священника. Такой же аккуратный, собранный, но налет властности сразу выдавал: он занимает вышестоящую должность. Даже я, не робкого десятка, ощутила его ауру, внушающую страх и желание слушаться беспрекословно.

Мужчина ступал бесшумно, и только подол робы шуршал по траве в повисшей тишине. Я почему-то подумала: не жарко ли ему? Я вот задыхалась от жары...

Спохватившись, я, наконец, обратила внимание на свою одежду.

Кожаная жилетка стягивала шикарный бюст, который тут же захотелось пощупать. Естественно, делать это прилюдно, на глазах парней, я не стала. Поэтому мне только и оставалось, что пялиться на него и думать, что таким соблазнительным декольте, наверное, могла похвастаться разве что первая красавица нашего университета — Лилька Воронцова. Вот она, острая на язык, точно нашлась бы, что сказать, и не стояла бы понурой овцой перед этими парнями.

Чуть ниже опустив голову, я подвигала ногами и обратила внимание, что мои черные кожаные брюки сияли прорехами. И что-то непохоже, что они сделаны по велению здешней моды. Тогда откуда они взялись?

Какая-то мысль брезжила на краю сознания назойливой мухой. Мозг пытался связать воедино всё, что я видела и слышала, но мысль ускользала. Да и какая разница: брюки с прорехами или без, когда больше всего интересовало, почему меня называют таким неприятным прозвищем.

«Пус-тыш-ка...», — произнесла про себя и нахмурилась. Фу, какое неприятное прозвище. Я ни в чем не уступала им, а может, даже превосхожу. Не силой, так умом и усидчивостью. Добротой и состраданием, наконец. Так что я точно не пустая!

— Пустышка сломалась, — коротко ответил Тир мужчине, показывая на меня рукой.

Внешне они были так похожи, что я подумала, что они родственники. Тогда стало понятным, почему красавчик такой дерзкий и храбрый.

Догадка подтвердилась, когда я услышала перешептывания парней:

— Сегодня ректор не в духе.

А потом блондин Кэн шепнул темноволосому Тиру:

— Твой отец раздражен...

Ну, теперь всё понятно, кроме одного: ректор чего? Видимо, это какой-то университет.

Почему они говорят, сломалась, как будто бы я вещь, а не настоящий человек?

— Прекратить разговоры. Продолжить тренировку, — приказал ректор и переключился на меня.

— Ты, следуй за мной, — он развернулся и зашагал к крыльцу замка, не дожидаясь, пока я догоню его.

Что ж, я с удовольствием покину этих напыщенных атлетов в кожаных штанах, называющих меня пустышкой. Да и по здравому размышлению, один незнакомый дядька в робе гораздо лучше полуголых парней с непонятными намерениями.

Уходя, я ощущала на себе пытливые и заинтересованные взгляды. Наверное, я фантазировала, что больше всего ощущаю взгляд того самого Тира, который являлся негласным лидером этой группы. Он, конечно, напыщенный гад, но мне очень хотелось, чтобы тип смотрел мне вслед.

Не удержавшись, я оглянулась. И то, что увидела, обожгло мою роговицу в буквальном смысле, потому что каждый из присутствующих на лужайке-полигоне что-то проделывал со своими руками, рождая пламя. У одних из ладоней высекались искры, когда он хлопал одной друг об другую. Другие кидали светящиеся шары вперед, которые отскакивали от деревянных поверхностей. Кто-то вскидывал руки вверх и пускал снопы язычков пламени.

Всё это выглядело слишком странно и непонятно. Я зажмурилась, чтобы уничтожить эту картинку внутри себя и постараться поскорее забыть, но получалось из рук вон плохо. Как же такое чудное файершоу забудешь? Наверное, они фокусники.

Ректор шагал быстро. Я едва поспевала за ним. Но наконец мы подошли к зданию учебного заведения и вошли в длинный коридор, где царил прохлад.

Кроме нас, здесь никого не было, и я ускорила шаг, перейдя на легкий бег, чтобы угнаться за ректором, спокойно шествовавшим, видимо, в свой кабинет.

Интерьер замка так разительно отличался от всего, что прежде видела, что я немного приотстала, пока рассматривала фигурные колонны, высокие потолки, мозаичный пол, гобелены и картины, украшавшие толстые каменные стены.

Одна огромная изображала битву неведомых чудовищ с рыцарями, на других картинах были изображены прекрасные дамы, цветочные композиции и даже драконы, изрыгающие пламя. Когда проходила мимо них, жуткие изображения вели себя как живые. От этого по коже пробегался ощутимый морозец, а я снова ускоряла шаг.

Надо сказать, везде превалировали красный и золотой цвета. Они причудливо переплетались между собой, рождая изящные узоры. Залюбовавшись, я не заметила, что мы подошли к двухстворчатым дверям. Огромные, прямо под потолок, они распахнулись передо мной, пропуская в просторное помещение, где ощутимо веяло древностью.

При виде множества полок с книгами, большинство из которых представляли собой огромные фолианты с кожаными обложками и высились под потолок, я едва сдержала возглас восхищения. Помещение напоминало обычную библиотеку, но тут и там встречались

старинные предметы: перья, пергаменты, раскрытая на подставке книга с изящными письменами на непонятном языке.

Мое внимание привлек необычный глобус, который вовсе не напоминал макет Земли. А скорее, два мира, соединенных между собой круглой пластиной. Сверху возвышались остроконечные башни, между ними извивались голубые ленточки рек. Внизу же виднелись черные перевернутые горы. И больше ничего.

Почему-то мне показалось, что-то глобус показывает два параллельных мира. Один из которых светлый — где царит мир и благоденствие, много рек и городов, а второй, темный, представляет собой выжженную пустыню с высокими горами и пропастями, в которых можно запросто согнуться.

— Ты не пустышка, — с ходу заявил ректор, указывая мне длинной кистью на вычурное кресло с высокой спинкой и кожаной вставкой по всей длине.

Как галантно! А я уж думала, мне будку отведут и на цепь посадят.

В предоставленное кресло я просто-напросто упала, чувствуя невероятное облегчение. Искала глазами зеркало, но не находила. Тут до меня доходит смысл сказанных слов. Встречаюсь взглядом с хитрыми глазами мужчины и понимаю, как сильно сын на него похож. Только у ректора глаза чуточку темнее, а я имею возможность увидеть, каким Тир будет в зрелом возрасте.

Таким же красивым, как и сейчас, надо признаться.

— Откуда вы знаете? И что такое пустышка? — задаю я встречный вопрос, не видя смысла припираться. Хотя мне страшно и сердце грохочет в груди от волнения.

— Пустышка — это существо, на котором отрабатываются приемы огневиков, — поясняет ректор совершенно спокойным тоном, стоя напротив меня. — Неопалимое существо, которое легко переносит воздействия огня. Не постоянно, конечно. Они ломаются и выходят из строя, осталась всего лишь одна. А вернее, ни одной, ведь ты — вовсе не пустышка. Кто ты, девица?

Он задал простой вопрос, но я ответила на него не сразу. Настолько поразила сказанному. Он серьезно? Отрабатывать на живом человеке приему огневиков?! Это швырять в меня те самые огненные сгустки, что появлялись в ладонях магов?! И говорит это так спокойно, даже равнодушно, как будто огнем швыряют в бездушные манекены?!

На меня нашли шок, оторопь, гнев. Хотелось вскочить с кресла, подлететь к холодному, безжалостному ректору и вклеить пощечину. Но я остановилась, допуская, что не всё в сказанном поняла верно. Пришлось собраться. И только потом я ответила как можно сдержаннее:

— Вообще-то, с утра была Александрой Нестеровой, студенткой экономического факультета, — пока я старалась уложить в голове назначение этих пустышек, слова слетали с языка неспешно, даже заторможено. Но пусть так. Это лучше, чем показывать страх.

— Откуда ты, Александра Нестерова?

Почему-то сразу стало ясно, что он не спрашивает меня о конкретном населенном пункте, поэтому ответила как есть:

— С Земли. Это же не Земля, верно?

— Это Аргония, ни о какой Земле я не знаю. Ты находишься в Высшей академии магии, а я ее ректор — лорд Марцепен.

— Быть не может! — выдохнула я, пытаюсь прийти в себя.

— Может. Еще как может. Но я не советую тебе распространяться о том, кто ты есть на

самом деле. Я вовремя тебя увел, ты же не успела ничего разболтать мальчикам?

— Нет. И я всё ещё думаю, что продолжаю спать, — насупившись и ошарив от слов мужчины с кондитерской фамилией, тяжело вздыхаю.

— Ты не спишь. Ты попала в другое тело. Магия нестабильна. Драконы открывают порталы на границах Аргонии, поэтому тебя могло затянуть из твоего мира сюда.

— Но зачем? Зачем они это делают? Ну... драконы... — спрашиваю, стараясь не показывать, как сильно волнуюсь. И чтобы успокоиться, стараюсь относиться к словам Марципана скептически, однако сказанное им на ус мотаю.

— Драконы — наши извечные враги. Они похитили всех женщин через порталы. И мы готовимся к походу. Усиленные тренировки привели к тому, чтобы пустышки стали выходить из строя одна за одной. Осталась одна — ты. И то, как оказалось, не настоящая.

— Я не хочу иметь с этим ничего общего, дорогой лорд Марципан, — доверительно говорю я. — Я посижу тут в кабинете, пока вы разберетесь с порталами и отправите меня обратно.

— Куда я тебя отправлю? У меня нет такой возможности. Так что тебе придется жить здесь.

— Что? — перед глазами потемнело. — Нет-нет! Мне надо домой!

— Увы, это исключено.

— Неужели нет никакого способа, чтобы я вернулась обратно? — спросила я с надеждой, удивляясь, что мой голос такой жалкий и сломленный.

— Половина наших магов закрывают вражеские порталы, а другая половина готовится к походу, — звучал неутешительный ответ.

Ректор говорил спокойным голосом, но я видела, как он напряжен и задумчив.

— Неужели у вас в академии нет никакого завалящего домашнего мага? — воскликнула я в сердцах, сжимая руки в кулаки и хмурясь, но потом до меня дошло, что я нарушаю субординацию. Скорее всего, маги здесь — очень уважаемые люди.

Как бы ненароком не оскорбить никого, вдруг за это на съедение драконам отдадут?

Кстати, о них.

— А вы уверены, что получится спасти ваших девушек?

— Что это значит? Поясни, — ректор приподнял брови.

— Ну, — замялась я, не зная, уместно ли высказывать свои мысли, — в нашем мире пишут много книг о драконах, так вот там их пленницы не жалеют о том, что их украли.

— Как так не жалеют? Что за странные фантазии у авторов? — Марципан был потрясен до глубины души, а я покраснела.

Как бы ему доходчиво объяснить и не сгореть от стыда?

— Драконы в этих книгах... превращаются в красивых мужчин... — продолжать дальше не имело смысла, и так должно быть понятно.

В глазах ректора родилось понимание, но он непреклонно придерживался своей картины мира:

— Не знаю, как в сказках вашего мира, а у нас драконы — это жуткие коварные твари, которые уничтожили свой мир, а потом принялись за другие!

— Зачем им женщины? Неужели они их съедят? — прикрыла я рот ладонью, чувствуя ужас, охватывающий всё тело.

Ректор притворился, что разглядывает убранство своего аккуратного рабочего стола, надул щеки и посматривает в окно. В общем, не горел желанием удовлетворять мое любопытство и рассказывать, что драконы сделают с особями женского пола.

Да что ж такое? Я же не успокоюсь, пока не выведу правду.

— Может, вы сами не знаете? — закинула я удочку, улыбаясь про себя коварной улыбкой.

Лучший способ что-то выяснить — это не спрашивать в лоб, а дать собеседнику самому прийти к тому, чтобы выдать объяснение.

— Я мало чего не знаю о драконах, — напыщенно успокоил меня ректор. — Я изучал их десятилетиями. Ты права, драконы превращаются в мужчин, но редкая человеческая женщина способна ответить взаимностью и выдержать силу дракона. Поэтому нет — забудь свои глупые книжки и не думай о том, о чем не должна.

— А о чем должна? — задала я резонный вопрос, поглядывая на ректора.

— Должна продолжать готовить ребят к походу. Роль пустышки тебе навязана, не спорю. Но я не позволю кому-то об этом узнать. Когда открылись порталы и украли девиц, сюда приезжала министерская проверка. Секретари работали не покладая рук, заполняя бумаги! Мы запечатали и отправили сотни свитков в Министерство магии и магического

порядка! Сейчас слишком ценна каждая минута, чтобы я тратил время на составление новых документов.

Совсем поникнув, я изучала собственные руки. Бюрократическая рутина не чужда и этому миру, как и нашему, а я попала в ее жернова. Из-за какой-то простой попаданки ректор не будет затевать разбирательство и привлекать магов, чтобы тратить их магические силы.

— Ну-ну, не стоит расстраиваться. Так или иначе мы решим вопрос с твоим перемещением. Я не желаю, чтобы хоть какие-то сущности извне попадали в Аргонию. Это чревато последствиями и нарушением магического баланса. Пойдем, я отведу тебя в твою комнату. Там ты отдохнешь, приведешь себя в порядок, а завтра начнем занятия.

Отлично! Привести себя в порядок не помешает. Пройдя до своей комнаты, я обнаружила, что это самая настоящая келья. Там меня встретила милая служанка, на которую я уставилась с удивлением. Разве мне не сказали, что всех девушек похитили?

Проводила удаляющуюся спину ректора взглядом и обернулась назад, где застыла в ожидании девушка в простой одежде: серое длинное платье под горло и белый передник. Простые кожаные ботинки прятали крохотные ножки.

На голове была повязана косынка, из-под которой виднелись озорные светлые кудряшки. Маленькая, на вид лет шестнадцать, и очень симпатичная, все черты лица кукольные: голубые круглые глаза с пушистыми ресницами, задорный курносый нос, круглые щеки со свежим румянцем и розовые губки бантиком.

Но, к сожалению, имелся один изъян. Девушка была рябая, с кожей, испещренной рытвинами от оспы. Бедняжка. Сердце наполнилось жалостью. Я прекрасно могла представить, каково это — каждый день смотреться в зеркало и надеяться, что это не сон.

В подростковом возрасте у меня были довольно-таки сильные красные прыщи, которые я смогла вылечить только с помощью врача. Практически не осталось следов. Впрочем, я не знала, как выгляжу сейчас. Боялась момента, когда увижу свое отражение в зеркале, до дрожи.

Вдруг я уродина? Вдруг я тоже в оспинах? Мало мне звания бесправной пустышки, так еще и из-за уродства стороной обходить будут?

Пока я размышляла, девчушка доверчиво улыбнулась и открыла мне дверь кельи. Та открылась со скрипом, отвлекая от неприятных мыслей.

— Проходи. Чего стоишь? Я Габи, а тебя как зовут?

Мелодичный голос звучал вполне дружелюбно, и я переступила через порог, растягивая губы в вежливой улыбке.

— Меня в моем мире звали Саша, — ответила быстро, видя интерес в глазах девушки, и пошла вслед за ней.

Моему взору предстала небольшая комнатка, практически каморка, со спартанским убранством. Одностворчатый шкаф, узкая, аккуратно застеленная серым покрывалом кровать, узкое окно без занавесок или растений, придающих уют. Стены белые, пол каменный, даже коврик не постелили. Здесь было прохладно, темно и неуютно. С печальным вздохом я вошла внутрь, а служанка последовала за мной.

Как только закрылась дверь, она начала любопытничать:

— А ты правда путешественница по мирам? Никогда таких не встречала!

Было видно, что ей очень хотелось меня потрогать, но я не горела желанием быть музейным экспонатом. У пустышки тоже есть чувства и желания.

— Кажется, что так. Ректор, видимо, тебе рассказал про меня.

— Конечно рассказал, иначе я бы к тебе близко не подошла. Пустышек никто не обслуживает, — совершенно обыденно она рассказывала о незавидной участи моей предшественницы.

— Но почему? — с удивлением спросила я, присаживаясь на кровать и ища взглядом зеркало.

— Так принято, — коротко пояснила девушка.

— А как же они живут? Как добывают эту самую пищу?

— Кто-то жалеет, отдает объедки, — пожалала плечами Габи.

— Но это же ужасно! — не смогла сдержать я шока и посмотрела на нее во все глаза.

— Не вижу ничего ужасного. Я же не забочусь о котелках на кухне! — объясняла она мне, как будто я маленькая девочка, не знающая элементарных правил.

— Но котелки ты чистишь и аккуратно ставишь на полочку, так? — пыталась я урезонить служанку.

— Дык у них рук нет! — хихикнула она в ладошку. — Как они смогут сами почиститься?

— Вот! — воздела я палец вверх. — Значит, пустышка — это не то же самое, что котелок! Тебе мозги ректор промыл, вот ты и веришь во всякую чушь.

— И ничего не чушь, и ничего не промыл, он в ментальной магии не силен, — доверительно сообщила она мне, — он вообще слабый, ректор наш, позволил драконам прорваться через порталы сюда и забрать всех наших женщин.

— А почему тебя оставили? — недоумевала я, хлопая глазами.

— Как почему? Драконы берут только самых красивых! А я же рябушка, мою сестрицу забрали, она красотка, — вздохнула девушка, а я поморщилась.

Какие прихотливые драконы. Смотрите-ка.

— Но я рада, что ты осталась, так мне будет не так одиноко тут, а еще ты очень даже симпатичная! — уверяла я девушку, совершенно не кривя душой. — Тебя не портят оспины.

— Ты меня просто успокаиваешь, — наигранно надулась Габи, а сама украдкой улыбнулась, но я заметила. Ей польстили мои слова. — Ох, ты меня заболтала!

Всполошившись, она начала быстро перемещаться по комнатке. Открыла шкаф, доставая оттуда полотенце, потом прошла через небольшую дверцу в помещение, которое, по всей видимости, являлось крохотной ванной. Послышался плеск воды, и мне стало жутко интересно, есть ли там кран, раковина, ванна и самый обычный унитаз.

Но я очень сомневалась, что здесь всё устроено как в обычном мире.

Не сдержав любопытства, заглянула в еще меньшую каморку и пораженно смотрела, как простая служанка творит магию. Практически из воздуха появилась струйка воды, которая стекала в небольшой голубой кувшин в жестяной раковине.

Как тут мыться и справлять туалет, было не совсем понятно. Но Габи отдернула занавеску, и я увидела поддон и дырку в полу. Просто «прекрасно».

— Я водница, — пояснила она, заметив меня, — очень слабый уровень, но хватает для бытовых нужд. Умоешься пока, а я принесу еды.

— Надо же, нас тут даже кормят, — недовольно скривилась я, не скрывая ехидства.

— Пустышек — нет, они сами себе еду добывают, а ты — гостья.

Хмыкнув, я снова обратила внимание на то, что делает магичка. Может, она была и слабого уровня, такого, какой подходил служанке, но для меня ее действия с водой казались чудом. И очень, надо сказать, удобным умением. Я бы от такого не отказалась.

— Расскажешь про свой мир? — с нетерпением обратилась ко мне Габи.

— А ты тогда — про свой, — в свою очередь предложила я обмен.

— Договорились! — радостно воскликнула она, всплескивая руками.

— Но сначала дай мне зеркало. Пожалуйста, — обвела я лицо рукой, намекая, что хочу посмотреть на себя.

— Ты не захочешь этого видеть, — замотала она головой, а потом всё же потянулась к шкафчику на стене и достала оттуда такой вожденный предмет.

Кожа сияла черными дырами. Настоящими подпалинами, страшными ожогами. Они усеивали лицо полностью. Даже гной сочился! Прямо из свежих ран.

Но я не чувствовала боли! А она должна быть жуткой, от одного вида этих кошмарных ожогов хотелось кричать! Я хотела прикоснуться к лицу, потрогать кожу, убедиться, что мне не показалось, что коросты на ожогах на ощупь такие же жуткие, как и на вид.

Но не решалась.

— Ты чего так испугалась? — удивленно спросила служанка, подхватывая летящее от меня зеркало. Иначе бы разбилось. Я его отшвырнула что было сил, будто оно виновато в том, какое отражение показывает.

— Я действительно так ужасно выгляжу? — задала я вопрос, который даже мне показался странным.

Может быть, это какая-то иноземная иллюзия? Не могу я выглядеть таким чудовищем! Даже нельзя рассмотреть черты лица. Это не лицо, а один сплошной ожог.

— В каком смысле ужасно? Ты вполне нормально выглядишь, — Габи пожала плечами, одновременно с разговором складывая белье в шкафу в ровные стопки.

Вся она была такая вертлявая, живая, я же на контрасте с ней чувствовала себя неповоротливым грузным камнем, намертво приросшим к земле.

Она явно не понимала сути моей проблемы. Вела себя как ни в чем ни бывало. Я не дура и понимала, что в этом новом мире всё должно быть иначе.

Никто не видит моих страшных ожогов, вернее видят, но считают их естественными. Для пустышки. Болванки для отработки приемов. Я не испытывала боли, и это хорошо.

Но я задумалась о пустышках. Я здесь была одна такая, значит, пустышки куда-то исчезают. Приходят в негодность. У них есть какой-то предел, срок службы.

— Вполне нормально для пустышки, ты хочешь сказать? А когда приходит конец пустышке? — спросила я, передергивая плечами. Даже думать о таком было неприятно, но я должна выяснить всё до конца. Для меня это не простое любопытство, а вопрос жизни и смерти.

— Думаешь, за этим кто-то следит? Пустышек много, их заменяют одну за другой. Одна пришла в негодность — тут же берут другую.

— Откуда их берут в таком количестве? — непонимающе нахмурилась я.

— Маги выращивают. Из брошенных детей. Или больных. В общем ненужных. Лишают чувства боли, любых чувств. Опустошают.

То, что рассказывала Габи, не укладывалось в голове.

— Подожди, я не понимаю. Объясни, пожалуйста. Тебе не кажется это жестоким? Кому пришел в голову такой изуверский способ тренировки боевых магов?

Габи посмотрела на меня с удивлением. Снова пожала плечами.

— Странные вопросы. Я не думала про это. Я же не спрашиваю, почему я не принцесса. Как родилась в бедной семье, так и занимаюсь чисткой горшков и сковородок. Ты не грусти, иномирка, не переживай насчет этого. Если хочешь, когда отдохнешь, приходи ко мне на кухню. Я как раз буду готовить походную еду. Буду рада, если ты мне поможешь. Готовить придется много. Парни едят как кони!

Парни! Помнила я, как они смотрели на меня на полигоне. На их лицах я не заметила

ужаса или отвращения из-за моего уродства. Для них было нормой видеть перед собой обожженную девушку, с лицом как головешка.

Они готовы были и дальше ее поджигать, пока не испортится окончательно. А потом взять другую пустышку и начать процесс сначала. Во всем этом я ощущала глубокую неправильность, а также свою ответственность.

Я должна что-то сделать, должна изменить привычный ход вещей, попытаться втемяшить этим безмозглым мужланам в голову, что нельзя в живых людей огнем кидаться! Праведный гнев наполнял меня, бурлил кипятком и переливался через края, не давая сидеть на месте.

Что-то нужно было срочно сделать!

— А бывают пустышки мужского пола? — спросила, уже подозревая, что ответит моя проводница в этом незнакомом мире.

— Бывают, но крайне редко. Даже таких и не помню за последнее время, — задумалась Габи. — На мужчин магам сложнее влиять.

Они еще и шовинисты. Кто бы сомневался! Мир мужского доминирования. Кажется, здесь никто не борется за права женщин. Женщины считают их своими повелителями и раболепно поклоняются любой воле.

— Так ты поможешь мне сегодня на кухне?

Готовить для напыщенных молодых сосунков, которые не считают зазорным кидаться в незащищенную девушку огнем? Намазывать бутерброды с маслом и любовно складывать в коробочки? Нет уж!

Гнев продолжал бурлить во мне, как варево в ведьминском зелье. Интересно, здесь есть такие? Тогда бы я заплатила любую цену, чтобы они заколдовали боевых магов. Пусть бы они на своей шкуре почувствовали всю боль использованных пустышек!

Габи уже успела обидеться и надуться, это я сразу распознала, моя сострадательность сыграла со мной злую шутку. Я не могла отказать этой девушке в помощи, она единственная была кем-то близким в этом чужом мире и проявила ко мне доброту. Не чуралась и не называла пустышкой.

— С удовольствием тебе помогу, — пообещала я ей. — Только, если можно, сначала я бы хотела, чтобы ты немного рассказала мне об этой академии. Ректор предупредил, что никто не должен знать о моем перемещении из другого мира, но он не позаботился о том, чтобы я знала хотя бы что-то о вашем. Сказал только, что не хочет лишних министерских проверок.

— Ой! — девушка замахала руками, как будто ее окружил рой жужжащих пчел. — Я сама не хочу, чтобы эти министерские увальни сюда снова приезжали. Мало того, что лучшие комнаты заняли, так еще белье им каждый день чистое меняй, еду пять раз в день подавай да напитки. Заставили опись всего кухонного инвентаря сделать с указанием магических свойств каждого предмета.

— А это им зачем?

— Подсчитывали, сколько всего магии в нашей академии содержится. Нужно понимать, сможем ли мы противостоять драконам.

Эту информацию Габи рассказывала мне уже по дороге из комнаты. Она провела меня по коридорам академии, сообщив, что здесь всего четыре факультета, разделенных по стихиям. Как водится, земля, вода, воздух и огонь.

По внешнему виду факультета огня мне показалось, что он более роскошно обставлен:

новая добротная мебель, множество ковров и картин, огромные статуи, помпезные светильники... Я не постеснялась уточнить у новой подруги, с чем это связано.

— Ректор академии — потомственный огневик. Их семья и создала эту академию. Другие факультеты присоединились уже позже.

— А ты водяной маг? — поинтересовалась я, вспомнив умения девушки, которые она продемонстрировала в моей комнате.

— Нет-нет, — она искренне засмеялась, — ну какой из меня маг? Это дар богов, что я немного умею обращаться с водой. Тем более учиться в академии — это привилегия знати и дорогое удовольствие. Я недостойна...

В голосе девушки прозвучала грусть, я уже хотела поднять руку, чтобы утешить ее и слегка похлопать по плечу, как навстречу нам выбежал долговязый белокурый паренек. Слишком длинные руки и ноги делали его смешным, а худоба казалась болезненной. Он был таким бледным, что волосы сливались с кожей. Бледно-голубые глаза почему-то впились в меня.

— Ты ко мне? — с надеждой поинтересовался паренек, а я повернулась к Габи, вопросительно на нее глядя. И как я должна отреагировать.

— Это ученик целителя, Ворт, он тебя полечит, беги к нему.

По глазам этого альбиносоподобного Ворта было заметно, что он не только полечить меня хочет, но и поухаживать. Вот только поклонника мне тут и не хватало для пущей радости!

Мы проходим в небольшое узкое помещение, доверху заполненное склянками и баночками с разноцветными жидкостями. Их тут видимо-невидимо. Так и хочется протянуть руки, но в то же время боязно. Они же магические, черт знает какие напасти могут случиться, если тронешь не ту штуку.

Оглядываю высокие полки с фолиантами и свитками, светящиеся шары, висящие в воздухе, бочонки с водой, перья, чернила и прочие интересные предметы. Даже пахнет здесь по-особенному. Деревом и вовсе не химическими реагентами, а чем-то сладковатым. И тем не менее вид комнаты говорит о том, что это лаборатория.

Магическая лаборатория целителей.

Всё это внушает благоговейный трепет.

Неужели я действительно в другом мире? В это по-прежнему верится с трудом. Однако я ощущаю магию вокруг, как некое потрескивание, которое заставляет волосы на коже приподниматься. Здесь всё пропитано и заряжено магией. Даже я, иномирка, это чувствую.

Ворт провожает меня на высокий стульчик, похожий на барный, рядом оказывается деревянная переноска, которая вмещает большое количество разнообразных баночек из темного стекла.

Из любопытства заглядываю туда, ожидая, что он будет делать, а он цокает языком и недовольно рассматривает мое лицо. Ему явно не нравится увиденная картина. А я полностью солидарна с целителем! Меня тоже не устраивает мой внешний вид. А мне интересно, всех ли он пустышек излечивает от ожогов, его ли это инициатива или задание от гильдии, которое он выполняет регулярно. Ничего не спрашиваю, чтобы не выдать себя.

Жду начала манипуляций с лицом, смиренно сложив руки на коленях.

— Парни опять перестарались! — причитает Ворт, а служанка с интересом на нас поглядывает и одновременно протирает полки от пыли, но не с помощью тряпки, а используя бытовую магию: проводит рукой по полке, собирает порцию пыли, а потом хлопает руками — и пыль исчезает!

Бытовая магия мне определенно нравится. Волшебство! Никогда не устану наблюдать за фокусами этого мира.

Я не знаю, в какой степени Ворт знаком с моей предшественницей, поэтому предпочитаю молчать. Да и как мне разговаривать, если он колдует над моим лицом? Проводит руками по коже и поверх нее, чем-то смазывает, обрабатывает, что-то тихонько бормочет. Я начинаю чувствовать облегчение, кожу перестает неприятно стягивать, боль уходит, хотя она и не была сильной, просто было тяжело морально, когда я понимала, что выгляжу страшным обожженным уродом. Головешкой, вытащенной из костра.

— Ты пойдешь на праздник? — тихим голосом спрашивает меня Ворт, я гляжу в его большие распахнутые голубые глаза, такие наивные, смотрящие на меня с надеждой, и понимаю, что я ему нравлюсь.

Что он набирался смелости, чтобы задать этот простой вопрос, а сейчас едва дышит от волнения в ожидании ответа. Странное ощущение охватывает меня в эту минуту. На меня никогда не обращали внимания парня, я не вызывала восторга, никто не свистел вслед и не врезался на машине в дерево при виде идущей меня. Нет, я не гадкий утенок в своем реальном мире, но меня никогда не замечали. Было обидно, но я привыкла.

Считала, что так даже удобнее, комфортнее. Не нужно заморачиваться на всякую ерунду и тратить на нее свое драгоценное время. Отдавала его учебе.

Но сейчас я явно выгляжу по-другому, да так, что меня хотят пригласить на свидание, несмотря на статус вещи. Потом в голове вспыхивает вопрос. Какой еще праздник? Всех девушек этой страны украли! А они собираются что-то отмечать?

— Э-э-э... — только и способна принести я, наверное, выгляжу как слабоумная. Нелепо открываю рот и смотрю в поисках поддержки на Габи. До нее не сразу доходит, что я от нее хочу, а потом она кивает самой себе и приходит мне на помощь.

— А-а, ты про этот праздник. Это скорее церемония. Проводы боевого отряда. Но это будет странно, если пустышка туда пойдет.

Фыркаю мысленно, но стараюсь держать себя в руках, не подавать вида, что обидно слышать эти слова. Вижу, что Ворт пыхтит от злости и негодующе смотрит на Габи. Занятно. Неужто у меня появился защитник? Неужто хоть кто-то воспринимает меня как живого человека?

— Она девушка, и я хочу ее пригласить!

Это что же у нас получается? Оказывается, кое-кто считает меня девушкой. Загадочно улыбаюсь, зная природу парней и начиная понимать свое превосходство. Какое-то время они, конечно же, наслаждаются отсутствием девчонок, но всё равно они в нас нуждаются! Не бывает так, чтобы в одном месте тусовались одни парни и не хотели женского общества.

И если они не спасут своих красоток от драконов, то станут обращать внимание на любую, даже самую страшную женщину, тогда и головешка-пустышка может стать подходящей. Вот один уже пригласил на своеобразное свидание. Смелый парень, не стесняется показаться перед всеми со снарядами для тренировки.

— Я не думаю, что ректору это понравится, — выдавливаю из себя ответ, который кажется приемлемым. Ведь ректор явно не будет счастлив, если иномирка начнет выделяться и привлекать внимание. Так и до министерства слухи дойдут, что с пустышкой обращаются как с обычным человеком, и тогда быть беде.

Не знаю какой, но чувствую, что надо проявлять осторожность. Я не дура и понимаю, что в чужом мире предпочтительно вести себя тише воды, ниже травы.

— И вообще, мне не нравится, что будет организован какой-то праздник! — продолжаю свою мысль. — Разве у вас... у нас здесь не траур? Разве это не беда, что всех девушек похитили драконы?

— От девчонок одни проблемы, — недовольно морщится мой лекарь.

Я теряюсь в хитросплетениях его логики. Чем же ему девчонки досадили? А я тогда кто?

— Надоели задаваться, — отвечает на мой невысказанный вопрос.

Неужели в этом мире профессия лекаря настолько не ценится, что он считает себя равным пустышке? А другие относят его к низшей касте. Бедняга Ворт. Хочется потрепать, как щеночка за ухо, жалея.

Неожиданно перевожу взгляд на Габи и понимаю, что замечаю на ее лице некое недовольство. Неужели она ревнует из-за того, что меня пригласили, или испытывает какие-то чувства к Ворту? А он на нее совсем не смотрит.

Только стать углом любовного треугольника мне не хватало!

— Дайте мне зеркало, — прерываю я битву перекрестных взглядов, потому что мне надоело, что я до сих пор не имею возможности увидеть саму себя. Наконец я получаю

вожделенный предмет, хватаю зеркальце, похожее на сказочное, в которое смотрела злая королева и спрашивала, рассказать правду о том, всех ли она милее.

Пусть и мне оно правду расскажет. При виде изображения мне хочется ахнуть от восторга! Боже, да я самая настоящая красотка. И это очень странное ощущение. Когда ты смотришь на себя и нравишься себе. Носик аккуратный, тонкий, изящный. Губы как бутон розы, яркие, розовые. Глаза большие и немного раскосые и даже без макияжа обведены ярко-черной линией, даже подкрашивать не нужна. А ресницы какие пушистые, загнутые. Я бы такие ни одной тушью не сделала. Брови! Господи, я замучилась с закрашиванием бесцветных щеточек в своем мире. А сейчас у меня соболиные, густые и изогнутые брови.

Налюбоваться не могу. Глажу саму себя по коже, по губам, трогаю волосы, кручу головой и понимаю, что не хочу, чтобы меня еще раз подожгли. Да ни за что на свете! Такую красоту нельзя портить. Не позволю.

Мне плевать на законы этого мира. Я хочу сохранить себя в первозданном виде. Что же делать? Как же изменить привычный порядок вещей? Что-то мне подсказывает, что тренировки — это еще цветочки, и когда мы пойдем боевым отрядом на драконов, меня поставят на передовую.

— Может быть тебя пригласит сам Тир. Ты же все-таки его телохранитель, — подает голос Габи, и я чуть не падаю со стула.

— Какой еще телохранитель?

— Ты будешь телохранителем сына ректора. Я тебе уже рассказывала. Ты последняя пустышка, больше пока не успели вырастить.

Не успеваю переварить эту мысль, как дверь с шумом раскрывается и в комнату залетают парни. Тир — самый первый. Красивая рубашка облегает мускулы, открывая мощную грудь. Вообще-то, это блузка — такая, с кружевами и старинными рукавами-воланами. На ком-то другом она казалось бы смешной. А еще эти штанишки, облегающие ноги, а-ля Дартаньян. И полусапожки из кожи.

Впору потешаться, но почему-то я не смеюсь, а во все глаза смотрю на красавчика как со старинной картины, только во плоти.

Не могу оторвать взгляда, как будто меня загипнотизировали. По щекам себе надавать хочу, чтобы очнуться от морока. Потому что влюбляться сейчас совершенно неправильно. И несвоевременно. И уж точно нельзя залипать на наглого и противного мажора!

— Опять ремонтируешь пустышку? — насмешливо спрашивает Тир, убирая руки в карманы и покачиваясь с пятки на носок. А его друзья, как стая бандерлогов, проносятся ветром по маленькой лаборатории. О боги, неужели они собираются здесь всё разрушить? И почему никто не любит несчастного паренька? Так и хотят все Ворта обидеть.

— Возьмешь эту розовую склянку, и у тебя вырастут уши как у слона, — недобро выплевывает фразу Ворт, воинственно складывая руки на груди и выпрямляясь во весь свой немаленький рост. Я проникаюсь уважением к этому парню. Вроде как мажоры посетили его скромную обитель, среди которых есть и сын ректора, но он ведет себя очень смело и не поддается давлению.

— Что вам здесь нужно?

— Мы искали пустышку. А ты дурью маешься. Зря тратишь на нее зелья, — напирает Тир.

— Что, папочке расскажешь? — Ворт не остается внакладе.

Обстановка накаляется. Бандерлоги ржут, Габи прячется за стеллаж, а я сижу не

шевелиясь, наблюдая за перепалкой.

— Нам нужно усердно заниматься, ректор приказал делать это по несколько раз в день, — как ни в чем не бывало говорит Тир.

— Крайне неразумно использовать ее так часто! Она последняя, тем более она пригодится в походе. Я ее подлатал и думаю, что до похода можно приостановить тренировки, — невозмутимо отвечает Ворт.

— Ты? Ты думаешь? — хохочет Тир, запрокидывая голову. Паршивец хорош, такой самодовольный, вредный, но даже в своем наглom превосходстве такой красавчик, что глаз не оторвать. — Ты что, стал вторым ректором или его заместителем?

— Я просто не хочу, чтобы она пришла в полную негодность. А вы, болваны, этого не замечаете, тренируйтесь сами на себе!

«А что, так можно было?!» — у меня в голове возникает вопрос, который горит ярким пламенем.

В это время рядом со мной слышится какое-то шипение. Прямо из воздуха возникает свиток, который из небольшой трубочки падает прямо на стол.

Когда рассеивается дымка, все с удивлением смотрят на послание из воздуха. Интересно, что это такое?

— Министерский приказ, — шепотом говорит Ворт и протягивает руку.

— Эй, не трогай. Я отнесу отцу, — командует Тир.

— Ну нет, это послание появилось в лаборатории. Оно явно касается гильдии лекарей.

— Ничего подобного, боевые маги здесь тоже присутствуют. Возможно, оно касается нас.

— Или прислуги, — решаю вмешаться в спор. Габи тоже здесь.

Мне очень интересно, что это за послание.

— Исключено, — спорит Тир.

Начинается жуткий галдеж. Пока они все спорят, я спокойненько протягиваю руку и беру свиток. Самый настоящий пергамент, печать красная, сургуч. Открываю и всматриваюсь в витиеватые строчки. Вряд ли смогу прочитать язык этого мира. Вокруг воцаряется жуткая тишина, даже слышно, как булькает жидкость в какой-то колбе, в которой происходят самопроизвольные процессы.

Ну вот, опять я всех удивляю и оказываюсь в центре внимания.

О-па.

— Пустышка может брать в руки министерское послание... — слышу чей-то шепот.

— Читай, пустышка, — кивает мне Тир, — выходит, оно для тебя.

Неуверенно всматриваюсь в текст. Строчки ползут перед глазами. Буквы непонятные, иноземные, совсем не похожи на обычные, но в то же время причудливым образом складываются в ясный для меня текст. Но сперва я должна прочесть его про себя, чтобы уяснить, а уж потом читать вслух.

Ожидание стоящих рядом парней нервирует, они внимательно за мной наблюдают, изумленные тем, что я могу касаться министерского послания. Да я и сама удивлена, честное слово!

Итак, начнем, помолясь.

«Глубокоуважаемый...» Непроизносимое полное имя ректора ломает мне мозг, будто в него блендер засунули. Благополучно пропускаю цветистые приветствия и приступаю к главному, читая про себя.

«Ввиду того, что участились случаи появления незаконных порталов по всей территории страны, просим Вас обратить усиленное внимание на возможные вселения иномирных существ в слабые существа, такие как пустышки, домовые, русалки и прочие подверженные воздействию иных сил нелюди, проживающие рядом с мирными гражданами. Такие вселения представляют опасность, поскольку иномирцы могут скрываться и не показывать своего присутствия, прикидываясь теми существами, в которых они вселились. Тем самым угрожая сохранению баланса магии и безопасности мирных граждан.

Пот прошибает меня с ног до головы, руки дрожат, пергамент словно горит под пальцами. Нервно читаю дальше.

«Просим незамедлительно принять меры при обнаружении вселений иномирцев. Поймать подобное существо, посадить в магическую яму, запечатать магическими печатями и незамедлительно сообщить в министерство магии. При сопротивлении немедленно уничтожить, о чем составить подробный отчет, а позже провести расследование, чтобы выяснить пути проникновения существ из другого мира и запечатать портал, через который они явились».

Мой хмурый вид вызывает вопросы, я, наверное, сто лет читаю это послание.

— Ну что там? — недовольно вопрошает Тир, скривив свои красиво вылепленные губы. Даже сейчас мельком люблюсь, чувствую, что у меня сердце подпрыгивает каждый раз, когда он со мной заговаривает. Но отвлекаться нельзя. Слишком важный момент. От него зависит буквально всё!

Вижу, что Тир готов вырвать у меня из рук пергамент, несмотря на то, что это опасно, или вызвать своего отца. Ректору-то точно можно трогать свиток. Поэтому заставляю шарики и ролики в мозгу усиленно крутиться. Давай, давай, думай, ты должна что-то придумать! Выкрутиться, использовать эту ситуацию себе на пользу, спастись! Не хочу в магическую яму, это даже звучит жутко!

— Глубокоуважаемый... — сбивчиво зачитываю шапку документы и мозговыносящее полное имя ректора, делая умное лицо и держа пергамент на вытянутых руках. Мой голос звучит помпезно и монументально, представляю себя теткой из ЗАГСа, которая сочетает браком влюбленные сердца. Именно такой и выбираю, чтобы огласить придуманную волю министерства, выгодную мне. И тут послание исчезает прямо на глазах! Легкий хлопок — и прочитанный свиток испаряется в воздухе. Хорошо, что я смогла сдержаться и никак не

показала своего удивления. Потому что все остальные даже не дернулись. Видимо, так всегда и происходит. Прочитал послание — и всё. А что, удобно. Зато какая забота об экологии. Поэтому, наверное, и воздух здесь такой чистый, не загазованный.

Правда, есть проблемка — надо с первого раза запомнить, что было написано. Никакие детали уже не уточнишь, не перепроверишь. Хорошо, что я сама придумываю то, что было написано.

— Короче, тут сообщается, что теперь пустышки — тоже люди! Уважаемые члены общества! — заявляю дерзко, холодея внутри и дрожа всем телом.

— Что ты сказала? Поясни, — Тир скрещивает руки на мощной груди и повторяет интонации своего отца.

— Министерство крайне возмущено притеснением пустышек и решило прекратить измышательства. Слишком тревожная ситуация, чтобы тратить попусту ресурсы гильдии колдунов, — говорю наобум, несу всякую пургу, отчаянно надеясь попасть пальцем в небо. Сложно, знаете ли, соображать в условиях неизвестности и другого, враждебного мне мира. — Пустышек осталось мало, создавать новых долго, оставшихся нужно беречь. Уважать... — последнее добавляю с опаской, потому что не знаю, что возмутит присутствующих больше: требование не использовать пустышек или то, что их теперь придется принимать за нормальных людей.

— Что за бред? — Тир недовольно хмурится. — Уважать? Ты точно правильно прочитала? Ты вообще откуда читаешь умеешь, пустышка?

— Послушай, засра... — смелею я, но, опасаясь наговорить лишнего, вовремя затыкаюсь. — Нет, ну ты, конечно, можешь пойти к отцу и спросить у него, но он просто подтвердит мои слова. Уверена, он получил точно такое же послание.

А вот здесь я не вру. Одновременно треплю языком и прокручиваю вперед события. Как они будут разворачиваться? Ректор сказал, что не хочет связываться с министерством, он просил меня не выдавать свою личность, поэтому, скорее всего, поддержит мою ложь. В конце концов, могу я выдвигать какие-то условия?

— На чем нам тренироваться, если не на тебе? — Тир с пристальным интересом смотрит на меня, и мне кажется, что разоблачит мою ложь в любую секунду, но то, что поверил в послание, это точно. Как просто оказалось обмануть. Спасибо законам этого мира, по которым послания исчезают!

«На себе, олухи!» — думаю про себя, а вслух ничего не говорю. Пожимаю плечами, давая понять, что это очевидно. И вообще не мои проблемы.

— Это давно должно было случиться, — Ворт подает голос, и я смотрю на него. В его чистые и искренние глаза. — Я всегда говорил, что в министерстве сидят не одни узколюбые болваны.

Он явно рад за меня и выражает это всем своим видом. Кажется, если бы никого не было в помещении, подошел бы, чтобы обнять и закружить на месте от радости. Он невероятно милый. Готов был вывести меня в люди даже в старом статусе, который, кстати, совсем не старый.

Ведь я всех обманула. Что же теперь будет?

— Главное, чтобы упырей с болот не узаконили. Об этих кровопийцах ничего не было? — спрашивает Ворт, подаваясь ко мне.

— А служанок освободят из рабства?.. — робко высовывается из-за полки Габи.

У них тут еще рабство. И почему я не удивлена?

— И к кому ты теперь относишься, пустышка? — нагло отталкивает Ворта сын ректора и подходит ко мне. — Новый статус? Имя захочешь носить? Что дальше?

— Было бы неплохо, — отзываюсь язвительно. Тоже мне, умник нашелся.

Тяжело видеть, как устоявшийся мир рушится на твоих глазах? Но мне уж явно тяжелее. Могу я себе хоть какое-то послабление выбить? Это будет справедливо.

— Надо уточнить у отца, будешь ли ты моим телохранителем или нет, — говорит он, сощурившись, изучая меня с явным интересом. Своим выпадом я точно привлекла его внимание. Но он меня раскусил, точно раскусил. — Пойдем к ректору.

— Значит, говоришь, министерство именно такой указ отдало? — ректор подозрительно щурится, сидя за столом среди кучи раскрытых свитков. Почту, что ли, перебирает?

Выдвигаюсь вперед, остро чувствуя за спиной присутствие сыночка ректора, который немедленно позвал меня на аудиенцию к своему папаше, куда мы пришли только вдвоем.

— Именно. Уверена, они уже давно о такой возможности подумывали, — мой голос звучит убедительно, даже не дрожит, сама поражаюсь, как я так научилась врать.

Для меня это впервой, в прошлой жизни я предпочитала честность, а сейчас стала похожа на борца за феминизм и права угнетенных.

Впрочем, отступать некуда. Не признаешься же теперь, что всё выдумала. Что касается ректора, то я просто не представляла, как он отреагирует, но что-то мне подсказывало, что выкрутасы иномирки — это последнее, что его волнует в этот момент. Уж слишком озабоченным он выглядел, а когда мы с Тиром вошли в кабинет, на его лице ярко отразилась досада. Не сомневаюсь, если бы я могла читать мысли, то они были бы такими: «О господи, опять эта девчонка! От нее одни проблемы!»

— Ну что ж, — ректор Марципан кивнул и сложил руки на груди, — пусть будет так. Кто я такой, чтобы спорить с министерством? — задал он риторический вопрос крайне язвительно, и только мы с ним понимали причину такого тона.

Тир всё принимал за чистую монету и, естественно, находился здесь не для того, чтобы меня поддержать, а ждал решения отца по поводу использования снаряда для отработки приемов. Я чувствовала его нетерпение и, оглянувшись, постаралась взглядом дать понять, мол, веди себя прилично в кабинете ректора, пусть он и твой собственный отец.

Местный мажорчик в блузке с кружевами ответил мне победоносным взглядом, он почему-то не сомневался, что папочка уладит все его проблемы. Какая самонадеянность! Сейчас ты у меня попляшешь. В голове возникла отчаянная идея, и молчать о ней я не видела смысла.

— Если вы позволите, то я бы стала учиться в академии, я всегда об этом мечтала! — импровизирую я на ходу, решив, что в этом мире все молодые люди мечтают обучаться магии.

— Правда? — спрашивает ректор, и, ей-богу, даже его вздернутая бровь выглядит язвительно. — И каким же видом магии вы обладаете?

Я обратила внимание, что он завис и сделал паузу, потому что необходимо было назвать мое имя, и он бы с радостью воспользовался старым, да только понимал, как и я, что лучше меня пустышкой не называть. Ладно, оставим это на потом. Сейчас главное — добиться зачисления на любой факультет, чтобы мне дали какое-то занятие и оставили в покое. Пересажу время до того момента, когда найдется способ вернуть меня домой.

Ректор ждал ответа, и я кашлянула в кулак, раздосадованная тем, что он не протягивает мне руку помощи. Да я откуда я знаю, какой магией я обладаю? Может быть, вообще никакой! По крайней мере, я ничего не чувствую. Никаких магических потоков или завихрений внутри. Ничегошеньки. Пустышка, как она есть.

— Общей, — брякнула я невпопад, вызывая недоумение на лице ректора и оживление позади. Тир рассмеялся грудным смехом, который ласкал слух. Помимо воли я это отметила

и тут же жутко покраснела от смущения и одновременно злости.

— А что смешного? — спрашиваю напрямую, потому что мне неинтересно отгадывать.

— Общей магией владеют страхолюды, гномы и домовые, — надменно проговорил павлинистый мажор, на что я едва не показала язык, но сдержалась.

А Марципан протяжно вздохнул.

— Ладно, ребятки, вы и так у меня слишком много времени отняли, — ректор встал из-за своего стола, нахмутив брови. — Перво-наперво проверим тебя на огненную магию. Тир займется этим с удовольствием.

Он многозначительным взглядом посмотрел на своего сына, чтобы тот даже не думал сопротивляться и спорить с волевым решением облеченного властью родителя.

Тиру идея явно не понравилась. Конечно, никому не нравятся изменения. Я вот тоже не очень довольна тем, что меня из родного мира турнули, да еще в чужое тело! Но я не жалею, а предпринимаю действия.

— Отец, мне сейчас не до обучения... этой... этой... — паренек явно тоже затруднился с тем, как меня правильно называть. Вон какую моську скорчил. Я бы тоже посмеялась, но не до смеха.

— Сходите в канцелярию, пусть тебя определяют ее куратором, имя можете выбрать сами, — это он уже ко мне обращается.

— А что, так можно было? — настал мой черед хмуриться. Не, я не против дать себе имя, но не представляю, какое выбрать. Вообще не понимаю, как у них тут имена подбираются, поняла только, что быть Марципаном в этом мире нормально, никто тебя с лакомством не сравнивает и не смеется. Мне, что ли, Сахарком себя назвать? А что, весело будет.

— Идите-идите, Тир, проверь девушку на магию, ты с Алианой делал то же самое, — кивает сыну и усаживается за стол, чтобы приняться за свои нескончаемые документы. — Когда выяснишь ее стихию, зачислим на факультет.

Чем это они с некой Алианой занимались? Как магию проверяли? Откуда Тир это умеет? Так хочется задать эти вопросы, но я благоразумно молчу, выходя вслед за мажором наружу. Он поворачивается ко мне, как только захлопывается дверь.

— Теперь ты довольна? — наступает на меня, заложив руки за спину и грозно надув щеки.

И зачем так злиться?

— Чем довольна?

— Свалилась на мою голову, пристала, как репей, не отцепишь!

— А ты всегда отца беспрекословно слушаешься? — подзуживаю, намекая, что он может валить на все четыре стороны, а я разберусь и без него. — А может, ты злишься, что девушку твою упомянули? — без зазрения совести бью по больному месту. — Переживаешь за нее?

— Думаешь, раз перестала быть пустышкой официально, все тебя уважать будут? — не остается внакладе ершистый мажор, даже не думая отвечать на мои вопросы по поводу своей невесты, сузил глаза и начал прижимать меня к стенке в коридоре. Рядом никого, один сквозняк по ногам проносится, некому меня защитить. Вот бы сейчас наглого мажора шандархнуть любым видом магии! Стою, фырчу, пытаюсь почувствовать что-то внутри, а Тир продолжает наседавать:

— Только отпрыски достойных семей могут учиться в этой академии, тебе тут не место,

тебя никто не примет, ты — ничто!

Ну всё, с меня хватит! Чувствуя внутри огромный заряд энергии, вскидываю руки вперед и направляю на Тира...

Чего я хотела? Да хотя бы показать мажору, что хватит выплескивать негатив. Я терпеть подобное не стану. Надоело.

Тир, конечно, красивый. Мускулистый. Этого я не могу отрицать. Им хочется любоваться, но ровно до тех пор, пока не начинает говорить. Он же в академии сын ректора, ему слова против не скажи, иначе папочке пожалуется. Я тут я, какая-то пустышка, попыталась отстоять свои права. И не какие-то особенные, а простые: на жизнь без насилия, на равноправие, на человеческое отношение, уважение... Это привело его в ярость, и он начал намеренно перегибать палку.

Наседал, распалялся... У него даже глаза от ненависти темнели из-за расширенного в гневе зрачка.

Тир привык относиться к пустышкам безжалостно, без капли сострадания, калеча и уродуя, пока их несчастные жизни не обрывались... Ух, негодяй! И его даже ни капельки не волновало, что по сути они одурманенные магией девушки.

Неужели он никогда не думал, что его сестра или другой близкий человек может оказаться на их месте?

Я не понимала его узколобости, эгоистичности и просто хотела заставить красивый рот, изрыгающий гадости, замолчать.

— Ну и что, пустышка? — оскалился Тир, наблюдая за моими попытками. — Не надорвись от бессилия!

Продолжая издеваться, он сделал шаг и отбросил мои руки... Точнее, хотел отбросить, доказав, что я ничтожество. Как вдруг перед глазами стемнело, в ушах раздался свист, и...

Что произошло дальше, я не могла объяснить, как и Тир, застывший с приоткрытым ртом и выпученными глазами.

Я пялилась в его лицо, обожженное точно так же, как и мое. Я сделала это сама? Ударила его магией? Неужели я огневик? Все эти мысли пронеслись одновременно, в моей несчастной голове, которая закружилась, когда меня куда-то дернуло...

И мы бы с Тиром, ошарашенные, наверное, долго стояли, озираясь по сторонам, если бы наши ноги не стали утопать в холодной, вязкой жиже.

Меня, как более легкую по весу, засасывало медленнее, поэтому я, упав на четвереньки, смогла вырвать из плена грязи одну ногу, потом, распределив вес, другую. А там дотянулась до травы, над которой парил сизый туман, вцепилась мертвой хваткой и кое-как выбралась на клочок суши.

Тир же, как тяжелый мускулистый парень, ушел в топь по грудь. И на глазах опускался ниже.

— Помоги! — он протянул руку.

Я уже поспешила протянуть ему ладонь, как вдруг спохватилась.

— Сначала извинись и пообещай не насмехаться надо мной. Относиться с уважением!

— Иди к горгу!

Это еще что за напасть? Явно что-то не очень хорошее, раз меня туда посылают.

— Куда ты меня отправил и за что? — спросила строго, пытаясь на потешаться над перемазанным в саже лицом красавчика.

— Ты забросила нас в болото! Слепая, что ли? Не видишь?

Он совершенно рассвирепел, а я морщилась, пытаюсь понять, куда мы попали.

Болото, ей-богу, самое настоящее. В болотах, вообще-то, тонут. Это я знала точно, хоть и была городским жителем.

— Я никуда никого не забрасывала. И ты готов из-за спеси утонуть? — поинтересовалась как будто равнодушно, видя, что Тир не собирается ни объяснять мне тонкости перемещений, ни просить о помощи вежливо.

— Плевать! — прорычал он, но по его ужасу, отразившемуся на лице, было видно, что он в шоке и немного не в себе. Только поэтому кричит, что плевать, забыв о самосохранении.

Помогу ему в любом случае. Я ведь не изверг и не такая, как он. А еще ради его отца, приличного человека. Ведь тот запросто сдать меня министерству. А нет же, возится, опекает, скрывает мою тайну.

Поэтому я завертелась в поисках хоть какой-то палки.

Увидев добротную коряжку, метнулась к ней. Мажор вот-вот уйдет под воду!

Не с кем будет припираться! Да и на болоте куковать одной не очень-то хотелось.

А он, решив, что я бросаю его, закричал:

— Извини! Извини! Обещаю всё, что ты хочешь!

Что именно — не уточнил, потому что жижка достигла подбородка. Жаль, что прежде не поклялся, но деваться некуда.

Протянула ему кряжистый сук, и Тир схватился за него.

Я упиралась пятками, падала, снова поднималась и тянула его.

Болото не желало отпускать свою жертву, но я бываю очень настойчивой. Еще в стрессе напряглась до предела. И только поэтому мне хватило сил вытянуть бугая на безопасный островок.

От волнения и адреналина дрожали ноги и руки. Меня вообще всю потряхивало. Но, глядя на мажора, точнее то, во что он превратился из-за грязи и травы, не смогла сдержаться и захихикала.

Это был точно стресс, потому что раньше я таким голоском не смеялась.

Стоило Тиру отдышаться, размазать по лицу грязь и прийти в себя, он... вновь взялся за старое.

— Заткнись, пустышка! — рявкнул как ненормальный.

В ответ я рассмеялась громче, злее, потом вовсе ткнула в него пальцем.

— Тебе ли, требовать, чудовище? Ты себя видел?

Недолго он вежливым был!

Он зарычал. Дело принимало серьезный оборот, ведь мы вне стен академии. Здесь нет никакого права, кроме права сильного. И оно явно не на моей стороне.

Я перестала смеяться, встала, выпрямилась и глаза и, смотря в его злющие глаза и перекошенное от ярости лицо, заговорила:

— Я. Тебя. Спасла! Поэтому хотя бы из уважения к своей жизни, перестань быть недоумком. Поблагодари небо, что еще живой и что я, пустышка, протянула тебе руку помощи!

— Помощи?! — прокричал Тир. — Это ты перетащила нас сюда! Это всё по твоей вине! Чего руки свои распустила?!

— Что? — переспросила я, не понимая, о чем он толкует.

— Я хотел, чтобы ты перенеслась в соседнее помещение. Чтобы исчезла с моих глаз,

перестала кривляться! Но мы оказались тут! Хотя карманного магического накопителя хватало только на перемещение одного и на близкое расстояние!

— То есть ты подтверждаешь, что дар у меня не только общемагический? — мне самой не верилось, но сейчас я отстаивала свои права. Поэтому постаралась поймать его на его же словах.

— Уфф! — прорычал мажорик.

— Отец у тебя хороший, достойный человек, а ты в кого пошел такой не воспитанный и грубый? — отвернулась я от него. И ощутила, как мощные, тяжелые лапищи обхватили меня у плеч.

— А ну, верни обратно!

— Как?! — клацнула зубами, когда он принялся трясти меня. — Я пустышка!

— Как хочешь! Иначе тебе, пустышка, — прошипел он, выделив обращение, — не жить!

Хорошо, что выпустил из хватки. Я резко развернулась и заявила:

— Ха-ха! Тогда ты от тоски в болоте загнешься!

Хотя, судя по его глазам, в которых появились оранжевые, огненные всполохи, он скорее сгорит от ненависти. Плевать, но... Одной в болоте остаться страшно. Да и что я скажу ректору? Сынок то его, любименький.

Тир снова потянулся ко мне, но поскользнулся на жиже и упал, плюхнувшись в воду.

Я расхохоталась и, пока он поднимался, чтобы в порыве страсти придушить меня, поскакала по кочкам, выглядывавшим из травы, подальше от него.

Только удача улыбалась мне недолго. Один из бугорков, поросший травой, ушел под воду, и я тоже упала. Теперь мы оба были в грязи с головы до ног.

— Это всё ты виновата! — ноги Тира уходили под воду, он злился и не переставая ворчал. Но я радовалась, что угодила в передрыгу не одна. Я ведь мир этот совсем не знаю. Что бы делала одна? Страшно представить.

Правда, сейчас мне тоже страшно, но не так, как могло бы быть, окажись я, к примеру, посреди дремучего исполинского леса или в какой-нибудь пропасти в веселенькой компании саблезубых тигров. Одна-одинешенька. А так целый маг огня под рукой. Почти дипломированный... Пусть и вредный, но зато в наличии.

Повернула голову, оглядела красавчика, чумазого и черного, теперь походившего на дикого йети, и настроение поднялось. Появились силы, чтобы подразнить его.

— Ты уж, Тир, определись, — обратилась к нему серьезным тоном, — у меня нет дара и ты презираешь меня или есть дар, и ты бесишься из-за его наличия у пустышки?

— Да иди ты! — вот и весь ответ.

Бесится. Привык ходить по мощеным дорожкам академии, носить кипенно-белые рубашечки, туфли бытовой магией очищать — и никогда пороху не нюхал. А сейчас влип.

Да и ожоги... Они у него не сильные, но даже просто покрасневшее место болит. Сама знаю — не раз на кухне обжигалась.

Когда он в очередной раз упал и попытался растереть по лицу грязь, я не выдержала.

— Перестань касаться лица! Раздерешь место ожога — попадет зараза! И всё — парадней жара, озноба — и прощай, жизнь!

Тир поднимался, но после моих слов замер в полусогнутой позе. Однако коснулся рукой лица... и выдал, выпучив глаза:

— Я. Не чувствую. Боли!

Даже под слоем грязи было заметно, как он испугался. Принялся ощупывать себя.

— Поздравляю, теперь ты тоже присоединился к сообществу пустых, — фыркнула я.

Тут Тир додумался для проверки ущипнуть себя. Перестарался и с такой силой ущипнул, что взвыл. Потом засмеялся от радости.

— А облом тебе, пустышка! Я не из таких, как ты! — И принялся потирать больное место. Ишь, развеселился. Злость ушла, в глазах счастье. И даже почти нормальным человеком стал.

— Странно, — пожала я плечами и пошла дальше.

Постепенно болото превращалось в озерцо. Пить стоячую воду я не рискнула, хотя не отказалась бы утолить жажду и перекусить, но, когда увидела крохотный ручеек, зачерпнула пригоршню воды и позвала Тира.

— Иди сюда!

— Это зачем?

— Посмотрим, что с твоим лицом.

Думала, не подойдет, однако, мучаясь вопросом, красавчик решил, что в данном случае подойдет и помощь пустышки.

Я оторвала от рубашки кусок ткани, а он позволил мне бережно обтереть его лицо.

Отмывая грязь, я ожидала увить волдыри, да что угодно, однако... кожа Тира была не просто чистой, а и-де-аль-ной! Как попка младенца, не страдавшего диатезиком.

— Что там?! — заволновался Тир, не понимая, что могло бы означать мое озадаченное

лицо.

— Чисто! Но я помню, что у тебя была краснота и пара волдырей, когда мы оказались здесь. Ты умеешь регенерировать?

— Я тебе дракон, что ли? — хотел отмахнуться он от моих рук, но, явно вспомнив, чем дело обернулось в прошлый раз, просто отошел. Сам. От меня. — На тебе тоже ни следа, — вдруг сообщил как будто невзначай.

— Правда? — обрадовалась я. Склонилась над водной гладью и принялась изучать себя. Как и Тир.

Красавчик очень переживал за свою внешность, волновался, а когда понял, что всё обошлось, шумно выдохнул. Сел на траву, потом растянулся на ней и засмеялся.

— Радуетесь?

— Все проблемы почти разрешились. Я невредим, знаю, где нахожусь и куда идти. — Проследив за моим восхищенным лицом, гордо добавил: — И я знаю, что скоро буду в академии.

— К вечеру?

— Ну... — задумался он. — Как повезет.

Ночевать на земле, среди живности, меня не прельщало. Поэтому я пошла на хитрость:

— Тир, ты же лидер команды в академии. Умный, находчивый... Придумай что-нибудь, а? — сложила ладони на груди и похлопала ресницами.

Тир застыл, разглядывая меня.

Неужели я снова сделала что-то не так?!

— Можешь же быть нормальной, когда хочешь, — пробурчал он. Встал, тряхнул головой, пытаясь по привычке махнуть копной волос. Но, спохватившись, что волосы у него уложены с помощью жижи, пригладил их ладонью, приосанился и гордо приказал:

— За мной!

Он перестал ныть, жаловаться и брюзжать. Ступал уверенно, и мне даже показалось, что Тира подменили на более покладистого близнеца.

Иногда он сверялся по неведомым мне ориентирам, а потом снова шел вперед.

Из-за его широких шагов мне пришлось идти быстрее. Я стала запыхаться, и он даже замедлил шаг. Что было невероятно для такого эгоистичного мажора, как он.

Вскоре среди деревьев появился намек на тропинку. А потом появилась и хижина.

— Тир, а ты уверен, что там безопасно? — спросила я на всякий случай.

Он выше вскинул подбородок и ответил:

— Ты идешь с Тиром Марцепеном и можешь ничего не бояться!

Ладно. Почему-то я поверила ему, успокоилась и подходила к домику с уверенностью, что Тир не такой уж и плохой.

Поплутав по тропинке, мы подошли к хижине.

Она самая обычная, чуть покосившаяся, без куриных лап, но такая страшная...

Спрятавшись за разросшимся кустом крупного папоротника, я с волнением разглядывала чужое жилище. А Тир как отчаянный храбрец, лидер университетской команды, привыкший быть альфой, бесстрашно поднялся по ступенькам, протянул руку и собрался... просто войти. Нет, не просто войти, а самонадеянно ворваться в чужой дом!

— Стой! — замахала я руками. — Там может быть опасно!

Тир хоть и самовлюбленный красавчик, эгоист, но человек и мой вынужденный напарник, поэтому я посчитала нужным предупредить его.

Он небрежно повернулся ко мне, сидящей в кустах, посмотрел скептически, словно раздумывая, может ли пустышка сказать что-нибудь дельное, потом снова оглядел дверь... И кивнул.

— Ты права, пустышка. Надо проявить бдительность!

Хоть и согласился, не стал спорить, но мне показалось, что он не воспринял мои слова всерьез. Вот же уколобый, самоуверенный... красавчик...

Что ни говори, но стоял он на крыльце, даже в грязной одежде, как рыцарь Камелота после множества испытаний. Хладнокровный, благородный.

Широкие плечи обтягивала грязная рубашка. Кожаные штаны обрисовывали контур мускулистых ног... И взгляд у Тира как у актера из гламурного журнала, который позирует для фотосессии. А я трусишка, спряталась в кустах, как воровка... Сразу видно, кто привык быть хозяином жизни, а кто — прятаться от шишек, постоянно падающих на мою бедовую голову.

— Что ты, пустышка, предлагаешь? Уйти?

— Не знаю, — высунула я нос из зарослей. — Как у вас, магов, тут положено? Может, изучишь магией дом? Вдруг в нем живет злой колдун или людоед?

Брови Тира взметнулись к середине лба. Сейчас опять начнет спорить, обзывать меня глупой. Поэтому я проворчала:

— Делай как хочешь!

Подняла руки, показывая, что более лезть с советами не буду, и скрылась за зелеными влажными листьями разросшегося папоротника.

Тир продолжал стоять на крыльце, однако беспечно вламываться в чужое жилище явно передумал. Потом потер руки, красивым жестом раскинул их в стороны, и... из его ладоней потекла магия: искрящаяся, как яркая невесомая лента, она легким сиянием окутала бревенчатые, потемневшие от времени стены дома, покатую крышу со скрещенными коньками. Темные маленькие окошки тоже засияли...

Любуясь красотой, я позабыла о страхе и, открыв рот, любовалась магией, пока...

Пока дверь избушки с противным скрипом резко не открылась и из глубины не раздался властный строгий окрик:

— Опять, охламон, дурью маешься?! Живо мыться!

Ничего себе?! Назвали мажорика охламоном, в дом пригласили, предложили помыться... Так-так-так... Прищурилась и покосилась на Тира.

На что он пожал плечами, улыбнулся хитро и вошел в дом.

А мне что делать? Пока думала, относится ли ко мне приглашение, с соседнего дерева слетела круглоглазая сова, села на ветку над моей головой и старческим голосом проворчала:

— Тебе тоже особое приглашение нужно?

От неожиданности я села на попу.

— Если на холодной земле приятнее... — недовольно проворчала птица, щелкая крючковатым носом.

— Нет-нет, — завертела я головой. — Спасибо за приглашение. Вы так любезны... — поблагодарила говорящую птицу, быстренько вскочила и побежала вслед за Тиром.

Пригнулась, перешагнула порог и застыла, пораженная внутренним уютом дома.

Он просторный, добротный, светлый! Большой камин полыхает, манит теплом. Перед ним кресла и пушистая шкура... Магические кристаллы на потолке, как звезды, наполняют пространство мягким светом. Еще пахнет душистыми цветами, лесом, солнцем и едой...

— Ничего себе! — выдохнула я, озираясь.

— Угу, а то злой колдун! Людоед! — из-за спины вышел высокий худощавый старичок с длинной белой бородой, умными глазами и крючковатым носом. — Эх, молодежь! — Покачал головой. И мне стало так стыдно, что щеки запылали от стыда.

— Простите, — опустила голову. — Я не знала, что здесь живете вы.

— Ты нет, а он, — покачал головой старичок и строго посмотрел на голодного Тира, чумазыми руками хватавшего со стола еду и быстренько засовывавшего в рот.

— Да я... — Тир проглотил кусок ветчины, пахнувшей одуряющее соблазнительно. — Хотел сразу зайти, а она заладила: «Опасно! Опасно! — Еще и передразнил меня. — Я же говорил, что тебе... — Снова проглотил. — Помалкивать надо. Вечно глупости говоришь. Зато... — Поднял огромную хозяйскую кружку и громко отхлебнул из нее. — Теперь ты видела, что значит истинный магический дар! Поняла? Сама-то так можешь?

— Позвольте полюбопытствовать, молодой человек, а с чего вы решили, что перед вами пустышка?

Тир перестал есть. Повернулся к старику, потом ко мне. И выдал:

— Так она и есть пустышка.

— Незачет, молодой человек, по общей магии!

— У меня зачет, магистр Зефрий! — улыбнулся широко Тир. И чтобы хозяин дома не устроил разнос, улизнул в ванную со словами: — Я скоро!

Я и старик остались одни. Очередное имя из разряда сладостей? Пожалуй, стоит посоветовать им переименовать свой мир. Сладостия? Кондитерский рай?

— Садись, — любезно указал хозяин дома на соседнее кресло. Не успела я возразить, что могу испачкать обивку, кресло легонько толкнуло меня по ногам, и я плюхнулась в него.

После тяжелого дня оказаться в удобной позе, с вытянутыми, расслабленными ногами, горевшими от усталости, блаженство. Я почти сразу расслабилась, и оттого вопрос хозяина дома застал меня врасплох.

— Как тебе наш мир? — коснулся старик моей тайны, как будто спрашивал о погоде.

— Откуда вы знаете? — испугалась я и сжалась внутренне. Неужели во мне так легко угадать попаданку в чужое тело?

— Нужно уметь созерцать мир, понимать его, улавливать малейшие перемены, — мудро ответил магистр и задал вопрос в лоб: — А как тебе твой спутник?

Отвечать я не желала, но он так грозно смотрел, что я не видела возможности молчать или отвечать нечестно.

— Мир интересный, красивый, чудный, а вот спутник мне достался... хм... очень своеобразный... — покачала головой, чтобы не показывать зажатости. Хотелось пожаловаться хозяину дома на здешних мужчин, но я решила, что это невежливо, поэтому развивать тему не стала.

— Вот как? Интересно, — магистр постучал пальцами по резному подлокотнику. Фигурка диковинного зверя, изображенного на ней, ожила, потянула мордочку к руке старика, чтобы получить еще капельку ласки. — А бездельник считает, что он отличный жених.

— Чей жених? — не сразу сообразила я, засмотревшись на зверька, похожего то ли на грифона, то ли на льва с лисьим хвостом.

— У него есть невеста — госпожа Алиана Лакрица.

Прямо уж невеста? А я думала, они так — встречаются...

Прыснула в кулак, услышав очередную фамилию из разряда сладостей, вспоминая, какая гадкая на вкус лакрица. Черная, противная. Интересно, а в этом мире есть нормальные фамилии?

— Мир им да любовь, — ответила я сдержанно, хотя сказанное магистром царапнуло в груди болезненным спазмом.

Вот уж не думала, что я такая ревнивица. Да и было бы кого ревновать. Эгоистичный красавец не предел моих мечтаний. Я девушка здравомыслящая: понимаю, что красивая внешность — не самое главное в мужчине. Больше ценю доброту и надежность, а не широкие мускулистые плечи и породистый профиль... Стоило подумать о Тире, и его лицо встало перед глазами. И я разозлилась на себя.

— Так даже лучше, — прищурился хитро старик, изучая меня внимательным взглядом.

— Кому лучше? — насторожилась я. Не нравятся мне витиеватые, туманные намеки.

— Всем. И в первую очередь — мировому балансу, который нарушен упрямыми. Не просто так возникают хаотичные порталы то тут, то там, наводняя мир пришельцами других

миров.

— Нарушен? Кем? И как?

— Неужели ты ничего не заметилам? — покачал головой старик. Волосы его такие же седые, как борода, только гораздо реже. Еще при свете магических ламп отливают зеленцой, и хозяин дома выглядит как пожилой панк. Представив солидного магистра в длинной темной тунике в цепях и с электрогитарой, трясущего головой на сцене под рев музыки, едва не расхохоталась. — Совсем ничего не заметила? — Вопрос магистра Зефрия вернул меня на землю.

— У вас мало девушек, — вспомнила я первое свое наблюдение, какое сделала в академии.

— Вот! То-то и оно. Негожее дело творится. Вот Боги и пытаюсь восполнить там, где убыло.

— Мной восполнило? — усмехнулась горько я. — Потому-то министерство разослало приказ об... — понизила голос, — уничтожении всех существей.

— Большой чин не гарантирует мудрости, — сокрушенно вздохнул старик. Перестал почесывать спину грифонольву — зверь приуныл и свернулся калачиком.

— Скажите, а я могу вернуться домой? В свое тело? — спросила я с надеждой. От волнения стиснула кулаки, напряглась. Не хочу остаться здесь навсегда.

— Кто знает? — растянул морщинистые губы магистр, как Чеширский кот.

— Но вы ведь знаете! — не удержалась я, перегнулась через стол и заглянула ему в глаза.

— Мир жаждет баланса...

— Но при чем тут я?! — разволновавшись, я не сдержалась, и тут же получила замечание:

— В твоём мире молодежь всегда старших перебивает?

— Извините... — затихла, но желание общаться у магистра пропало. Как ни расспрашивала его, ни уговаривала, он отвечал, что это ему неизвестно.

Ох, как я корила себя. Но было поздно. Упрямый старик увиливал от ответов.

Тир вышел из ванной и сразу заметил, что я расстроенная, а маг сидит и задумчиво поглаживает свою бороду, созерцая звездный потолок с мерцающими звездами.

— Опять загадками изводишь, магистр Зефрий?

Очевидно, Тир относился к старику с уважением, но ни капельки не боялся. Даже чистую рубашку до конца не застегнул, чувствуя себя в гостях как дома.

— А вам, молодежи, все тайны мира выдай да на ладони подай, — хмыкнул старик, не поворачиваясь.

— Вы ими только маните и дразните. Я привычный к вашей манере, а пустышка — нет. Она потом меня всю дорогу доставать будет расспросами. Нет в ней послушания и скромности.

— И ты ее судишь? — прищурился старик, вмиг из строгого магистра превратившись в дедушку. Я бы предположила, что они родственники, но между ними не было ни малейшего сходства, подтверждавшего какое-либо родство. Интересно, кем они друг другу приходятся?

— А почему бы и не судить? — пожал плечами Тир. — Сразу видно, что она невоспитанная грубиянка!

— Главное, что твоя невеста не такая... — старик общался доброжелательно, но мне в каждой его фразе чудилась легкая насмешка.

— Да, моя Алиана не такая! Иначе я отказываюсь жениться! Уж лучше одному быть.

Юношеская бравада Тира вызвала у меня приступ ехидства. Мне было неприятно слушать, как меня сравнивают с другой. Вот какое ему до меня дело? Пусть гордится своей невестой, а меня не трогает. И вообще, тоже хочу помыться и привести себя в порядок.

— Магистр Зефрий, а могу я тоже посетить ванную? — поинтересовалась я, набравшись храбрости.

— Конечно, — кивнул старик. — Заодно переоденешься. Сменное платье в гардеробе, что прилегает к ванной. Найдешь?

— Конечно, — кивнула я и, гордо держа осанку, отправилась в указанном направлении.

Что удивительно, стены ванной были самые обычные, раковина и ванна — тоже, а вот пол покрывал живой мох. В углу на ветке пели птички. Лежа в горячей ванной, которая магически наполнилась водой, я с удовольствием слушала нежные птичьи трели, которые не просто радовали слух, но и расслабляли.

Когда встала, мягкое полотенце само опустилось мне на плечи и окутало тело.

Теперь осталось найти заветный гардероб. Только где он?

Огляделась и заметила в соседней стене сияющий силуэт двери. Потянула за небольшую ручку и ахнула...

Когда магистр говорил про сменное платье, он имел в виду не платье в старинном понимании, а именно про женское платье! Точнее, платья, потому что передо мной висело с десятков нарядов. Несколько ярких и нарядных, парочка в цветочек, еще несколько скромных с тоненьким кружевом на лифе и рукавах.

Конечно, вряд ли хозяин дома носит платья или нуждается в них, но я выбрала зеленое, скромное, чтобы не показаться нахалкой.

Стоило снять его с вешалки, на нижней полке появились туфельки в тон ткани. А на верхней — чулки, сорочка и еще необходимые мелочи, которым я очень обрадовалась. Наскитаешься по болотам — потом особенно ценишь комфорт.

Вещи подошли идеально. Застегнув все пуговички на лифе, я собрала волосы и перевязала белой лентой. В зеркале на меня смотрела скромная, милая девушка. Я улыбнулась своему отражению и покинула ванную.

Хозяин дома и гость сидели перед камином, о чем-то мирно беседовали и ели. Стоило мне сделать пару шагов, рядом с Тиром появилось еще одно кресло.

— Присоединяйтесь к нашему позднему ужину, — любезно пригласил магистр. Я была очень голодна и с радостью присоединилась. Но стоило мне сесть, поймала на себе удивленный взгляд Тира.

Не обращая на красавчика внимания, положила на тарелку жаркого, свежей сдобы, несколько ломтиков мяса и принялась медленно есть.

Тир украдкой бросал на меня взгляды. Мне казалось, что что-то я делаю не так, но из упрямства я старалась вести себя так, словно не замечаю его.

— Надолго в Велмерких лесах? — поинтересовался хозяин дома в конце ужина.

— Зная, магистр Зефрий, как вы цените уединение и тишину, не стану вас отвлекать и попрошу Мармеладика. Не сочтете за наглость?

Я повернулась в сторону Тира. Он такой большой, brutальный, а хочет мармелада. Да уж, мало я понимаю здешних мужчин.

— Не сочту, — отозвался магистр. — Но Мармеладик?

— Я буду милым и терпеливым, — заверил Тир, смотря на хозяина дома, как

шкодливый мальчишка на витрину со сладостями. Я едва не рассмеялась в голос. Ему осталось разве что сложить ладони на груди и пообещать быть послушным мальчиком.

— Попробуй.

— Спасибо, магистр! — Тир вскочил со стула, поклонился и помчался к двери.

— А вы, что же, не спешите? Желаете еще погостить, старика нудного послушать? — обратился магистр Зефрий ко мне.

— Вы очень интересный собеседник, — я торопливо положила приборы на тарелку. — Если бы не мировой баланс, который, по вашим словам, каким-то образом связан со мной, я бы с удовольствием осталась, чтобы попытаться разузнать у вас хотя бы малюсенькую тайну Вселенной. Но вы ведь не скажете?

— Некоторые пытаются постичь тайну мироздания всю жизнь и не узнают ее, а молодежь хочет всё и сразу, — улыбка не сходила с лица хозяина дома, и я бы в самом деле погостила бы у него.

Однако он ценит уединение, а мне тоже пора.

— Может быть, в следующую нашу встречу вы все-таки расскажете, как мне вернуться домой? — попытала я счастья и застыла, ожидая ответа.

— Может быть, — загадочно ответил магистр Зефрий.

— Я обязательно загляну к вам еще! До свидания! — крикнула я хозяину дома, убегая.

— Может, ты и сама догадаешься... — слышалось мне.

— Что? — обернулась я, но кресло магистра уже было пустым, а его самого нигде не было.

Вот чудеса...

Когда я выбежала во двор — Тира там не было.

— Эй, ты где? — окликнула его, но он, конечно же, не отозвался. Зато я услышала лошадиное ржание и громкий звук хлопающих крыльев, будто стая голубей взлетала в небо...

Огляделась в поисках голубятни, но ее точно поблизости не было, а вот шум, кажется, исходил с заднего двора.

Осторожно ступая по дорожке, огибавшей гостеприимный дом магистра Зефрия, я добралась до разросшихся кустов. Выглянула и... не поверила глазам, увидев роскошного пегого коня с огромными крыльями.

Скудные лучи солнца падали на его рыжую гриву, золотили, придавая сказочности. Белые пятна, как изящные яблоки, раскинулись на ногах, спине и узкой проточиной — на умной морде грациозного животного. Зато крылья у него были белоснежные, мощные и просто невероятные.

— Очуметь! — выдохнула я, с восторгом разглядывая пегаса. На всякий случай моргнула, потеряла глаза, а потом, как ребенок, который увидел диво-дивное, потянула к нему руку.

— Не дури, пустышка! — строго произнес Тир, оказываясь рядом и останавливая меня. — Он одним движением превратит тебя в лепешку!

— Жаль, — я отступила назад и заметила, как умное животное рассматривает меня карим озорным взглядом.

— Мармелад! Стой! А ну, стой! — закричал Тир, когда крылатый красавец неожиданно двинулся в мою сторону. Он явно не ожидал, что конь заинтересуется мной, потерял равновесие и едва не упал в грязь.

Снова.

Мне бы испугаться, спрятаться, но я застыла на месте и во все глаза разглядывала настоящего пегаса.

— Прости, малыш, у меня ничего вкусного нет, — извинилась я и, когда он подошел ближе, набралась храбрости, протянула руку и потрепала шелковистую гриву. Пегас обнюхал меня, обдавая ладонь горячим дыханием. — Не знала, что встречу такого красавца. Иначе бы обязательно попросила у магистра Зефрия для тебя морковку или яблоку.

— Какой он тебе малыш? — нахмурился Тир, шагая к нам. Попытался за узды увести пегаса, однако тому достаточно было махнуть головой, чтобы незадачливый укротитель животных потерял равновесие.

Я рассмеялась и принялась гладить Мармеладика, который был самым прекрасным конем, которого я видела в своей жизни.

И имя такое чудесное. Я уже даже не удивлялась сладким названиям и с интересом ждала, кого еще мне представят из кондитерского ассортимента.

Наша симпатия с пятнистым пегасом оказалась взаимной.

И только сердитому Тиру, считавшему, что только ему, неотразимому, всё по плечу, пришлось встать в сторонке и с очевидным недовольством наблюдать за нашими нежностями.

— Ты, Тир, считаешь, что можешь верховодить. Это Мармеладика не нравится, вот он и

показывает тебе, что надо к нему относиться с уважением.

— Да откуда тебе знать! — рассердился маг. — Мы с ним прекрасно ладим.

Я с усмешкой покосилась на него, и он поправился:

— Ладили, пока тебя не было рядом. А теперь он на себя не похож! Ты какая-то ненормальная пустышка! Стоит тебе появиться — всё идет наперекосяк.

И прямо-таки всё! Ничего такого и не случилось. Ну переместились на болото, так зато к такому хорошему человеку в гости зашли, а еще я познакомилась с чудесным животным.

За такое можно и потерпеть хама Тира.

Спорить мне не хотелось, поэтому я просто показала ректорскому сыну язык, отчего он нахмурился.

— Наиграетесь, тогда и полетим в академию, — проворчал он и встал, прислонившись спиной к заборчику.

Мне нравился Мармеладик. И нравилось наблюдать за угрюмым Тиром. Но я чувствовала, как он расстраивается, что конь больше тянется ко мне, чем к нему.

Это как когда ухаживаешь за щенком, лечишь, а он, глупыш, радуется всем гостям больше, чем тебе. Было такое в детстве, и я ужасно ревновала, поэтому состояние мага понимала.

— Тир, попроси у магистра яблок, а? Пожалуйста! — попросила я, кокетливо склонив голову. — Думаю, он обрадуется и подобреет.

— Очень ты понимаешь в нраве пегаса.

— Ты прав, немного, но я бы на его месте обиделась, если бы ты пришел ко мне с пустыми руками.

— Думаешь? — Тир вроде как заинтересовался моим предложением, хоть и старался упрямо не показывать, что готов сотрудничать.

До чего вредный!

— Я не знала, что у магистра есть такое чудо, иначе бы обязательно припасла вкусенького. Но ты-то знал.

— Полагаешь, Мармеладику чего-то не хватает? Магистр Зефрий ни в чем его не ограничивает.

— Но ведь тебе бы тоже было приятно, так?

Когда Тир зашагал в избушку, Мармеладик проводил его долгим взглядом. А как только маг свернул за дом, произнес:

— Как тебя зовут?

Я застыла, пораженная тем, что пегас еще и разговаривает. Тогда он подмигнул.

— Сегодня мне хочется поговорить.

— Мне тоже! — обрадовалась я. В последние дни приходилось сдерживаться, но с таким слушателем я могу оторваться по полной...

Когда Тир вернулся с корзиной фруктов, застал меня сидевшей на спине пегаса. Мы смеялись и травили шутки за шуткой:

— Бабушка, а ты пришла сама? Сама, внученька, сама! А папа сказал, что тебя черти принесли!

Мармеладик довольно фыркал, бил копытами и крыльями, и вообще не стеснялся показывать, что тоже обладает черным юмором.

И если подходил к нам Тир угрюмым, то, когда услышал, о чем мы разговариваем, возмутился.

— Я бегаю за яблоками, как слуга, а вы тут веселитесь?! — мажорик пытался держать лицо, однако мне показалось, что он сильно расстроился.

— Давай свои яблоки, — фыркнул Мармеладик и небрежно потянулся мордой к корзине. — Перекуси, и полетим.

— Ею перекуси! — проворчал Тир.

— Лучше тобой. Огонек не помешает! — съязвил конь.

— Это ты от нее набрался?!

Мажор выглядел таким ошеломленным и удивленным, что я рассмеялась вновь. Вскоре Мармеладик соизволил залезть себе на спину и Тиру.

Он уселся удобнее. Подумав немного, осторожно обхватил меня руками и крепче взял поводья.

— Чур, не кричать и не паниковать, — предупредил меня строгим голосом.

— Не дождешься, — отозвалась я и приготовилась к полету.

Однако, стоило Мармеладику взмахнуть могучими крыльями, поднять ветер, я перестала дышать, не веря, что происходящее со мной — правда.

Мы взмыли в небо, и я крепче сжала руки Тира.

Он, довольный, что я ищу в нем защиту, подобрел, крепче обнял меня — и мы понеслись вперед, позабыв о наших раздорах.

Временно.

Чувство полета, когда ветер треплет волосы и платье — нечто фантастическое. Это ощущение свободы, чарующее небо с перистыми облаками-барашками, скорость и драйв!

Мармеладик сделал крутой вираж, и дух захватило так, что я не могла ни слова сказать, ни звука не промычать, захлебываясь восторгом.

Под ногами, как игрушечные, мелькали холмы и реки, леса, редкие деревушки, над которыми вились узкие сизые дымки...

Я любовалась ими, как и Тир, вот только юбка — не самый удачный выбор для такого экстремального случая. То ли держаться, чтобы не упасть, то ли подол придерживать.

Лети я одна, не задумываясь выбрала бы безопасность, но со мной мажорик, которому пышная юбка тоже закрывала обзор. Пока он держался мужественно и терпеливо. И держал меня, поэтому я решила не нагнеть: одной рукой высвободила поводья и подхватила юбку. Задираться она почти перестала, вот только с другой стороны неприлично обнажила мое бедро, на которое Тир покосился и нахмурился.

Еще подумает, что я это намеренно сделала!

Отпустила вторую руку и постаралась потянуть ткань вниз. Она не поддалась. Зато я ощутила, как Тир крепче обнял меня. Сильно-сильно, прижал к самой груди. Я даже почувствовала, как бьется его сердце!

Вспомнила, как однажды с друзьями ездила на мопеде. Мы так же держались близко друг к другу, но в этот раз всё было иначе, острее. Может быть, это мажорик так действовал на меня?

Задумалась, и тут Мармеладик, чтобы поразить нас полетом, взмахнул могучими крыльями и нырнул вниз. И так неожиданно, что я не сдержалась и закричала:

— Юх-ху! — от восторга, переполнявшего меня. И совсем немного от страха.

Тир не издал ни звука, хотя у него тоже дыхание сбилось, когда мы стрелой полетели вниз и под нашими ногами засияло чистое озеро, блестящее в лучах закатного солнца. Ковром раскинулся густой лес, тонкими змейками редкие тропинки...

Больше я молчать не могла и крикнула:

— Мармеладик! Как здорово!

Похвалы оказалось достаточно, чтобы пегас с двойным усилием забил крыльями и начал стремительно подниматься, чтобы устроить нам с Тиром самые настоящие американские горки.

Я кричала и смеялась, иногда переставала дышать, пораженная красотой, раскинувшейся внизу, и сумасшедшей скоростью Мармеладика. Насколько он мощный, сильный — стало понятно только в воздухе, когда мчал на себе двух человек, отнюдь не тростинок, ныряя за облака.

Только всё хорошее когда-то заканчивается. Впереди показались шпили академических башен, и я с грустью поняла — наше чудесное путешествие подходит к концу.

Мармеладик, ловко лавируя между корпусами и переходами, нарезал круги над стадионами, выбирая место для приземления. Даже он заметил, что на мне легкие туфельки, поэтому подмигнул и начал прицеливаться, чтобы приземлить нас на мощеной дорожке, по которой бегал...

Ректор академии!

Сверху он был смешным и суетливым, но по его жестам, взглядам стало понятно, что он волнуется. Мы же исчезли внезапно, на целые сутки.

Тир махнул ему рукой, показывая, что у нас всё хорошо. Только тогда ректор остановился.

Как только мы приземлились, Тир ловко спустился и помог спуститься мне. А сам побежал к отцу. Я стояла и с радостью и одновременно с грустью наблюдала, как сын спешит к отцу... И думала о том, что мои родные сейчас сходят с ума, не понимая, что со мной происходит.

Радость от полета померкла, и я сжала губы.

— Не грусти. Ты лучше Лакрицы! — шепнул Мармеладик.

— Что? — не поняла я. Не сразу, но в памяти всплыло, что Лакрица — это не противная конфета, а невеста Тира... Кажется.

— Спасибо, малыш, — погладила я его морду. — Только мне до Лакрицы этой нет никакого дела. Как и до Тира.

Вместо слов Мармеладик прищурился, да так живописно, что я невольно улыбнулась.

— Имя у нее походит на мокрицу.

— Ты зришь в корень, — подмигнул Мармеладик. И увидев, что к нему спешит ректор, пробормотал: — Пока, красотка! Еще увидимся! — Сделал от меня шаг, другой и взмахнул крыльями. И пока ректор пытался его остановить, взмыл в небо.

— Где вы были? Да что вы себе позволили? Самовольный уход с территории академии карается исключением! — ректор не ругался. Он говорил тихо, чеканя слова, но от его такого тона было страшнее. Не думала, что он может таким быть.

А еще... он ругал не меня — Тира.

Мажорик, всегда гордый, надменный, стоял перед ним, свесив голову, и молчал, хотя вины его в исчезновении не было. Он мог сразу оказать на меня, обвинив во всех грехах. Я этого и ждала, однако маг не произнес ни слова.

Не желая поступать подло, я подошла к ним и тихо призналась:

— Это моя вина, магистр Марцепен.

— Не важно, — выдохнул он. — Студент Марцепен, как старший, несет за вас ответственность, поэтому... — махнул рукой ректор и уставшим голосом добавил: — Я волновался.

— Прости, пап, — с заботой в голосе отозвался Тир.

Я бы не поверила, что он может быть таким, если бы не услышала сама.

И по упрямым глазам свежей зелени, как у ректора, видно, что он ни капли не боится отца, однако выслушал нотации из уважения.

— Магистр Фундук уже не раз интересовался, где ты и почему не на празднике.

— Точно! — стукнул себя по лбу Тир. — Я совсем забыл о вечеринке.

— Остальные про нее не забыли. Устроили веселье под пологом, чтобы драконы ненароком не заметили магические фейерверки, — ректор оглядел нас внимательно. — Вижу, вы времени не теряли и выглядите достойно. Поэтому извольте следовать на праздник.

— Я бы предпочел потренироваться, чем тратить время впустую, — отозвался Тир.

— Успеешь еще, — улыбнулся ректор. — Иди покажись.

Тир развернулся, чтобы уйти. Я последовала было за ним, но ректор остановил нас.

— Впредь, куда бы вы ни направлялись. Пусть даже на самые сумасшедшие выходы,

прошу ставить меня в известность.

— Обещаю, — кивнул Тир.

Я повторила его жест, и мы быстрым шагом направились на праздник.

Еще недавно мы неслись на Мармеладике, он держал меня и согревал, а теперь шел быстрым шагом, неприступный, гордый, позабыв обо мне и не заботясь о том, что я не успеваю за ним.

Мне стало грустно.

«Ну и ладно», — решила я и выше задрала носик.

Вечеринка разместилась за большим корпусом.

С первого момента мне показалось, что тут учатся заносчивые, избалованные сухари, однако, когда увидела симпатичные яркие тенты, раскинутые над столиками с закусками, музыкальные фонтанчики и студентов, ради случая откинувших снобские манеры, невольно улыбнулась.

Ноги сами стали пританцовывать, а стоило мне подхватить юбку, рядом возникли два студента-мага.

Спохватившись, что пустышка не должна себя так вести и не должна привлекать внимания, я замерла, и тогда они подхватили меня под руки и начали пританцовывать.

Теперь уже всеобщее внимание было нам гарантировано.

Девушек в академии мало. Да их почти нет, одни служанки, поэтому к нам стали подтягиваться остальные.

— Могу я пригласить вас на следующий танец? — обратился ко мне какой-то маг.

Мне нетрудно потанцевать. Но, стоило вспомнить, что где-то среди веселящейся толпы есть друзья Тира, которые пуляли в меня огненными сгустками и считали вещь, стало страшно.

— Гурт, не будь навязчивым, — раздался за моей спиной голос Тира. Я от неожиданности резко обернулась и увидела его каменное лицо.

— Возомнил себя неотразимым? Сначала я потанцую с ней, — маг, который приглашал меня, вмиг из приветливого стал задиристым. Думала, сейчас парни повздорят, однако Тир сдержанно, с достоинством ответил:

— Она под моей ответственностью.

— С каких пор?! Что за новости?

— Со времени поручения ректора академии.

— С каких пор твой папочка приставляет тебя к студенткам? Лакрице это не понравится!

«Ах, все уже знают, что я студентка, и именно от этого такое настойчивое внимание?» — дошло до меня. Настроение тут же испортилось. А я было поверило, что снобы перестали считать пустышку ничтожеством, недостойным их внимания.

— С ней я разберусь сам. Это раз. Два — твой папочка прикрывает твои косяки и недочеты. Тебе ли умничать.

— Тир, ты несомненно прав, но сам знаешь, вечеринка без девушек — как жаркое без сочного куса бекона.

— Чуть позже, мой друг, ты сможешь пригласить девушку на танец, — он примирительно, как опытный дипломат, улыбнулся, и назревавший спор вмиг прекратился. Оставшись один перед Тиром, Гурт предпочел ретироваться. Но я успела тоже примирительно улыбнуться.

Тир выставил локоть, и я приняла его руку.

Думала, сейчас чинно пройдемся, однако он вывел меня в середину танцевальной площадки, щелкнул пальцами, и над площадкой полилась романтическая мелодия. А Тир развернулся, обнял одной рукой меня за талию и вот так неожиданно увлек в танец. Я настолько не ожидала такого поворота, что не сразу попала в такт.

Лилась музыка, незатейливая старинная мелодия, созвучие струнных инструментов и дудочек, но музыкантов я не видела. Тир придерживал меня за талию и вел в танце. Его руки были полностью вытянуты, а это значит, что между нами образовалось «пионерское» расстояние. Это вроде бы давало маневр, но ощущалось крайне странно и непривычно.

Стараясь попадать в такт, я неловко двигала ногами, дергая их вперед и назад, как и Тир, и следила за его движениями. Получалось не очень. Пару раз я даже наступила ему на ногу, длинный подол мешал. А вы пробовали с ходу попадать в ритм незнакомого танца? Вот и я не сумела.

Тир не помогал. Он бодро танцевал, собирая вокруг себя толпу, а еще иногда поглядывал свысока, да так, что меня бросало в жар.

Что ни говори, но он красивый, мечта любой девушки. Одни глаза чего только стоят. Взглянет — и как в омут попадаешь. Если бы не первый момент попадания в этот мир, если бы я своими глазами не видела, что делают с пустышками без сожаления, тоже поддалась бы чарам. Но я знаю, каким безжалостным он может быть, и это помогает мне держать себя в руках.

Когда в очередной раз Тир соизволил опустить голову и посмотреть на меня, я не стала отводить глаза. Встретилась с ним взглядом. И вот тогда-то поразились, какой умный может быть взгляд у красавчика, пронизывающий, доводящий до дрожи.

Выдержав достаточно, чтобы показать, что я не робкого десятка, отвела взгляд. Танцевать перехотелось. Однако руки Тира не дали мне уйти.

— Не уходи, — заговорил он, и я невольно посмотрела на красиво вылепленные губы. — Нам нужно поговорить.

Вздогнула, потому что такие фразы никогда не заканчивались ничем хорошим. Мало было времени разговаривать во время нашего вынужденного путешествия? Что произошло после возвращения на территорию академии?

— О чем? О походе? Буду ли я твоим телохранителем? — Стоило представить, как я буду выполнять обязанности пустышки и заслонять собой высокого парня, стало горько и обидно. — Не трись.

— Я никогда не был трусом, — отозвался он грубовато и передернул плечами. — И говорим мы не обо мне, а о тебе... — Его рука сильнее надавила на поясницу. Чуть-чуть, но она показалась тяжелой. И горячее, даже кожу зажгло в месте соприкосновения. А потом вспыхнули и щеки. Особенно после его вопроса:

— Кто ты, пустышка?

Жар тут же схлынул, я похолодела и жутко и испугалась. Прийти в себя было непросто, но я решила, что лучшая защита — это нападение.

— Какая тебе разница? Телохранитель твой — и ладно, — огрызнулась я.

— Ты изменилась. Подозрительно изменилась. Внезапно. Ты открываешь министерские послания, требуешь себе имя. Кто ты? — его ладонь коснулась моего подбородка и заставила меня поднять голову.

— А ты разве интересовался другими пустышками? Может, мы все такие?

Наверное, со стороны наша беседа казалась романтической, но только со стороны.

Его губы были так близко. Я ощущала его запах, такой приятный. Даже взгляд зеленых

глаз стал как будто мягче, однако от меня ждали ответа. Даже не так: меня допрашивали в танце!

— Не переводи тему, — разозлился он, крепче сжимая руки, — сейчас мы говорим о тебе.

— Я натанцевалась, — попыталась высвободиться, но Тир не позволил. Наклонился еще ближе и прошептал в ухо, внимательно наблюдая за моей реакцией:

— А еще ты маленькая лгунья.

Я вздрогнула, и он, довольный моим испугом, зашептал:

— Я выяснил, что было в приказе министерства. И знаешь, что там написано? — Не дождавшись ответа, продолжил: — Зачем ты солгала?

«Неужели сопоставил факты и догадался? Или министр открыл сыну содержание письма. Но зачем?» — запаниковала я. Но Тир сам придумал оправдание, произнеся:

— Не умеешь читать и выдумала угодное себе на ходу?

Я ухватила за соломинку.

— Не всем повезло учиться в академии, — выпалила быстро. Пусть лучше думает, что я неграмотная и необразованная, чем докопается до истины.

— Ты провела меня!

— Прости.

— Я сразу должен был пойти к отцу, чтобы он рассказал о содержании послания, а не верить на слово пустышке, — усмехнулся он. — Теперь я буду начеку, не смей шутить со мной, пустышка. Ты мой телохранитель. И должна быть рядом со мной, — неожиданно произнес Тир.

— Во время боя буду. А пока можешь обходиться спокойно без меня. Если это всё, чего ты хотел сказать, расслабься и иди выпей вина, — отмахнулась я от него, размышляя о том, что же сказал ректор своему сыну.

Если бы раскрыл мое инкогнито, он не вел бы себя так нагло и не допытывался, кто я такая. Выходит, мой секрет пока остается таковым.

— Ты, пустышка, говоришь, что мне делать? — нахмурился Тир.

— Напоминаю, что мы не на поле боя, и тебя защищать не от кого.

— А мы не в бою. И сейчас я защищаю тебя! От неприятностей! Потому что для пустышки ты... — он сомкнул губы. — Слишком дерзкая.

— Какой ты, такая и я.

— Что? — вытянулось его лицо.

— Сын ректора достоин самого лучшего, — усмехнулась я. — Разве не так?

— Кто ты?! — легонько тряхнул меня за плечи Тир. Наклонился и заглянул в глаза.

— Эй, Тирри, неужели ты на пустышку глаз положил? — донесся голос блондинистого Кена.

Тир остановился, я повернулась к его дружку и ощутила, как меня пристально изучают.

— Так похожа, что я обознался. Извини, Тирри. Я думал, что это та самая...

— Отвали, Кен.

Подняв руки, парень ушел, но настроение у меня испортилось, когда поняла, что Тир танцевал со мной лишь потому, что я стала неузнаваема в новом облике. Никто не думал, что я пустышка, а принимал за какую-то другую девушку, которую Тир притащил из своего путешествия на вечеринку.

А я-то подумала, что он смело вывел в центр внимания меня в новом статусе...

Права была Габи: разве кто-то заботится о чувствах горшка?

— Видишь, о чем я и говорил, — подытожил Тир. — Тебе лучше вернуться в свою комнату и не привлекать к себе лишнего внимания до начала похода.

Я хотела уйти, но он бросил вслед:

— Стой, я провожу тебя!

— Как мило, — проворчала я, желая спрятаться у себя в комнате и так по-глупому, по-детски разрыдаться, чтобы стала чуточку легче от местной несправедливости, которая и в ином мире была так похожа на нашу, земную.

— Иногда телохранителя надо оберегать от других претендентов, — будто оправдываясь, сообщил Тир.

Я не препиралась, обходила в молчании столики и танцующих парней, когда платье на мне начало...

Сначала я думала, что оно соскользнуло с меня, попыталась удержать его на своей груди... И не сразу поняла, что платье на месте, вот только ткань стала другой — более шелковистой, тонкой на ощупь. Опустила глаза и чуть не задохнулась от шока: часть лифа и рукава стали из невесомой, почти прозрачной паутинки, а остальное — из тонкого бархата, приятно холодившего кожу. А вот на спине... На ней, кажется, тоже повисла паутинка, до самой... поясицы, потому я почувствовала, как ветерок ласково коснулся кожи.

Все взоры мгновенно устремились на меня.

— Ой, — желая прикрыться, я прижала руки к груди, и внезапно ощутила, как мне на плечи повесили ткань.

Обернулась и увидела обнаженного по пояс Тира, отдавшего мне свою рубашку.

— Ну, пустышка! — покачал он сердито головой с выражением: «Опять твои фокусы! А ведь я же просил не выделяться!»

— Это не я! — замотала я головой. — Честно-честно!

— Конечно, не ты. Магией перевоплощения обладает Мармелад. Вот учудил, крылатый шутник! — Тир взял меня за руку и торопливо повел с площадки. — Попадется — останется и без яблок, и без морковки!

— Почему?

— Съем, чтобы ему не досталось! — Тир был зол.

Из-за моего платья, привлекающего внимание студентов? Или из-за шутки Мармеладика?

Мы оказались в уединенном местечке возле тихо журчащего фонтана в виде огромный рыбины, изо рта которой выливалась струйка воды. Она была как нельзя кстати. Лицо горело, и мне хотелось ополоснуть его холодной водой, чтобы остудить.

Пока умывалась, Тир прожигал мне спину взглядом, а когда я обернулась — тут же испытала отчаянное желание зажмуриться. Мы наедине, он без рубашки, светит ночное небесное светило с фиолетовым мерцанием, рождая блики на смуглой коже стоящего напротив красавца.

Мне вдруг захотелось коснуться гладкой смуглой кожи, я никогда не теряла головы рядом с парнями, но сейчас, с Тиром, всё было иначе, особенно когда я поймала его взгляд...

Но наваждение рассеялось, когда мажор в привычной манере скривил губы.

— Что смотришь, пустышка? — ухмыльнулся так гадко, что мне показалось, мне за шиворот запустили скользкую холодную змею. Его превосходство больно царапнуло по моей женской гордости. Тир привык к таким взглядам и не гнушается пользоваться своей привлекательностью. Стало противно.

— Оденься, — попросила я, начиная стягивать с себя его рубашку, но Тир одним движением руки остановил меня, а потом вперил в меня пронизательный взгляд. Сердце колошматило об ребра, будто его кинули в стиральную машинку, а грудь сковало страхом.

Зачем так смотреть? Он меня будто испепеляет этим взглядом. А ведь он может пуляться огнем, я сама видела.

— Уже подружилась с Мармеладиком? — спросил он грозно, и я встрепенулась. Что ж, он зашел издалека, а я не прочь потянуть время перед очередным допросом. Сосредоточила взгляд на уровне лица Тира и выдохнула:

— Я люблю животных, а они отвечают мне взаимностью.

— Придется как-то объяснить всем остальным твой новый статус. Отец зачислил тебя на наш факультет, назначил моим телохранителем, ты пришла на вечеринку, что недопустимо для пустышек.

Он говорил об этом так, словно я виновата и должна ответить за свои действия. Но я не понимала, чем озвученное им так плохо.

— Но я же не огневик, — удивилась я, — иначе давно бы смогла устроить файершоу.

— Что устроить? — Тир нахмурился, а я испуганно вздрогнула.

Самого главного местный мажор так и не узнал. Нельзя бросаться иноземными для этого мира словечками.

— Я не владею магией огня, — пояснила я свои слова, а он надменно ухмыльнулся.

Вот индюк!

— Это исключено, пусты-ы-ышка, — протянул он с противной улыбкой.

Не успела я возмутиться, как он закончил свою мысль:

— Ты, скорее, поглотитель.

— Погло... кто?

— Поглощаешь ту магию, которая в тебя направлена. Это же так просто. Как я сразу не догадался?

— Может, потому, что ты не так умен, как тебе кажется? Наверняка магистр Зефрий показал или ты в книжке прочитал? А, Тир? — я прищурилась и сжала кулаки, выступая

вперед. Сколько можно меня оскорблять! Я не позволю!

Но я не успела ничего сделать. Послышались крики со стороны веселящихся студентов, музыка смолкла, а потом всё заволокло густым черным дымом...

Тир задрал голову и напрягся, сжав кулаки, а я устремила свой взор вслед за его. И когда увидела в небе странные летящие фигуры, совершенно не похожие на птиц, едва не ткнула в них пальцем.

Мощные ящеры землисто-бурого цвета с перепончатыми крыльями летели на академию и на нас целой стаей.

Ректор был прав! Различные существа прорывались через хаотичные порталы.

И, о боже, как же это было страшно!

Жуткие твари приближались, почти молниеносно сокращая дистанцию. Энергию ненависти, готовящуюся атаку я ощущала кожей, но не могла сдвинуться с места.

Это было как на огромном, высококачественном экране кинотеатра, круче всех спецэффектов, которые я видела. Однажды я сидела на первом ряду в 3-D-очках, и на меня во всей своей красе надвигалась взрывная волна, заставляя вжиматься спиной в кресло, но даже те сильные эмоции не могли сравниться с теми, что я испытывала сейчас.

Желтые глаза, полные ненависти, горевшие жаждой убивать, терзать — полностью выбили меня из колеи.

Никогда я еще не видела животных с такими взглядами. Это невозможно! А если они разумные — за что нас ненавидят? Что мы им сделали?

До сих пор я в полной мере не осознавала опасность, о которой твердили все вокруг, но этот мир оказался очень враждебным, а я оказалась в центре бури.

Я думала, что в этом мире только магия чудес, единороги, добрые волшебники, помогающие в беде, и тайные наставники, а оказывается, что это лишь одна грань этого мира, а другая — опасная, темная, кровожадная...

Одна мысль за другой приходили в голову, я чувствовала надвигающуюся опасность, но продолжала стоять столбом, пока одна из виверн, перехватившая мой взгляд, не спикировала круто и не ринулась на меня.

Один взмах жутких крыльев, второй. Между нами оставалось несколько метров. Шея твари вытянулась, она приготовилась к атаке. Оскалила клыки, которые шли частоколом, как у акулы...

И когда я сообразила, что надо бежать — было уже поздно.

Она еще не коснулась меня, а я уже ощутила боль, которую тварь устроит мне.

Но всё, что смогла сделать, пригнуться и отвернуться.

Это точно не спасет от плотоядной, грозной твари, но на большее от шока я была неспособна. Мной руководили инстинкты.

— А-а! — закричала я и приготовилась к неминуемой боли, а вместо этого ощутила крепкую хватку, рывок и тяжесть мужского тела.

— Не стой, тупица! — шепнул Тир, откатился от меня, вскочил на ноги и, вскинув руку, запустил в возвращающуюся тварь огненный шар.

Он попал! Тварь издала противный, оглушающий визг, и на ее зов о помощи в нашу сторону метнулись несколько ее сородичей.

Они накинулись на нас все вместе, шипя и скалясь. Их змеиные, загнутые зубы защелкали рядом со мной. И если Тир отчаянно боролся, то я завизжала, отчаянно и громко.

Мои вопли не остались без ответа.

Тир, продолжая швыряться огненными снарядами и отбиваться от агрессивных тварей, пятился назад, ко мне, чтобы прикрыть собой.

Не ожидала от него! И очень обрадовалась, что он не остался глух к моим немым мольбам о помощи.

Но не успела я возликовать, что он вот так ловко справится с напавшими тварями, как рядом со мной появилась огромная, больше чем другие, черная тварь...

Я оказалась между ней и Тиром.

Чтобы не лежать бревном и не стать легкой добычей, вскочила на ноги, попятилась, как черная тварь раскрыла бледную пасть из ее глотки вырвался нескончаемый огонь.

Словно в замедленной съемке, я видела, как рождается пламя. Как его клубящиеся, бурлящие потоки несутся в мою сторону. Но что бы я ни сделала — всё уже было без толку. Миг — и меня накрыла стена обжигающего огня.

В кожу впилась тысячи раскаленных игл. Тысячи жал озлобленных ос, жвал красных муравьев... И мой отчаянный крик потонул в гуле пламени.

Всё закончилось так же внезапно, как и началось.

Тварь исторгла из себя огонь, закрыла пасть и, истощенная, попыталась улететь. Возможно, чтобы сделать новый заход, однако стоило ей лечь на левое крыло и оголить подбрюшье, как Тир с рычанием швырнул в нее еще один сгусток огня.

Огонь против огня... «Разве подействует?» — сквозь мучительную боль подумала я. Но черная, мощная тварь завизжала от боли, забила огромными кожистыми крыльями. И получила в одно из них еще один удар.

Тир тоже выдохся. В атаку он вложил последние силы — сгусток огня вышел меньше, чем другие, но его хватило, чтобы порвать крыло. Тварь, отчаянно вереща, полетела вниз.

Огонь уже схлынул, а мне всё еще казалось, что тело опалают волны жара. Боль не отступала. Она жгла и кусала, и, даже не видя себя, я понимала: всё плохо, но насколько, осознала, когда, преодолевая боль, подняла руки...

То, что увидела, ввело меня в такую панику, что я не могла ни кричать, ни слова произнести. Только безмолвно плакала, слезы потекли по щекам, и новая боль привела меня в чувство.

Всё кончено! С такими ранами не выживают! Да и боль была такой сильной, что хотелось умереть.

— Эй, пустышка! — донесся до сознания голос Тира.

Он стоял спокойный, решительный, однако не делал того, что обычно делают люди, когда другой человек оказывается в беде. А мне больше всего на свете хотелось, чтобы кто-то унял эту дикую боль, прижал к себе, пожалел, сказал, что это временно и всё пройдет, не оставив и следа. А он...

Тир подошел ближе и стоял рядом, не замечая моих слез. Ему вообще не было до меня дела. Он больше волновался за академию, за неживые стены, подпаленные огнем. Осматривался по сторонам, как рачительный хозяин и хороший студент, оценивал последствия атаки чудовищ. А я — человек — была для него пустым местом.

Никто не спешил мне на помощь. Моя боль, мои слезы никого не волновали. И если бы я упала бездыханной, тоже не отреагировали бы.

Это жестоко. Зато я сразу поняла: если сама себя не спасу — умру. И очень скоро.

С трудом огляделась. Чертовы стены почти не пострадали. А подпалины им, в отличие от меня, не причинили смертельно опасных ранений. Зато несколько мертвых тел огромных тварей вызвали живой интерес у защитников академии.

Одна лежала прямо рядом с нами. К ней спешили преподаватели и студенты. И Тир, желая насладиться триумфом, подошел к туше, поставил ногу на нее и задрал подбородок, чувствуя себя героем.

В этот момент в голове вспыхнула одна-единственная мысль, которая давала шанс на спасение.

В этом жестоком, безжалостном мире мне сейчас может помочь только тот влюбленный врач.

Надо срочно идти к нему! Путь я знала, осталось только дойти. Но смогу ли?

Помощи ждать не от кого. Тир даже не смотрел в мою сторону. И я, надеясь лишь на себя, двинулась в лекарской башне, которую видела перед собой. Надо лишь миновать переход, мост...

Однако я не смогла сделать и нескольких шагов — кулем рухнула на землю.

Глухой звук моего падения привлек внимание Тира. Ворча, что пустышки стали уже не те, он подхватил меня на руки и, насвистывая торжественную мелодию, понес меня куда-то.

Спасибо, но мне... кажется... уже ничего и никто не поможет...

Я прикрыла глаза и погрузилась в мучительную агонию.

— Эй! — резкий удивленный оклик типа и встряска, обернувшись дикой болью, привели меня в чувство. Я приоткрыла глаза. И натолкнулась на ошарашенный взгляд Тира.

— Слезы? — спросил он так, будто никогда не видел их.

— Б... боль... но, — прошептала я потрескавшимися губами и погрузилась в спасительную темноту.

Очнулась от сильного потряхивания. Да что такое? Умереть спокойно не дадут... С трудом открыла слипшиеся веки и обнаружила напряженный взгляд Тира, который бегал по моему лицу. Мы шли, вернее, он меня нес, передвигаясь достаточно быстро.

Он легко справлялся с моим весом, и я впервые задумалась о том, что местные мужчины сильнее, ловчее и опытнее земных. Еще бы. Постоянно подвергаться нападению разных тварей, прокачивать свои умения, физически тренироваться на полигоне. Тир такой сильный, горячий, уверенно идущий, что мне хотелось найти успокоение в его жаре и мощи, и я прильнула к мускулистой груди. А еще он приятно пах, дымком и перцем, и я снова прикрыла глаза.

— Ты плачешь? — услышала я изумленный голос и поняла, что мы остановились. Сначала я не поняла этого вопроса, лишь нахмурилась и смахнула слезу. Ну плачу, что тут такого? Это нормально в моей ситуации, и любой нормальный человек понимает, что я мучаюсь от боли, этот же остолоп удивлялся так, будто деревянная чурка, по которой ударили топором, вдруг ожила и разрыдалась.

— А должна смеяться? — прошипела я сквозь боль, пытаясь вырваться из его крепких объятий, встать на ноги и пойти сама, но не смогла — он не выпустил. — Больно! Очень больно, не сжимай так крепко руки! — вырвалось у меня против воли.

— Больно? — опешил Тир, и глаза его стали как плоски.

— Ты придурок, если не понимаешь, что человеку после стены огня больно!

— Ты пустышка! — почти выкрикнул он. — Это невозможно. Вы не испытываете боли! — воскликнул он, однако перестал тормозить и почти побежал... к лекарю.

— Да неужели? — только и смогла выдавить из себя каплю сарказма, а потом отдалась воле обстоятельств, не в состоянии спорить и что-то доказывать.

На лице Тира я не видела ни капли сострадания, только задумчивость и растерянность, как будто он разгадывал головоломку или размышлял о том, что со мной делать.

Точно. Я вспомнила разговоры, услышанные в первый мой день пребывания здесь. Что осталась одна пустышка, ее надо беречь и что она может окончательно сломаться. Вот он и спешит, чтобы починить ее. Меня.

Только куда ему такой телохранитель, которого нужно защищать? И что со мной будет, если я ненастоящая пустышка и не телохранитель? Ох, снова вспомнила тварюку, и воспоминания о ней затмили все страхи... Кошмары мне теперь обеспечены, если выживу...

— Лежи и не дергайся, сейчас Ворт тебя исправит, пустышка, а потом будем выяснять, почему ты чувствуешь боль, — проговорил Тир быстро и снова задумался.

Так и хотелось ему сказать про индюка, который много думал, и рассказать, что с ним случилось, но я опасалась, что моего юмора парень не оценит, потому молчала в тряпочку.

— Если ты притворяешься, чтобы добиться каких-то своих целей, пустышка, то пожалеешь...

Да что ж такое? Ни капли сострадания. Черствый и эгоистичный идиот. Представляю, сколько пустышек они уже извели. Мне бы радоваться, что ко мне особое отношение, но я вовсе не испытывала радости, а только злилась.

И всё же я провалилась в забытие, а очнулась, когда лежала на низком топчане в какой-то камерке. Ворт протирает мне лицо, выдвигал пассы руками, а рядом ходил нервный Тир. Заложив руки за спину, он курсировал туда-сюда, как вагон метро в час пик.

— Ты очнулась, — констатировал он обвиняющим тоном.

— Она останется здесь на ночь, слишком истощена, — Ворт шустро поднялся и заслонил меня собой. Тир выглянул из-за его плеча.

— С ней всё в порядке. Чего она тут забыла? И вообще, ты с какого перепугу тут командуешь?

— Закрылся пустышкой, Тир, да? — злобно сжал кулаки лекарь. — Посмотри, во что ты ее превратил!

— Отойди, — процедил тот, а я призвала их обернуться ко мне. Кривя губы, попыталась улыбнуться Ворту, благодаря за исцеление и избавление от боли, а когда увидела взгляд Тира, улыбка слетела с лица.

— Мне плохо. Я никуда не пойду, — сказала твердо.

— Зачем ты притворяешься? Чего хочешь добиться? — напал Тир, а Ворт продолжал стоять на страже моего здоровья.

— Почему ты обвиняешь ее во лжи? Ожоги и ранения очень сильные. Она останется тут и не пойдет в поход. Тир, перестань быть таким слабаком и защищаться девушкой!

— Ах, слабаком?! Ты как со мной разговариваешь? Да кто ты такой? — загну савил Тир, как пацанчик с района, и набычился, сталкиваясь с Вортом лбами.

Не испытывай я боли, усмехнулась бы тому, как эти бойцовские петухи из-за меня ругаются. Защита Ворта была мне очень приятна, но гораздо больше эмоций вызывало равнодушие к моей боли Тира. Меня оно задевало, ведь я хотела я иного отношения, чтобы он испытывал ко мне... романтические чувства... И с этим надо было что-то делать. Ведь влюбиться в Тира самая страшная глупость, которую я только могла совершить. И почему мы, девчонки, всегда западаем на плохих мальчиков?

Парни продолжали ругаться, не обращая на меня никакого внимания, как будто они были наедине.

Громкие голоса давили на барабанные перепонки, а то, что они говорили, мне не нравилось. Я хотела накрыться подушкой и чтобы они замолчали, оставили меня в покое.

Мне больно, плохо и еще страшно, что я застряну в Аргонии навсегда, больше никогда не вернусь домой.

Этот мир каждый день открывался с новой плохой стороны. Он жестокий, суровый.

Вдруг так по-детски захотела домой, и я разрыдалась.

Вот бы стать крохотной и незаметной точкой, раствориться в пространстве и оказаться дома. А жители этого мира пусть сами решают свои проблемы... Почему на одну маленькую меня возложили такую большую миссию? Как я могу изменить этот мир, если я каждый день могу погибнуть? Если я слабая, беспомощная и никакой магии во мне нет. Я поглотитель, пустышка. И каждый говорит мне, что делать.

Я жалела себя долго, пока не поняла, что нахожусь в тишине.

Огляделась вокруг — Тира нигде не было. Только Ворт, сидящий рядом на стуле, притих и с жалостью смотрит на меня.

Его сострадание отрезвило меня. В Аргонии есть хорошие люди. Есть и другие! Я неожиданно поймала себя на мысли: «Сколько можно плакать? Слезами горю не поможешь и вопрос не решишь».

— Ты плачешь, потому что у тебя сгорели волосы? — тихо спросил Ворт.

Волосы? О чем он говорит? Повернулась к нему лицом. Неужели я еще и лысая ко всем своим бедам?

— Не волнуйся, тыковка. Они быстро отрастут. Я вотру в твою голову специальный состав, — продолжал успокаивать меня добрый парень. — Но это последний раз, когда я тебя восстановил. Предупреждаю. И то же самое я сказал этому говнюку. Он пошел разбираться со своим папочкой, потому что твердо намерен взять тебя в поход.

— А что означает последний? — спросила я со страхом, посмотрев в глаза моему спасителю. Почему он так меня защищает?

— Ты ведь знаешь, о чем я, милая, — сказал он мягко, глаза лучились добротой, а его обращение заставило меня вскинуть голову. Я вдруг поняла, что он говорит с той, другой пустышкой, чье тело я не по своей воле заняла.

Вдруг у них были какие-то отношения? Романтические. И что мне с этим делать?

Как мне себя вести, чтобы он не догадался, что я не та, за кого себя выдаю? А может, наоборот, довериться? Рассказать всё хотя бы кому-то... Сгрузить на этого человека часть своей боли. Но разве я имею право? Думаю, что нет, это опасно и для меня, и для того человека, кому бы я доверилась. Но как сложно держать всё в себе...

Ворт по-своему истолковал мое грустное молчание, подошел ко мне и сел на край топчана. Его рука опустилась на мою макушку, и я ощутила, как ладонь соприкоснулась с ершиком волос. И слотнула, поняв, что мои волосы действительно сгорели. Я видела, что лекарь устал, и понимала, что его магические силы не безграничны, он сейчас очень много потратил на мое восстановление. Убаюкивающие поглаживания погружали меня в дремоту, но я всё же набралась храбрости и спросила его:

— Почему мир такой жестокий? Что я сделала такого, что не могу иметь даже своего имени? Я никто. Я вещь.

Моих грустных глаз оказалось достаточно, чтобы Варт позабыл о безопасности и доверчиво выплеснул негодование, которое уже давно копилось у него на душе.

— Это всё проклятые маги... Они решили, что всесильны, когда одолели драконов и выселили их в Темномирье, но драконы не смирились со своей судьбой, ведь раньше они повелевали нашим миром, а сейчас живут на выжженной земле, населенной разными тварями. Там и место!

— Разве драконы такие плохие? — спросила я, полагаясь на свое мнимое беспомощство, ведь, если колдуны стирают пустышкам память, откуда я могу знать об устройстве мира?

Сработало, Ворт ничего не заподозрил и продолжил изливать на меня свое негодование:

— Конечно плохие! Они сжигали целые стада скота и искали себе жен среди человеческих женщин, хотели себе невинных девушек, требовали право первой ночи... Прости, тыковка, ты в таком совсем не разбираешься, ты невинна, как ребенок... Но поверь, они жестокие, кровожадные, дикие существа, которых нужно истреблять, и мы благодарны колдунам за то, что они побороли драконов, но тот способ битвы с ними, который они выбрали, он ужасен... Пустышки гибнут сотнями, и это не всё плохое, что делают колдуны, и этот заведенный порядок я хочу изменить...

— То есть раньше правила драконы, а теперь колдуны... Но кто будет править, если их... свергнуть?

— Ты задаешь слишком умные вопросы для пустоголовой девушки... — удивился и напрягся мой революционер, а я глупо захлопала глазами.

— Наверное, я не так поняла... Ворт, а драконы и колдуны могут подружиться? — задала намеренно очень наивный вопрос, чем сразу усыпила бдительность лекаря.

Он говорил какие-то банальности и гладил меня по макушке, и я заснула.

Когда проснулась, за окном уже пели птицы, радуясь рассвету. Пришла Габи, чтобы помочь мне умыться и надеть новую одежду, а пока помогала, взхлеб рассказывала о вчерашнем происшествии, восхищаясь способностями огневых магов. Она была похожа на девушку из моего мира, которая посмотрела кассовый блокбастер и теперь делилась с подружкой впечатлениями.

— Виверна раскрыла огромную пасть! А он ее та-ак! А потом еще бах! И такой огненный шар выпустил, что я в укрытии завизжала! — размахивала она руками и показывала, что вчера происходило. Как будто бы я сама этого не видела и не пострадала больше всех. Но Габи, фанатеющая от парней, как в моем мире люди фанатеют от актеров, не замечала, что я не разделяю его восторгов и устала.

— Ты зачем беспокоишь больную? Болтать больше негде? — в каморку быстрым шагом вошел Ворт, недовольно зыркнув на служанку.

Она сразу сникла, понуро опустив голову. Посмотрела на меня исподлобья, словно это я виновата, что у лекаря ко мне особое отношение. А еще в ее взгляде я заметила зависть. Чему завидовать?! Потому что меня больной назвали? С котелком обращаются по-человечески? Это удивляет служанку? Нет, я никогда не привыкну к такому отношению. А ведь другая пустышка на моем месте даже не обиделась бы, приняла бы как должное то, что ее не считают за нормального человека. Вот именно для того, чтобы изменить это положение вещей, я и была призвана в этот мир.

— Ты выглядишь гораздо лучше, — обратился ко мне Ворт мягким тоном, игнорируя

Габи. — Извини, но тебе придется пойти со мной. Ректор будет держать слово для всех перед отправлением в поход.

— Уже? Уже в поход? А можно я не пойду? — спросила я с грустью, устав от неожиданностей, которые расшатывали мою нервную систему.

— Ректор сказал, что должны явиться все без исключения. Он будет держать слово, а потом переправит всех сразу в Пустошь проклятых через портал. Я пойду с тобой, чтобы поддержать во время перемещения, да и лекари обязаны сопровождать отряд.

Пустошь проклятых... Звучало не очень обнадеживающе...

На всеобщее собрание академии я собиралась через силу. Не хочу туда! Если можно было бы остаться в маленькой лекарской комнатухе или стать разнорабочей и полоть грядки в аптечном огороде, с радостью бы осталась. Но мне велено собираться в поход, где меня ждут огонь, ужас, боль...

Я собиралась медленно, и ожидавший за дверью лекарь постучался в дверь, чтобы поторопить.

— Тыковка, не следует сердить ректора, — в его голосе звучала нежность, а глазах были наполнены жалостью и заботой. Мне очень повезло, что рядом со мной нашлась добрая душа.

— Ворт, а я могу не идти в поход? — тихо спросила я, хотя в душе знала ответ.

— Увы, тыковка, — покачал он головой. — Непослушание пустышки рассматривается как ее брак. А бракованный материал сжигают. На поле боя у тебя будет больше шансов уцелеть. Клянусь, я сделаю всё, чтобы ты осталась живой.

Я дернулась от очередного доказательства, что этот мир нужен менять, и что пустышкам в нем отведено самое низкое место.

Не сводя с меня глаз, лекарь сделал ко мне несколько шагов и взял за руку. Заглянул в мои глаза и прошептал:

— Всё и даже больше!

Я не сомневалась в нем. Но на душе стало паршиво. Простой парень — а настоящий человек. А Тир, красавчик, маг — и с гнилой душой.

Ворт помог мне заплести косу, перевязал лентой, которую подарил, а потом мы вышли в коридор и молча направились на поле, где собрались все те, кто собирался в поход.

Когда из окна я увидела огромную толпу — не поверила глазам.

— Это все, кто пойдут с нами?

— Нет, тыковка. Кто собрался в поход — те стоят колоннами, видишь? — указал на четкие шеренги магов в полном облачении. Они стояли идеально ровно, вытянувшись по струнке, позади и по бокам от них толпились зеваки. Ректор же стоял перед собравшимися и пока молчал. — Идем скорее, иначе опоздаем! — Ворт потянул меня за руку.

Торопясь, мы повернули на повороте и наткнулись на студентов, которые, увидев лекаря, брезгливо скривились.

— Не позорься, Ворт. Чувства к пустышке — позор!

— Отстаньте! — загородил меня от них Ворт и не сдвинулся с места, пока они не ушли.

«Никто из них не узнал меня, — подумала с горечью. — На празднике чуть не переругались, чтобы потанцевать со мной, а когда я лишилась волос, наряда и хорошего настроения — стала позором и пустым местом! И Тир один из них — такой же холодный и равнодушный!»

Мы спустились по крутой лестнице, прошли по проходу и вышли на поле.

Людей было много. Все взволнованные, серьезные.

Ректор уже начал свою речь, и на его лице тоже отражалось беспокойство. Еще кучка магов, облаченных в длинные балахоны, старательно размахивали руками, создавая завихрения портала.

— Что они делают? — тихо спросила я у Ворты.

— Открывают портал для массового перемещения. Отрядов несколько, бойцов много. Для их безопасного перехода надо постараться. Но не волнуйся, они в академии лучшие.

— Угу, — скептически хмыкнула я и представила, как для проверки его надежности первой в него отправят меня как пустышку, которую никому не жаль...

От страха я схватила за руку Ворта, опасаясь, что переход через магический портал принесет новую порцию боли, а я еще от прежней не отошла. Плотнее закуталась в платок, который накинула на ершистую макушку, и постаралась слиться с толпой. Ректор продолжал пламенную речь, стояла гробовая тишина, разве что изредка чирикала какая-то птичка, и я невольно начала вслушиваться.

— Как ни прискорбно, дорогие студенты, но я вынужден повториться: те меры безопасности, которые мы приняли против вторжения вражеских существ, оказались недостаточно эффективными. Но если бы мы безусловно доверились врагу, положение сложилось бы еще печальнее. Перемирие враг использовал как прикрытие для вероломного, подлого вторжения! Виверны прорвались через порталы, нанесли урон нашей академии! — Он вздохнул и оглядел стены, на которых не осталось и следа от повреждений, наверное, здесь поработали маги, но, как говорится, осадочек остался. — Мы не должны ждать следующего нападения! Мы, верные сыны отечества, должны встать плечом к плечу и доказать врагу, что мы ему не по зубам. При нападении двое наших студентов получили повреждения и были отправлены в лазарет. К счастью, обошлось без жертв, но мы больше не можем оставаться в прежнем положении и просто ждать, когда драконы нанесут следующий удар. Их наглость перешла всяческие границы!

Раздались одобрительные крики и аплодисменты, особенно громкие среди отряда огневигов. Среди них, одетых в дорожную одежду, с полным вооружением, с лицами, преисполненными уверенности в себе и в своей миссии, стоял и Тир, и выглядел он как настоящий лидер.

Красивый, с гордой выправкой спины, широким разворотом плеч. Но он больше не вызывал во мне щенячью волну восхищения.

Хорошо воевать, прикрываясь и подставляя других! Хорошо быть храбрым, когда первый удар приходится не на тебя!

Мягкое поглаживание выдернуло меня из водоворота нараставшей ненависти.

— Спасибо, Ворт, — улыбнулась я лекарю.

Речь ректора была стандартной для призыва к военным действиям, однако студенты и те, кто должен принимать участие в походе, встречали ее на ура. Я же готова была ее слушать до вечера, только бы никуда не уходить.

Слишком страшная альтернатива маячила на горизонте. Я не готова была, как овца на заклание, подчиниться и войти в портал. Вдруг для иномирок действуют другие законы, вдруг я умру или сильно изранюсь, снова испытаю боль...

Замерев, стояла ни жива ни мертва, потеряв все ориентиры и лишившись якоря, за который могла держаться. Ворт пока рядом, но кто знает, выдержит ли он всю ту ненависть, которую обрушивали на нас местные. Я же видела все эти надменные, насмешливые взгляды, слышала глумливые насмешки. Наверное, в иерархии этого мира общаться со мной было чем-то наподобие того, что на Земле подобрать бомжа и ходить с ним под ручку.

Тоска по прежней жизни захватила меня с головой, стало трудно дышать, но вот речь подошла к концу. Все зашевелились, загудели, пришли в движение. Маги, что настраивали портал, как подгадали и справились со своей задачей вовремя. Потoki воздуха, метавшиеся хаотично по кругу, поменяли цвет на темный и алый, смешались и стали пугающим темно-фиолетовым пятном, которое нагнало на меня жути.

И это через него нужно пройти?

Раздался грохот, похожий на гром. Я вздрогнула, смотря во все глаза на портал. В воронке, расширившейся до значительного размера, промелькнули искры, а потом он в самом деле стабилизировался и как будто покорился магам.

— Во славу и величие Аргонии! — четырежды прокричали собравшиеся и колонной двинулись в темное нутро портала.

Участники похода все продолжали скрываться в чреве пространственной воронки, которая как будто пожирала живых людей. Подходила наша с Вортом очередь, и мне хотелось кричать от страха и отчаяния. С каждым шагом я всё отчетливее ощущала запах гари.

Впереди нас уже исчезали повозки с провиантом, палатками, целебными средствами. Наступил и наш черед. Ворт сжал мою руку, успокаивающе похлопал пальцами по ней и повел меня к порталу.

В ушах загудело, заревело. На миг стало темно. А потом мы вынырнули в пугающем месте, при виде которого волосы на коже поднялись дыбом.

Вместо земли и песка под ногами шуршал крупный пепел. Конечно, настоящий не шуршит, но то, что находилось под ногами, напоминало то ли золу, то ли еще что-то, что остается после пожара или извержения вулкана. Мне даже показалось, что я почувствовала запах серы. Огляделась и увидела огромные просторы, окруженные высоким перешейком вулканов. Некоторые из них извергались, посылая вверх стустки магмы. В темно-багровом небе то и дело поблескивали молнии, вдали гремел гром.

Мне показалось, что я попала в ад и скоро сам дьявол появится перед нами и позовет поплескаться в котлах с кипящей водой...

Только спокойствие и выдержка Ворта не давали мне впасть в истерику. А также то, что остальные достаточно спокойно вели себя и не оглядывались в испуге в ожидании появления опасности.

Колонна двигалась. Она вышла на удивление длинной, но вдали я сумела разглядеть очертания разворачивающегося на глазах палаточного городка. Палатки, которые ставили наши, отличались красным цветом, но были и другие. Кажется, сюда прибыли представители и других академий, сплотились под общим знаменем ради общей победы.

Темная взвесь, как плотный туман, нависла над ним, однако люди сновали между палатками, осваивались, разжигали костры, разговаривали и вообще вели себя как ни в чем не бывало.

Мне хотелось скорее спрятаться в одной из палаток. Невольно я вцепилась в руку Ворта, который уверенно шел к самой дальней палатке белого цвета. Лекарская?

— Разместимся здесь, — сказал он четко, оглядываясь назад и будто не понимая, почему я тащусь за ним еле передвигая ноги. Остановился и обернулся ко мне, останавливаясь и словно вращаясь в землю. — Что случилось?

— Ты еще спрашиваешь? — спросила я, а потом захлопнула рот.

Не говорить же, что для иномирки это путешествие кажется чем-то неординарным, сверхъестественным, очень необычным, пугающим и сулящим много неприятностей.

— Боишься, что тебя не пустят к нам в палатку? — Ворт сам придумал за меня причину нервозности, и я ухватилась за эту возможность, кивнула, закусив губу, и посмотрела на него глазами побитой собаки. Так, наверное, должна была вести девушка в беде, чью роль я так часто исполняла в последнее время.

— Не переживай, — он подбоченился, выпятил грудь, снова показал свою смелость, — я буду тебя защищать.

— Но... — начала я, не зная, как облечь свои мысли в слова, но он опять меня опередил. До чего удобный собеседник!

— Тыковка, меня с детства обижали, потому что, хоть я и родился в семье магов-целителей, мой дар очень поздно проявил себя. В то время как мои друзья в пять лет лечили насекомых и птиц, я не мог и собственную рану вылечить. Да еще и чтение не давалось мне, буквы путались местами, я чувствовал себя тупым и часто получал тычки от друзей и побои — от отца.

Сердце сжалось от сочувствия, я сделала шаг к Ворту и взяла его руки в свои. Не подумала, что в этом мире переступаю какие-то границы, просто хотела поддержать человека, который был мне здесь единственным другом. Вот почему он так сильно сопереживает мне, вот почему старается защитить. Потому что его самого унижали, били, ругали.

Мы с ним оказались родственными душами, и поэтому хватило единственного взгляда, чтобы он понял, что я хочу ему сказать: я с тобой, я рядом. Губы Ворта расплылись в улыбке, а я ощутила внутри теплое покалывание. Что-то творилось между нами, но я не понимала, что именно, потому что всё это было так несвоевременно...

Я думала, что мы договорим, а потом пойдем в палатку, устроимся там и Ворт расскажет мне подробнее о нашем походе, однако моим планам не суждено было сбыться.

На границе палаточного городка стоял высокий седовласый мужчина с длинными, почти белыми усами и бородой. Его колючие маленькие глазки скользили про проходившим и как будто кого-то выискивали в толпе. Вряд ли меня, но стало страшно.

Я натянула капюшон на лицо, постаралась слиться с толпой и почти миновала неприятного типа, как он громко спросил:

— Где пустышки? — его зычный голос разнесся по пространству, и я едва не упала

обморок.

Громогласный голос мага разнесся по пустоши, привлекая всеобщее внимание. Я сразу же сжалась в комочек, желая стать незаметной, спрятаться, раствориться в пространстве или стать невидимой, только бы он меня не заметил.

Первая мысль, которая пришла голову, была о том, что сейчас этот страшный старик заберет меня к себе. Ректор без сожаления отдаст ему ненужную пустышку, избавится от ненужных проблем, и старик утащит меня в свое темное логово, туда, где расправляются с пустышками, которые приходят в негодность.

Ну почему я не переговорила с ректором до перехода через портал?! Теперь я не знала про его планы и не представляла, что он собирается со мной делать? Страх, что он выдаст иномирку или пустышку, засел глубоко во мне, иррациональный и удушающий, не давая двигаться с места. В любом облики и статусе я была неудобной для этого мира.

Успокаивало только то, что Ворт мирно стоял на месте, не дергался, и в случае опасности он меня защитит. Ему я беззаветно доверяла в этом страшном незнакомом мире и потому держалась как за свою единственную опору.

Откуда-то из толпы вышел ректор и направился в сторону колдуна. Увидев его, я вцепилась в него взглядом и не заметила, что крепче схватилась за лекаря, почти прилипнув к нему. Если меня потащат — буду упираться руками и ногами.

Двое мужчин сошлись и стали переговариваться. Поначалу их разговор был слышен всем. Они вежливо поприветствовали друг друга, склонив головы, потом обсудили коварство драконов и необходимость военных действий, а потом перешли на шепот.

Я напрягла слух, но услышала лишь то, что ректор оправдывался, а старик с белой бородой почему-то возмущался.

— Кто это такой? — спросила я тихонько у Ворта.

— Это самый древний маг нашего мира, Казинак эль Рахат, — ответил лекарь замогильным голосом.

Неужели он его боится? У этого колдуна сладкие имя и фамилия, мне бы улыбнуться очередному странному проявлению этого мира, но только смеяться совсем не хотелось, потому что от старика исходила осязаемая угроза. Следующие слова лекаря дали мне понять: интуиция меня не обманула и испугалась я старика не просто так.

— Он делает пустышек, — сообщил Ворт.

Услышав это, я тут же вперила взгляд в старика, ненависть к нему родилась мгновенно — горячая, жгучая, не знающая пределов. Вот он, тот самый человек, кто виноват во всех бедах пустышек, тот, кто убивает сознание обычных девушек и превращает в их в бессознательное нечто!

На ум сразу же пришли слова Зефрия о том, что я не просто так перенеслась в этот мир. Я должна что-то предпринять, как-то повлиять на устоявшийся ход вещей, совершенно не представляя при этом, что я могу сделать против человека, обладающего властью и магией. Но что-то ведь должна. Я неосознанно дернулась в сторону мага, но потом остановилась, поняв, что меня удерживают за руку.

— Ты куда? — прошипел лекарь тихонько мне на ухо. — Не вздумай высовываться!

Когда я успокоилась, сообразила: если ректор не привел меня к этому страшному колдуну, значит, он меня от него по каким-то причинам прячет. Ворт истолковал себе по-

своему поведению ректора, и только я знала, почему он меня прячет. Этот секрет был между нами.

— Спасибо, Ворт, — улыбнулась я другу. Он не дал мне совершить опрометчивый поступок, и сейчас в самом деле лучше постоять в сторонке. Тем более вскоре я услышала часть их разговора, что донес ветер.

Два пожилых человека совершенно обыденно обсуждали, что для охраны и защиты боевого отряда нужна новая партия пустышек. Их ректор и заказал. Поэтому мы и перенеслись на эту проклятую пустошь, чтобы их забрать, ведь совсем рядом находилась обитель магов — темная цитадель, проход в которую защищал перешеек из вулканов.

Мне стало страшно, но я взяла себя в руки и принялась расспрашивать Ворту, как попасть в эту цитадель.

— Тыковка, не вздумай! — взволнованный лекарь не понимал, что за глупая и опасная идея пришла мне в голову, и старательно отговаривал. — Ты не сможешь пройти через перешеек, — предупредил под конец глухим голосом. — Пойдем лучше в палатку и отдохнем.

Я послушно пошла за ним, но все мои мысли были только о разговоре, мрачной цитадели и о безжалостных магах, которые совсем рядом.

Стало вечереть, в небо взвились костры, красивые оранжевые искры всполохами освещали пространство. Люди не хотели сидеть в палатках и выходили наружу, вели себя как студенты на студенческом слете. Того и гляди, начнут играть в зарницу. Достали музыкальные инструменты, стали петь песни, некоторые даже умудрились потанцевать. Казалось, что стадо молодых бычков выпустили на волю.

И только я испытывала настоящую бурю из страха, ненависти и негодования. А еще я хоть и ругала себя, но мой взгляд постоянно бегал по лагерю и выискивал Тира. Мне было интересно, где он, чем он занимается, вспоминает ли обо мне?

Наверное, ректор сказал ему что-то такое, отчего его сынок сразу же отстал от меня. Стало любопытно, чем он его отпугнул. Или же он меня стыдится?

«Саша, хватит думать о противном мажоре! Есть более важные вещи — осадила я себя. — Ты должна, просто обязана попасть в цитадель темных магов. Ты не имеешь права упустить этот шанс!»

Почему-то я не сомневалась, что узнаю нечто важное. Но идти туда было страшно!

Я жутко боялась, но, как только все обитатели моей палатки уснули, выскользнула наружу в темноту...

Я пробиралась между палаток в крошечной темноте, тихо-тихо ступая по голой земле, лишь кое-где освещенной тлеющими кострами. Над военным лагерем царил безмолвие. Уснули будущие воины, стих гомон голосов и прекратилось любое движение, и только слабый ветер шевелил флажки, которые были установлены возле входа в каждую палатку на специальном штыре.

Охраны я не обнаружила, и это поразило меня. Почему в этом странном и полном неизвестных опасностей месте никто не позаботился о том, чтобы выставить стражу? Неужели не боятся? А вдруг снова нападут виверны или кто похуже?

С другой стороны, если рядом цитадель магов, может, они в качестве жеста доброй воли обеспечивают порядок на близлежащей территории? Ведь недаром участники похода с таким поразительным весельем отмечали переход через портал и обычный с виду привал.

Впрочем, это не мое дело. Отодвинув в сторону лишние мысли, я двигалась к своей цели — к перешейку вулканов. И хоть Ворт уверял меня, что ничего не получится, я решила рискнуть и попробовать.

Страх сжимал сердце когтистой лапой, коленки дрожали, а ладони вспотели, но я продолжала свой путь, чувствуя себя такой слабой, одинокой и незащищенной. Маленькой песчинкой против целого бушующего моря неприятностей.

Заплутав в своих мыслях, не заметила, как ушла далеко от лагеря. Впереди не было тропинки, я видела только бескрайнюю пустошь, а цель словно отдалялась. Проходила сотни шагов, но будто не продвигалась далеко. Останавливалась, осматривалась, смотрела вперед и назад, по сторонам, и казалось, что теряюсь в пространстве.

Неужели это место заколдовано и я просто хожу по кругу?

Вдруг сзади кто-то налетел на меня и сильной рукой закрыл рот, прижав к груди.

— Куда идешь, пустышка? — прошипел мне в ухо до боли знакомый голос, и по телу пробежала крупная дрожь. Выпутавшись из захвата, я обернулась и увидела в темноту высокую фигуру.

— Ты! — вскрикнула, ужаснувшись тому, что Тир догнал меня, а я ничего не услышала и не заметила. Я же изо всех сил прислушивалась!

А еще я ужаснулась, что выгляжу безобразно. Почему-то рядом с Вортом меня не волновала внешность, но сейчас, рядом с этим красавчиком, я остро стыдилась своих не отросших волос, затрапезного вида. Коричневое простое платье, платок на голове, нечищенные зубы. Замарашка и принц.

— А ты кого хотела увидеть? Своего лекаришку? — язвительно огрызнулся Тир со своей мерзкой улыбочкой. В темноте даже блеснули белые зубы. Я сложила руки на груди и насупилась.

— Тебе какое дело? Иди дальше веселись, у вас же что ни день, то праздник! — толкнула его в грудь, но Тир как скала.

— Такое дело, что нечего тут одной ходить, — грубо прикрикнул он и схватил меня за руку.

Я выкрутила руку, высвободилась из хватки и отошла на расстояние.

— Хочу — и хожу. Ты на меня право не имеешь, — бросила ему смело. Видела, что перегибаю палку, но не могла остановиться. Ректорский сынок ужасно бесил. Пусть валит в

свою палатку, а меня не трогает. Как же хорошо было без него, но нет, приперся. Нарисовался — не сотрешь!

— Уверена? Ты мой телохранитель, — ухмыльнулся он, говоря слово «мой» низким голосом, будто вкладывал в него какое-то особое значение.

— Тебе не надоело прикрываться хрупкой девушкой во время боя? — спросила я вдруг и закусила губу, сообразив, что очень рискую, выдаю себя с потрохами, раскрывая для и так подозревающего меня Тира, что я не обычная пустышка без мыслей и права голоса.

— Что за вопросы, пустышка? — удивился Тир, осматривая меня с ног до головы. — Ты же в порядке. И всё такая же дерзкая и вредная.

Закатив глаза, я поняла, что разговаривать с ним бесполезно: он дуб! Развернулась и зашагала в том направлении, куда удалился гадкий Казинак. Я специально следила, куда он ушел, поэтому надеялась, что выйду к какому-то проходу.

Тир увязался следом, чего и следовало ожидать. Я зашагала быстрее, чтобы оторваться. Вдруг ему надоест ходить за мной, он махнет рукой и вернется в палатку, где сладко дрыхли его друзья?

Однако я уже начала запыхаться, а он продолжал преследовать, а потом вовсе пробубнил:

— Что ж, тебя давно следовало показать магам. Потому что нормальные пустышки так себя не ведут! — в два шага настиг меня, схватил за руку и с силой потащил.

— Пусти! — уперлась я ногами в землю, но сухая, потрескавшаяся почва, покрытая пылью, не давала никакой возможности зацепиться за нее. Я скользила за Тиром и ничего не могла поделать. Чтобы остановиться, схватила руками за подвернувшийся куст.

Он казался покрытым колючками. Я ойкнула, замахала израненной рукой. Потом приблизила ладонь к глазам, чтобы рассмотреть, не осталась ли в коже заноза, и с удивлением заметила выступившие крупные, темные капельки крови.

Странно, боль я почувствовала, но она должна была бы ощущаться сильнее, острее. Кажется, после закалки огнем виверны у меня стала толстая шкура.

— Ты издеваешься надо мной! — рассвирепел Тир, продолжая тянуть меня за собой. — Ты же сама хотела в цитадель, а теперь сопротивляешься.

— Я одна хотела! Без тебя!

— Не вопи, — он с силой дернул меня. Да так, что я упала на колени.

— Пусти! — прорычала я.

— Ты еще и глупая, — хмыкнул он. — Не понимаешь, что без меня не сможешь пройти через защитный купол. А танцами и песнями мы напивали сооруженную защиту вокруг лагеря, и теперь никто не может его преодолеть. То-то ты ходишь по кругу.

Ошарашенная сказанным, я притихла, и Тир, довольный моей реакцией, продолжил:

— К тому же тебя растерзают дикие вуркудраги, стоит подойти к проходу через вулканический перешеек. А даже если справишься с ними каким-то чудом — не дойдешь до места.

— П-поче-м-му? — я захлопала глазами, чувствуя подступающие слезы. Слова Тира меня ужасно напугали, а обрисованные им перспективы яркими красками возникли в сознании. Неужели всё бессмысленно и я шла на верную смерть?

— Ты, конечно, не знаешь, что происходит в Проклятой пустоши? — задал он риторический вопрос, продолжая глумиться. Я промолчала, и он соизволил пояснить занудным тоном противного наставника: — Это место захоронения темных проклятых

магов, первородных магов нашего мира. Они лежат здесь тысячи лет и пропитывают землю темной магией, высасывающей энергию из любого, кто окажется на ней. Только если веселиться и радоваться, на гостя этой земли не повлияет магия.

Я кожей почувствовала его ехидный, издевательский взгляд.

— А если не веселиться? — уточнила со страхом.

— Сначала заплачешь, потом будешь рыдать и очень сильно горевать, как будто умерли все самые близкие, а потом умрешь от горя, — закончил он свой рассказ и зло усмехнулся:

— Это знают даже дети, пустышка. Но ты хуже ребенка. Глупая — и из-за своей глупости могла бы умереть. Скажи спасибо, что я тебя спас.

— Ага, спас, чтобы убить потом, прикрываясь мной от чудовищ! Которые то огнем плюются, то пытаются сожрать! Хорошо спасение!

— Я же говорю, ненормальная пустышка! Не понимаешь, в чем твой долг! — зло прошипел он и оскалился, разглядывая меня словно под микроскопом. Пытливый взгляд пробирался в самую мою суть, под кожу, проникал в вены и препарировал, а еще я ощутила жар, идущий от Тира. Как-никак, он был огневиком, магом, владеющим огненной стихией, и пламя жило в нем и готово было выплеснуться в любую минуту.

А в моменты гнева — тем более. Интересно, он способен причинить мне боль? Пульнуть в меня огнем, если буду доставлять неприятности и не слушаться? Ему нравятся покорные девушки? Интересно, какой была его Лакрица?

— Идем, — скомандовал он, хватая меня за руку. Его пальцы были горячими, он быстро шагнул в темноту, пуляя небольшие сгустки огня, которые падали на землю и, пока тлели, освещали нам путь.

— Ты отдашь меня темным магам? — пропищала я так тихо, что Тир не обернулся. Наверное, не расслышал. Мы уже преодолели достаточное расстояние, лагерь был очень далеко, а впереди я уже видела очертания черного прохода, как вход в туннель, темный и непроглядный, полный разных тварей...

— Пожалуйста, Тир, остановись, — попросила я жалобно, дрожа от страха и действительно поверив, что он решил уничтожить меня с помощью темной магии колдунов. — Ты хочешь, чтобы меня убили?

И все-таки я не выдержала и расплакалась. Стояла посреди темной, безжизненной пустоши, закрыв лицо ладонями, лила горькие слезы и понимала, что ни за что на свете не пойду вперед, не сделаю и шага по направлению к своей смерти. Я не самоубийца.

Тир остановился и с тяжелым вздохом признал:

— И все-таки ты неправильная пустышка! Тебе в любом случае надо к магам, иначе на войне мы не уцелеем.

— Я в любом случае не уцелею, — всхлипнула я, вспомнив горькие слова Ворта о том, что это будет моим последним ранением. А Тиру ведь не объяснишь, даже слушать не станет.

— Маги опытные, они смогут сделать что-нибудь. Идем! — потянул он меня за руку. — Для твоего и моего блага.

— Нет! Нет! — упала я на колени. — Неужели ты ничего не понимаешь?!

— А что я должен понимать? — нахмурился он, утомленный моими слезами. — Так заведено. Не только ты рискуешь, но и я. Знаешь ли, огненные маги тоже гибнут. Драконы стараются уничтожить их первыми. Именно поэтому темные маги придумали способ, как защищать магов, которые, заслонившись пустышками, могут атаковать драконов. Это дает нам преимущества. Не понимаю, почему я тебя это объясняю! Это все знают!

Он разозлился. Что было видно невооруженным глазом. Но ведь я злилась тоже, потому что этот бесчувственный чурбан не отдавал себе отчета в том, что пустышки — живые люди. И мне стало интересно, откуда у него это знание. То ли он просто, как и все, поверил темным магам, то ли ему было всё равно и он воспринимал гибель девушек как сопутствующий ущерб.

Я не собиралась добровольно идти к магам, и тогда Тир подхватил меня на руки. У меня началась настоящая истерика, такая, когда полностью себя не контролируешь, не отвечаешь за себя и свои действия, машешь руками и дергаешься, сопротивляясь, и можешь наговорить глупостей, только бы спастись. Когда ты готова на всё что угодно!

— Пусти! Не хочу! — зарыдала я, да так, что, кажется, намочила слезами его рубашку.

Этого он не стерпел. Неся меня, он не мог бросать огненные шары, поэтому то и дело останавливался, вглядываясь в дорогу, а тут еще я испачкала его белую рубашку. Тир остановился.

Думала, сейчас начнет язвить, издеваться, злиться, но он удивил:

— Слушай, ты же была уже у них. Так чего боишься?

— Была и больше не хочу! От одного их вида у меня сердце замирает, душа уходит в пятки!

— А у тебя есть душа? — хмыкнул Тир, не удержавшись от очередной гадости в мой адрес.

— Из нас двоих нет души у тебя, — тихо возразила я, но он услышал. Даже дернулся и поставил меня на землю.

Отойдя подальше, я воскликнула наполненные болью слова:

— Ты не пошел бы снова туда, если бы тебе предстояло стать отверженным, безмолвным, неживым!

— Но ты-то живая, и даже бойкая! Никогда еще не встречал таких пустышек.

— Потому что во мне осталась капелька души! Сам не хочешь к ним сходить и узнать, откуда берутся девушки? Никогда не возникало такой идеи? Вдруг ты поймешь, что мы тоже живые. Тир, тебе никогда не приходило в голову, откуда мы беремся?

— Ладно, — кивнул он с пораженным видом, — давай поговорим на эту тему. Видимо, мы не двинемся с места, пока ты не донесешь до меня свою точку зрения. — Сложил руки на груди и встал с воинственным видом. — Что ты помнишь? Только перестань реветь, это дико раздражает! Объясни мне, о чем речь? Что ты имеешь в виду?

Обрадованная, я даже не обратила внимания на его препротивный, назидательный, менторский тон, утерла нос и, судорожно всхлипывая, пустилась в объяснения:

— Смотри, Тир, ты никогда не думал, ты убиваешь живого человека?

Ему явно не понравилось то направление, которое я подобрала для этого разговора, и я сразу же осеклась, поняв, что так дело не пойдет, так и не добыю от него понимания. Поэтому и начала с другого конца:

— Я помню своих родителей, помню свой дом, так быть не должно, правильно? — задала я риторический вопрос, умолчав, что говорю о своем доме на Земле. — Я согласна, что со мной что-то пошло не так, но ты не хочешь узнать, что именно? Не хочешь разобраться?

Тир так и стоял напротив, раздумывая над моими словами.

— Хорошо, — кивнул он, — разведаем обстановку.

И вдруг он быстро зашагал вперед. Я какое-то время не двигалась и смотрела в его спину, а потом поняла, что расстояние между нами стремительно растет, и если он пройдет дальше, то я могу даже заблудиться, потому что в темноте было ничего не видно. А у огненного мага, по крайней мере, было преимущество — он мог пускать далеко вперед свои огненные шары и освещать дорогу.

Рядом с ним мне было тепло и нестрашно, и я точно знала, что он меня защитит. Не успела я об этом подумать, как вдалеке послышалось рычание, быстрые шаги огромных лап, соприкасающихся с землей. Стражи входа в цитадель! Те самые драги, или как их там, которыми меня пугал Тир! Я не сомневалась, что это именно они, хоть и не запомнила точно их название...

С замиранием сердца я поняла, что сейчас, через крохотное мгновение, на нас кто-то нападет, и сразу же спряталась за спину Тира. Положила руки на его на него и почувствовала, как напряжены мышцы. Он готовился к атаке, принял боевую стойку. Конечно же, я понимала, что он может поставить меня на передовую, потому что таково было мое предназначение, но я надеялась, что наш разговор что-то изменил.

Тем более вряд ли я могла бы впитать в себя энергию укусов страшных тварей. Они бы просто сожрали меня. Со страхом посмотрела вперед и увидела двух приближающихся огромных тварей размером со льва. Черные, грозные, с высокой холкой и мощными лапами. Я видела большие желтые глаза, прижатые к холке уши, длинные белые клыки. От страха они мне показались огромными, как будто два длинных кинжала, направленных прямо на нас!

Упав на колени, я приготовилась к нападению, я не могла ничего сделать, просто прикрылась руками и даже ради любопытства не стала открывать глаза, только слышала жуткие скрежещущие звуки, хрипы, рычание, свист проносящихся вокруг потоков, жар огня, много-много движения вокруг...

Когда же я осмелилась открыть глаза, то увидела, что звери охвачены огнем и вертятся

вокруг своей оси, пытаюсь потушить огонь. В таком виде они выглядели беспомощными и жалкими, и у меня даже немного сжалось сердце от сочувствия, но я быстро подавила в себе эту эмоцию, потому что я прекрасно знала, что, если эти звери до нас доберутся, от нас останутся только жалкие кусочки.

Наверное, если бы за нами отправили поисковую экспедицию, тут даже не нашли бы нас, потому что звери бы нас попросту сожрали. Представила, что столкнулась бы с ними одна, не догони меня Тир, и на сразу же похолодела.

— Испугалась? — Тир повернулся ко мне, тяжело дыша, в разодранной рубашке и с рваными ранами на груди и лице. У него не было оружия, никаких ножей или пистолетов, или других способов защититься, только его магия, от которой сейчас его ладони светились красным.

— Это больно? — спросила я, встала, подошла к Тиру и пальчиком дотронулась до его ладони. И тут же обожглась, как будто коснулась раскаленной сковороды. Природа огненной магии завораживала меня, но и пугала, было очень любопытно. Сердце отчего-то спешило выпрыгнуть из груди, меня тянуло к Тиру. Коснуться, ощутить его жар.

А когда я положила руку ему на ладонь плашмя, почувствовала притяжение между нашими руками. И вдруг этот огонь стал перетекать мою руку, тонкие огненные ниточки потянулись от него ко мне, извиваясь и сплетаясь. Моя ладонь тоже засветилась и стала горячей и красной, светилась в темноте, но я не чувствовала никакой боли, только приятное тепло, а также волнение и трепет оттого, что магия Тира перетекала в меня.

Он говорил, что я поглотитель, и теперь я в этом убедилась: я смогла перенять его магию, забрать себе маленький кусочек. Тир тоже был очень заинтригован тем, что происходит. Он вертел рукой и поглядывал на меня.

А я, игнорируя туши убитых зверей, а смотрела только вперед. Мне было интересно, что будет дальше. Вдруг захотелось попробовать применить эту магию. Может, я не только поглотитель, а могу как-то ее использовать. Я вытянула руку, попробовала сжать и разжать кулак, как бы концентрируя огонь, а потом направить вперед, чтобы запустить маленький сгусток огня. Слабый, но всё же огонек полетел вперед и превратился в комочек огня, который свернулся на земле и какое-то время горел, пока не погас.

— Вот видишь, я, наверное, не самая простая пустышка, вряд ли они могли так делать, — улыбнулась я, обрадованная первыми успехами в освоении своей магии.

— Мы просто не пробовали, — буркнул Тир, который был настолько упрям, что не хотел признавать свою неправоту. Он был самым настоящим упрямством, но все-таки я знала, что смогу его убедить. И почему-то мне казалось, что, когда мы встретимся с магами, он не отдаст меня им... По крайней мере, я на это надеялась.

До прохода в обитель магов мы шли недолго. Буквально метров сто, и вот уже впереди показался тоннель.

Высокий, огромный, он пугал непроглядной чернотой, но особенно жутким его делали фиолетовые прожилки молний, испещрявшие пространство перед проходом.

Ворот не было, да и зачем они, если никто по доброй воле не рискнет сунуться в логово проклятых магов, защищенное сильными магическими барьерами. Даже я чувствовала их мощь на расстоянии.

Какой наивной я была, когда думала, что смогу в одиночку добраться до цели...

Перед глазами ожили свирепые звери, их смертоносная магия, от которых меня спас Тир... Невольно поежилась и подумала: а что еще увижу, когда проникну внутрь?

Одна бы не дошла — погибла, и никто бы обо мне не вспомнил. Хорошо, что за мной увязался Тир. Несмотря на недостатки, мир свой он знает, себя ценит, потому неприятностей старается избегать. Не то что я — самонадеянная безмозглая дурочка, возомнившая себя мессией для здешних женщин.

Как есть пустышка. Только в другом смысле. Без мозгов. Пустоголовая иномирянка.

Сообразив, куда я сунулась, ощутила, как тело пробил озноб. Хотела растереть плечи, но Тир решил, что я собираюсь ринуться в проход. Опустил ладонь на мое плечо и прорычал властно:

— Стой, где стоишь!

А потом, оглядевшись, потянул меня за каменные валуны, так удачно расположенные в стороне.

Спорить не стала. Прикусила язык и спряталась, как и Тир. И всё же его вредное, просто выбешивающее поведение доводило до белого каления! Без слов Тир умудрялся бросать гневные взгляды, а мне хотелось ответить, очень уж задевали они.

«Тихо, Саша!» — осадил себя. И делая вид, что не замечаю уничижительные гримасы спутника, стала тоже наблюдать за входом в туннель.

Ничего не происходило, однако за каменной стеной я чувствовала себя более защищенной, поэтому немного успокоилась и стала разглядывать место, пока... не услышала стук и скрип...

Легким тычком Тир указал вправо — на дорогу.

У него, мага, зрение преотличное, поэтому он увидел опасность раньше, а мне пришлось сильно напрячь глаза, чтобы в темноте разглядеть обоз.

Несколько телег и повозок, запряженных лошадьми, неспешно приближались. Сначала из сизого тумана появилась крытая повозка, в которой сидели огромные мужчины пугающего вида, в балахонах, а потом... Потом я увидела клетки с несчастными людьми, сгрудившимися в кучки от страха и холода.

Пока обоз двигался — стояла тишина, но стоило остановиться — из клеток послышался утробный бой, как будто выли животные перед забоем.

Я не дышала, наблюдая, как из первой повозки спрыгнули здоровые мужчины. С головы одного из них соскользнул капюшон, и я едва не вскрикнула, разглядев уродливую морду. Да и фигуры странные — сутулые, непропорциональные, похожие на ороочи.

— Шмарги, — зло шепнул Тир, который, так же как и я, не шевелился и наблюдал за

происходящим.

Несчастных начали выволакивать из клеток, и оказалось, что это девушки.

Пленницы кричали, пытались держаться за прутья клетки, упирались. Шмарги безжалостно хватали их за шкуру или волосы, невзирая на сопротивление, тащили по земле, били...

Инстинкт самосохранения кричал — нам пора срочно убираться отсюда.

Да, я сюда стремилась, но теперь поняла, что одна ничего не могу поделать, даже хотя бы помочь несчастным пленникам. Если нас заметят, также утащат в проход, и мы исчезнем навсегда, потому что здесь происходит что-то ненормальное, преступное, что старались скрыть под покровом ночи.

А я со своей «везучестью» едва не влипла в беду

Нужно убираться подобру-поздорову, пока нас не заметили.

Но и равнодушно уйти, не сделав ничего, я тоже не могла — сердце сжималось от жалости.

Чтобы не всхлипнуть и не выдать себя, крепче сжала кулаки, и только тут до меня дошло, что я сжимаю в одной руке что-то горячее, живое. Опустила голову и поразились, увидев в своей ладони руку Тира. Это что, я схватилась за него?!

Подняла глаза, ожидая увидеть на лице мага ехидную усмешку, однако он смотрел не на меня, а на происходящее. Фиолетовое свечение подчеркивало напряжение на его лице, стиснутые зубы и ярость.

Выходит, я была права, и здесь творят то, что должно быть скрыто от чужих глаз!

Тронула Тира за плечо, однако он резко вскинул руку и прижал палец к губам, требуя, чтобы я сидела как мышка. Но мне не терпелось узнать. Пододвинулась к нему ближе и тихо прошептала:

— Что здесь происходит?

Вместо того чтобы ответить, Тир резко прижал свою руку к моему рту и заставил пригнуться почти к земле. Он как будто желал слиться с местностью, стать невидимым. Неужели храбрый маг тоже боится?

Едва мы пригнулись, посреди площадки, перед пленниками появился темный маг! Он вышел из портала, однако, вместо того чтобы разглядывать пленниц, резко обернулся в нашу сторону, будто чувствуя, что мы тут!

«Казинак!» — молниеносно опознала я его по бороде и тяжелому, безжалостному взгляду из-под кустистых бровей. Он не сводил глаз с нашего валуна и как будто принюхивался.

Меня пробрала дрожь. Если бы не Тир, не его тепло и напряженное тело, ставшее как будто моим щитом, я бы от ужаса вскрикнула и выдала себя.

Этот темный может перемещаться в пространстве. Может сейчас оказаться перед нами! Я настолько испугалась, что готова была бежать сломя голову, но почему-то не могла сдвинуться с места.

«Тихо», — легонько постучал по спине Тир, возвращая мне контроль над телом и страхом.

Миг, еще один... Казинак отмер и отвернулся.

Тело Тира расслабилось, из него ушло напряжение, и я поняла, что мы временно спасены. Надо убираться отсюда поскорее, но прежде надо дождаться, пока площадь перед тоннелем опустеет.

Наблюдать за пленницами, сбившимися в кучу на сухой земле с трещинами, дрожавшими от страха и державшимися друг за друга в тщетной попытке спастись, было горестно и жутко.

Испуганные и измученные девушки с длинными волосами в косынках и без, в платьях до щиколоток преимущественно серого или коричневого цвета, явно не знатные, из бедных слоев населения, из деревень, со страхом взирали на мага.

Сразу видно — не по своей воле они пришли.

Что с ними сделает Казинак? Ответа я не знала, но от осенившей догадки меня затошнило.

Это будущие пустышки!

Из них, живых и незащитных, сделают пустышек! Выжгут колдовством разум, чувства, лишат воспоминаний, а потом выпустят на поле боя, чтобы они приняли на себя смертоносный огонь! Пустят в расход, как пушечное мясо!

Подняла голову и встретила взглядом с Тиром.

«Как вы, жители этого мира, допустили это?!»

Он отвел глаза и тяжело вздохнул.

Может быть, теперь хотя бы он перестанет верить колдунам, что пустышек выращивают в обители?

На площадке перед порталом раздались крики.

Я повернулась и увидела, как темный маг начал делать пассы руками.

Фиолетовые молнии стали больше, словно ожили, затрещали, засверкали над головами девушек. А потом стали ударять в них одну за другой.

Каждая, кого «ужалила» фиолетовая змея, выпрямлялась, безжизненно опускала руки и замирала.

Когда все стали безвольным куклами, гадкий Казинак довольно хмыкнул и двинулся к тоннелю, а за ним поплелись поникшие девичьи фигурки.

Когда последняя скрылась в проходе, наступила тишина.

Обессиленная, я села землю, обняла онемевшие колени и попыталась усмирить сердце, бешено колотившееся о ребра.

Тир сел рядом, откинул голову и зажмурился. Для него произошедшее тоже стало откровением.

— Прозрел? — не удержавшись, спросила я.

— Угу, — выдохнул он и зло тряхнул головой, будто пытаясь выбросить из памяти увиденное.

Наступила тишина, и я стала думать, что делать дальше. Колени онемели, сердце никак не могло успокоиться в груди. Тир задумчиво смотрел вдаль.

Мы тихо прождали какое-то время, чтобы полностью увериться в безопасности обратного отхода, но стоило нам подняться на ноги, как тут же послышался какой-то свист, поднялся ветер, земля задрожала, мы стали пытаться удержать равновесие, схватились за руки, пытаться выбраться за пределы трясущегося участка почвы, но все наши усилия были тщетными, и мы ухнули под землю...

Дыра под ногами возникла настолько неожиданно и потянула нас с собой с такой скоростью, что ни я, ни Тир не ожидали.

Земля под ногами просто разверзлась, и мы рухнули вниз.

Я закричала, приготовилась к удару и боли. Вот только... Плюхнулись мы на что-то упругое и податливое. Подозрительно податливое...

Совсем непохоже на каменный пол пещеры или ямы.

Сердце бешено забилося от страха. Я продолжала лежать на боку с зажмуренными глазами и ждать неприятностей. Почва под ногами продолжала ходить, двигаться, как будто живая, но мучительной или даже острой боли я так и не ощутила.

Рядом шевельнулся Тир. Выругался!

— Живой! — обрадовалась я и наконец открыла глаза.

— Фух! Ты цела! — выдохнул Тир. Он нависал надо мной и взволнованно вглядывался в мое лицо. В темноте в его глазах мерцали таинственные и опасные огоньки.

Близость и забота вредного мага смущали и окрыляли. Я даже позабыла, что мы куда-то упали. Просто смотрела как замороженная и не могла пошевелиться. Но всё же разлепила губы, потому что он явно ждал от меня ответа о моем состоянии.

— А ты? — спросила тихо, хрипло, чувствуя в горле першение от взметнувшейся от нашего падения пыли. Кончики пальцев защекотало, по ним разлилось приятное тепло. Захотелось коснуться щеки Тира, погладить, коснуться рукой волос, таким образом поблагодарить за заботу, за всё, но... Его красивые губы зло скривились.

— Тоже. Но ненадолго, — он оторвался от моего созерцания и медленно оглядел помещение, в котором мы оказались. Я же, поскольку лежала, сразу заметила: над нашими головами не было дыры. Хотя она точно должна была быть! Мы же как-то упали сюда.

Взгляд заметался по верху пещеры, где наблюдалась ровная поверхность. Нас как будто затащило в ловушку, а потом крышка захлопнулась.

Коричнево-белесые стены изгибались, замирали, снова изгибались, меняя форму пещеры, в которую мы попали. Неприятный цвет, но больше меня напугали фиолетовые блики, растекавшиеся по стенам и потолку и очень напоминавшие защитное марево прохода, в котором исчезли пленницы. Неужели?!

Резко повернулась к Тиру. Он наряжен, сосредоточен и явно не в духе.

— Мы попали, пустышка, — процедил сквозь зубы он. — Ты хотела приключений на свою голову — нашла их.

— Где мы?

— Не знаю, и это мне не нравится. Если цела — идем: обследуем место.

Тир не подал мне руки. Вместо этого резко встал и начал озираться.

Когда и я поднялась, бросил:

— Не отставай и держись за моей спиной!

Он решительно зашагал вперед, но стоило нам сделать несколько десятков шагов — и пространство стало сужаться, а потом мы вовсе уперлись в тупик.

Тир нахмурился, развернулся кругом и широким шагом зашагал в другую сторону. Я, как Пятачок за Винни-Пухов, бежала за ним следом и задавала дурацкие вопросы, на который он отвечал молчанием.

В другой стороне мы наткнулись на такой же тупик.

— Что за?... — Тир замахнулся и с силой пнул по стене.

Я подошла ближе и осторожно потыкала пальцем. На ощупь прохладное, упругое и очень странное.

— Отойди! — приказал Тир, отстраняя меня от стены рукой.

Едва я отошла, она зажег в руке огненный шар и запустил в стену.

Фаербол, коснувшийся стены, проник в нее и... растворился, как будто и не было смертоносного огня.

— Странно, — отозвался маг и попробовал запустить еще один шар. Но он так же растаял в странной породе. — Оно поглощает магию.

— Как я?

Тир удивленно взглянул на меня.

— Похоже, но не так.

— Но ведь похоже, — не сдавалась я, пытаюсь найти ответ.

— Надо подумать, — хмурый Тир опустил на пол.

Неожиданно стены пещеры начали двигаться, меняться, и то, что было полом, стало стеной. Мы с магом кубарем слетели на новый пол, стараясь удержаться, но нам не за что было держаться, кроме как за друг друга.

Поэтому мы снова обернулись друг вокруг друга, сплелись, как корни ветвистого дерева, которые невозможно было распутать. Но я не могла радоваться этой близости, как и Тир, потому что мы точно попали в какую-то смертельную и явно живую ловушку!

Какая-то мысли брезжила на краю сознания, но я боялась хватать ее за хвост и малодушно не давала развиваться. А вось пронесет и мне просто кажется, что это... некое живое существо, проглотившее нас.

— Не нравится мне всё это, — пробормотал Тир и посмотрел на меня, и я приготовилась к обвинениям, но он просто сел и затих.

Я села рядом, поближе, и тоже затихла.

Как заснула — не знаю. Но проснулась от того, что Тир крепко обнял меня, а потом пещера сделала новый кульбит. Невольно проснешься.

— Я долго спала? — потеряла глаза.

— Пару часов.

— А ты? Хочешь поспать? Я посмотрю за тобой.

— Нет, — проворчал он. — Я хочу выбраться отсюда скорее, чем закончится воздух.

— А он заканчивается?

— Когда я зажег огонек, он даже не трепыхнулся. А значит, сквозняка и поступления воздуха нет. И у нас всего несколько часов. Максимум — сутки. Потом мы задохнемся.

— Но нас же должны спасти! — воскликнула я, отсев чуть поодаль.

Ощутила голод, позыв по нужде и холод. Всё одновременно.

Но больше всего пугала вероятность того, что мы не выберемся отсюда. И даже привычная спесь слетела с Тира, обнажив перепуганного паренька, который, однако, не показывал страха. Он держался молодцом, а мог бы обвинять меня. Ведь это я затащила его сюда. По моей вине мы можем умереть...

Какое страшное слово. А как же моя миссия? Как же возвращение домой?

Я села и положила голову на согнутые колени, обняв лодыжки руками. Вдруг почувствовала касание пальцев на макушке. Косынка слетела давно-давно, и теперь Тир

трогал отросшие волосы. Я наверняка была похожа на смешного ежика, но это меньшее, что меня сейчас волновало.

— Было больно? — спросил тихо маг, и теперь в его голосе слышалась совсем другая интонация. Теперь он доподлинно знал, кто такие пустышки и чем я отличалась от остальных.

— Нет, Ворт очень хорошо помог мне, пообещал, что волосы быстро отрастут.

«В моем мире такого не бывает...» — чуть не сорвалось с губ фраза. Я чуть не выдала себя, а сейчас, по идее, могла бы рассказать Тиру правду. Неужели бы не понял? Я не сомневалась, что наши отношения в корне поменялись. Увы, у нас не будет возможности проверить на практике, какими они могут быть...

Страх стал сильнее, когда стены снова задергались, зашевелились, меня форму. Я поражённо смотрела на страшные трансформации, чувствуя, как сердце подступает прямо к горлу и ужас охватывает всю мою суть.

— Тир, что это за пещера? Куда мы попали? — я смотрела на мага с надеждой, ожидая хоть одного успокаивающего словечка, однако он молчал. Ощутимо напрягся от моего вопроса, сначала даже отвел взгляд, вздохнул, а потом вовсе сел и, накрыв голову руками, затих. Неужели дела наши так плохи?

Тир не ругался, не придирался, был совсем непохож на себя прежнего, а мне подумалось, что лучше бы он вел себя как раньше, только бы не молчал. Только бы развеял эту ужасающую атмосферу надвигающейся катастрофы. Я тихонько подошла к нему, подхватила подол и присела рядом с ним, стараясь не касаться, но невольно желая привалиться к теплу. Ведь здесь было так холодно, и отчего-то мне казалось, что будет становиться всё холоднее, пока мы не превратимся в ледышки.

— Всё так плохо, да? — спросила робко, поглядывая на Тира.

Он не спешил отвечать. Лишь когда тишина стала гнетущей, разомкнул упрямо поджатые губы.

— То, что было тайной — должно остаться тайной, — усмехнулся печально. Я сразу поняла, про что он говорил, и испугалась. Неужели я виновата, что мы попали сюда?

Но тогда... выходит, что мы узнали секрет черных магов! И они поспешили от нас избавиться. А я-то, наивная, поверила, что нас никто не заметил и мы выберемся с пустоши незамеченными, доберемся до лагеря, вызовем ректора и найдем управу на тех, кто устроил масштабный геноцид. Святая простота.

— Неужели ты раньше не догадывался?

Тир покачал головой, и на его лице отразилась мука.

— Маги рассказывали, что пустышек выращивают из кристаллов. Что новейшие технологии спасают жизни боевых магов. Что это шаг вперед, рывок в спасении людских жизней... — говорил он через силу. Да, Тир гордый, своенравный маг, однако... Несмотря на упрямство, сейчас признавал свою ошибку. Жаль, что в момент безысходности, когда уже поздно.

Но разве справедливо требовать от него немедленных действий, когда вся верхушка власти уверяет в правильности своих решений? Разве пошла бы я так запросто на демонстрацию против правящего режима? Устроила бы революцию? Или заявила бы во всеуслышание, что новый закон меня не устраивает?

— Чем наглей ложь — тем больше в нее верят, — вздохнула я. Сидеть рядом с человеком, к которому меня тянуло, и не сметь прикоснуться — суровое испытание.

Только зачем терпеть? Из-за гордости? Умереть гордой, но одинокой? Представила, что скоро воздух в пещере станет еще более спертым, а потом и вовсе закончится — и стало страшно. Я не хочу умирать. Тир тоже. Неужели мы будем сидеть сложа руки и ничего не предпримем?

— Тир, — легонько толкнула мага локтем. — Давай попробуем что-то сделать?

— Оно поглощает магию. Я бессилён, — сурово сжав губы, он признал это не без труда.

— Но ведь мы можем попытаться! — не сдавалась я.

Тир повернулся. Под его пронизательным, серьезным взглядом стало жарко. Сейчас накинется и начнет обвинять меня в бедах. Я невольно прижала руки к груди, чтобы защититься от злых, обидных обвинений, в которых отчасти виновата, однако Тир поразил меня. Обычно вспыльчивый, он остался совершенно спокойным. Это пугало гораздо больше, чем его привычное поведение.

— Боевой маг должен быть готовым к смерти — первая заповедь любой академии. Пустышки — не для прикрытия трусов, а для повышения выживаемости мага, чтобы он дольше оставался в строю и мог нанести наибольший урон врагу.

Я слушала его и не понимала: ну что за жестокие правила в этом мире? Кто принял их? Как убедил жителей, что это нормально и даже полезно обществу? Почему? За что он так ненавидит женщин этого мира, что готов без зазрения совести пускать их в расход?

— Ты думала, что я трус? — спросил он, глядя в глаза.

Поначалу я так и думала, но теперь... Теперь я знаю, что он смелый. Только доверчивый. Но разве я бы на его месте была иной?

— Никогда не был трусом. Но умирать не хочу. Не потому, что боюсь, а потому что нужен родным! — почти прорычал он. Сейчас Тир был искренним и рассказывал о сокровенном. Приятно, что он доверяет мне. Но жаль, что доверие появилось в беде.

— Да, твой отец расстроится, — вздохнула я.

— Он справится, — угрюмо отозвался Тир. — Он ректор. Ректорами просто так не становятся.

— У тебя есть еще родные? — удивилась я. Почему-то я думала, что у Тира есть только отец. О других он никогда и словом не обмолвился.

Оглядев меня, Тир глубоко вздохнул и, помолчав, продолжил:

— Есть. Младшая сестра и мама.

Мой ошарашенный вид позабавил его.

— И что тебя так удивило? — фыркнул он. — У каждого ребенка есть мама.

— Это несомненно, — улыбнулась я. — Только ты на ребенка непохож. А маленьким я тебя не видела.

— Если бы и видела — не узнала бы. Я был пухлым, с вот такими щеками... — изобразил он милого хомячка. — Любил сладости и был маменькиным сыном.

Представив Тира, я не сдержалась и рассмеялась.

— Не верю!

— Это всё внезапно закончилось. И теперь уже и не верю, что когда-то это было.

Он замолчал. Вспоминать прошлое Тиру больно, но я чувствовала, что ему надо высказаться, поэтому набралась храбрости и спросила:

— Почему?

— Мама изменила отцу. Не по своей воле. Он пришел в ярость и заключил ее в Храм отверженных.

Настроение резко изменилось. И даже я, сторонний человек, растерялась. Расспрашивать Тира о подробностях не посмела, но он сам продолжил.

— Она была замечательной матерью. Но темный маг опоил ее любовным зельем, и счастье нашей семьи иссякло.

— Но она же не виновата! — воскликнула я.

— Отцу дороже честь и гордость, — на лбу Тира появились морщинки. — Мама молила его не отдавать Марику в приют. Я тоже просил, умолял его со слезами на глазах, не

понимая, что произошло...

— И? — не выдержала я, ближе подседа к Тиру. Плевать на гордость. Ему было так тяжело, что мне захотелось пожалеть его, обнять. Но я только взяла его за руку.

— Сестра родилась с сильным магическим даром. Ему стало выгодно признать ее и отдать в пансион одаренных магесс.

Я выдохнула.

— Ты общаешься с ней?

— Конечно. Тайно. Привожу ей сладости. Она их очень любит. Деньги. Они даже детям нужны, особенно в пансионе, где всё строго и жестко... — Он помолчал. — А если бы у нее не было дара и ее отдали бы в простой приют... — Тир повернулся ко мне. — Ее бы тоже сделали пустышкой.

— Мы должны выбраться! Тир, должны! — затрясла я руку мага. — Мы не имеем права сдаваться!

— И что ты предлагаешь?

А действительно, что я могу, кроме как уговаривать не сдаваться?

Дышать становилось всё тяжелее. Я замерзла, еще и голова начала кружиться, поэтому я прислонилась к Тиру. Он обнял меня рукой и крепче притянул к себе.

— Я не думала, что всё так закончится, — всхлипнула я, осознавая, что дальше ситуация будет только ухудшаться. Мы не выживем, навсегда останемся здесь. И наши останки никто никогда не найдет.

Легким прикосновением Тир погладил мою руку. От неожиданной нежности я совершенно размякла. По щекам потекли слезы. Я пыталась сдерживать их, но не получалось. От влаги нос замерз сильнее. Представила, как выгляжу с посиневшими губами, красным носом и опухшими глазами, и начала вытирать щеки. Заметив мой плач, Тир достал платок из кармана и потянулся, чтобы помочь.

— Я ужасно выгляжу, — отвернулась я, но платок всё же приняла. Пах он приятно. Его даже не хотелось убирать от лица.

— Уж не хуже, чем после тренировок, — сказал маг и затих, осознав, что раньше, когда я плакала, страдая от ожогов, он вел себя безжалостно и эгоистично. Нахмурился, свесил голову и тихо произнес: — Прости.

Я знала, за что он просит прощения, но уже не злилась. В своей душе я оправдала Тиру.

— Ты же не знал.

— Должен был догадаться.

Мы затихли, сидя рядом, прижавшись друг к другу. Время шло, надежда на спасение неумолимо таяла.

От недостатка воздуха кружилась голова, мы почти не двигались. Вдруг один край пещеры приподнялся, а потом... случилось нечто, от чего у меня волосы встали дыбом...

Стены вновь начали двигаться. Резко, стремительно...

Опять несколько движений и долгий период покоя, но в этот раз всё было иначе.

Стены не только двигались — они накренились, и мы с Тиром покатались в другой конец пещеры. Я закричала, ударившись лбом и плечом.

— Держись за меня! — Тир старался защитить меня, укрыть от ударов. И когда упал на спину, я свалилась на него с высоты, выбив дыхание из легких.

Покой наступил резко и неожиданно.

— Вроде бы прекратилось, — обрадовалась я, отмерев и оглядываясь по сторонам, как в

противоположном конце пещеры разомкнулся свод... Через который проник свежий, теплый воздух! А вместе с ним и большая груда земли и камней...

Странное поведение пещеры всё больше настораживало. Особенно если учесть, что мне показалось, что я на миг увидела кусочек темного неба!

— Тир?! — я прижалась к своему спутнику, рассматривая появившуюся перед нами гору земли. — Как она здесь оказалась? — Оглядела тупик, который мы несколько раз внимательно осмотрели, попинали и даже безуспешно попытались разбить огнем.

Он не успел ответить — стены начали сжиматься, как в фильме ужасов, а груда земли поползла в нашу сторону...

— Тир?! — закричала я, понимая, что нас сейчас завалит. Словно вторя моему крику, задрожали стены и начали двигаться стремительно, резко, будто сокращались, как будто от удара тока.

— Пригнись! — Тир толчком повалил меня на бок. Потолок над нами резко опустился, остановившись почти над полом. Опустись он чуть ниже — раздавил бы нас...

Увы, передышка длилась мгновение. Стены и потолок поменялись местами, и теперь Тир лежал уже на мне. Правда, недолго. Еще кульбит — и мы почти стоим на головах. Чудом, что успели подставить руки.

Я едва не свернула себе шею.

Вокруг всё двигалось, крутилось, дрожало. А потом стены резко смкнулись.

«Конец... — подумала я. — Еще пара минут — и нас расплющит...» Как вдруг нас подбросило и с силой швырнуло в стену. Или вниз? Ожидая болезненного удара, я закричала, зажмурилась, но падение вышло странным.

Как будто мы попали с вязкую трясины. Только откуда она?

Барахтаясь в ней, я боялась открывать глаза. Но крик Тира:

— Пустышка! Пустышка! Ты живая? — разорвал тишину.

— Да! — отозвалась я, распахнула глаза и увидела, что вишу в воздухе. Под нами огромная яма-тоннель, а рядом, на огромных валунах сидят Ворт и еще несколько человек.

— Живой! Тир, ты живой! — закричали они и, оглядевшись по сторонам, бросились к магу, болтавшемуся неподалеку от меня. И только целитель, не совсем удачно спрыгнув с камня, хромя, побежал ко мне.

То, что удерживало меня в воздухе, ослабло, и я стала опускаться.

Ворт подхватил меня и, крепко обняв, радостно зашептал.

— Живая! Живая! — Голос его дрогнул, и мне показалось, что он вот-вот заплачет. — Проклятый червь пустоши!

Забота Ворта, его искренние переживания и нежность во взгляде тронули меня, однако затылком я чувствовала колючий взгляд мага. Хорошо, что Тира окружили друзья и засыпали вопросами:

— Как ты угодил в пасть червя?

— Зачем на ночь глядя понесся куда-то?

— Мы уж думали, что не увидимся!

— Если бы не Ворт — не увидели бы, — проворчал кто-то. — Ты о чем думал, когда уходил без нас?

Ворт не выпускал мои руки из своих ладоней. Он так рад, что мы живы! Всё это время лекарь был единственным человеком, которому моя судьба небезразлична, помогал мне, защищал, заботился, а я стою и думаю о другом. Тир открылся мне с другой стороны, между нами как будто пала невидимая стена. Или мне это только почудилось? Подняла на лекаря глаза и ощутила, как от стыда покраснела.

— Спасибо, — я вложила все эмоции в одно слово. Его, скромного, хватило, чтобы лекарь широко улыбнулся и решительно произнес:

— Больше не оставлю тебя без присмотра! Ни-ког-да!

— Ворт, поверь: я пошла не ради прихоти, а чтобы...

Договорить не дал Тир. Он подошел к нам и встал рядом, недовольно оглядывая лекаря, державшего меня за руки.

— Как ты нашел нас? — спросил сухо маг, когда я отстранилась от лекаря. Я не сделала бы этого, если бы не жестокие правила. Из-за привязанности ко мне, пустышке, Ворта могут задирать и даже оскорблять. А я не хотела, чтобы моего единственного друга подвергали насмешкам. Он хороший и добрый.

— Случайно заметил, что вы ушли... — Ворт старался отвечать сдержанно, но в его словах явно чувствовалась ревность и даже неприязнь к магу. И хоть он не обмолвился, что следил за нами, это подразумевалось.

— И как ты прошел по пустоши? Твари не разорвали на куски? Их стаи бродили неподалеку от лагеря, — продолжал глумиться маг, посматривая на своего оппонента с неприязнью и неприязнью.

— Их отпугивает запах мяты, — Ворт был ниже Тира, однако держался с достоинством и взгляда не отводил. — Надо знать мелочи, от которых зависит жизнь.

— Много тебе травы в бою помогали? Ах, да, ты же в бою не принимаешь участия, только издали наблюдаешь.

— Зато ко мне к первому идут бойцы после боя! — не сдавался Ворт.

Беседа накалялась. Противники подошли друг к другу ближе и оба полыхали ненавистью. Я же стояла молча, боясь вмешаться. К счастью, вовремя подоспели друзья Тира.

— Мы шли по вашим следам, дошли до туннеля и потеряли следы. Вы как сквозь землю провалились. Решили, что вы к магам ушли. Но Ворт заупрямился и заявил, что по доброй воле пустышка не пошла бы туда. Как ни убеждали его, что воли у пустых нет, не соглашался и талдычил свое. Он-то и предположил, что на вас напал пустынный червь.

— И что вы делали? Ждали, когда он вынырнет? — приподнял бровь Тир, отвлекшись

от перебранки с лекарем, а я снова внутренне содрогнулась, вспомнив страшные минуты в чреве чудовищной твари.

— Не поверишь, у него с собой была приманка! Не знаю, откуда наш лекарь это знает, но сработало! — друг положил Тиру на плечо руку и попытался увести его от нас, но маг как скала. От Ворта ни на шаг. Или от меня?

— Приманка? — вскинул бровь Тир. — Вы могли подвергнуться нападению других червей.

— Исключено! — упрямо качнул головой Ворт, отвергая обвинения в легкомыслии. — Жестяная коробка, обложенная мятными листьями, не дает червям учуять их любимое лакомство.

— А какой шанс, что на приманку явился бы тот же самый червь, а не иной. Или иные? — не унимался Тир. Ему следовало бы поблагодарить лекаря, а он... Вот же вредный!

Мне хотелось встать между спорщиками, прекратить ссору, что набирала силу на глазах, отчитать Тира за неблагодарность, однако под внимательными взорами других магов я молчала и выжидала более подходящего момента.

— Тирри! Мне кажется или вы ссоритесь из-за пустышки? — друг потянул мага в сторону, но он отступил лишь на пару шагов. И то, только чтобы отвернуться от сухого ветра с пылью.

— Мы чуть шеи не сломали, кувыряясь в поганой утробе твари, — проворчал Тир. — С чего мне быть в хорошем настроении?

— Сильно ушиблась? — заволновался Ворт и, игнорируя насмешки остальных, потянулся, чтобы ощупать мои руки, плечи... Не желая подвергать его издевкам, я повертела головой, а Тиру послала укоризненный взгляд.

— Я благодарен за спасение. Но мог бы придумать план спасения раньше. Не дожидаясь, пока мы начнем задыхаться, — буркнул Тир. По его виду становилось ясно, что ему не нравится, что ко мне прикасается Ворт, и он продолжает злиться.

— В следующий раз, собираясь покинуть лагерь, скажи мне. И я подготовлюсь заранее! — вспыхнул Ворт, тоже показывая характер.

— Мальчики, не надо, — мягко попросила я, обращаясь в них обоим. — Если бы не Ворт, мы бы умерли. Но и если бы не Тир, из червяка мы бы выбрались мертвыми.

Соперники притихли. Еще и их спутники, что наблюдали за происходящим, сумели разрядить обстановку.

— Тир, ты должен угостить всех, чтобы мы запомнили, из какого места червяка ты выбрался... — раздалась смешки. На что Ворт гневно проворчал:

— Червь их вычихнул! Вы-чихнул! Благодаря жгучему имерийскому перцу! Неучи!

— Надо же! Какая отличная идея! Что, если против драконов выставить лекаря с перцем? Они тоже испугаются и разбегутся!

Я испугалась, что сейчас над Вортом начнут насмехаться, однако Тир удивил.

— Кен, — обратился он к другу, — насмехаться над лекарем весело, пока здоров. Если же поджарят драконы — к первому, кому ты побежишь, будет именно лекарь. Так что посмеялись, и хватит. Пора возвращаться, иначе нас посчитают дезертирами, — бросил на соперника угрюмый взгляд, развернулся и зашагал в сторону лагеря.

— Тир, как вы тут вообще отказались? — донеслось ему вслед. Друзья ринулись следом. И мы с Вортом тоже.

— Потренироваться хотел, — резко ответил маг, пресекая смешки.

— Тирри, ты чего такой злой? Ты же спасся!

— Я сделал одно открытие.

— Поделишься?

— После беседы с отцом, — Тир зашагал быстрее. А я на миг остановилась, сбившись с шага, обрадованная тем, что начало положено. Что, если беседа Тира с ректором как-то повлияет на судьбу пустышек?

— Пойдем, я помогу тебе переодеться, осмотрю раны, поешь, — заботливо приобнял меня за плечи лекарь, осматривая внимательным взглядом с ног до головы, морщась от вида порванных и испачканных слизью вещей, но я видела, что ему не противно, он просто беспокоится.

С радостью пойдя за ним, постоянно кидала взгляды назад, пытаюсь найти Тира и его друзей, как будто чувствуя себя привязанной за невидимую веревку. Вроде и с Вортом рядом, а мысленно, всей душой и сердцем, рядом с несносным магом. Сама себе противна была, но ничего не могла поделать. Казалось, что между нами многое изменилось, и я хотела понять, что именно.

В палатке мы с Вортом расположились на низком топчане, он достал коробку с кучей темных склянок с привязанными к ним длинными бумажками, на которых были написаны названия. Я с интересом смотрела на эти чудодейственные настойки и порошки, уже познав на себе эффект средства для отращивания волос. Голова моя больше не была лысой, длинные локоны выросли сами по себе, по волшебству. Я трогала их и задумчиво перебирала пряди, поражаясь, как неэффективно используется магия. По мере того как Ворт помогал мне привести мой внешний вид и здоровье в порядок, рассказывала ему про наши злоключения с Тиром. Лекарь реагировал очень бурно и клял себя за бездействие.

— Ты же всё равно пошел за нами, спас нас, — успокаивала я его, уже хлебая странное сероватое варево, которым он меня угостил. Каша с растворенными в ней полосками сушеного мяса. Невкусно, но сытно. Аппетита после нахождения в черве не было, но и заботливого лекаря обижать не стоит.

Он с пристрастием наблюдал, чтобы я вдоволь наелась. А я, переодетая в сухое и чистое, умытая и сытая, улыбалась ему в ответ.

— Я не должен был спать, надо было сразу догадаться, что ты пойдешь в обитель магов.

— Как ты мог это сделать? Ты же не читаешь мысли, — удивилась я.

— Зато понимаю свою ответственность. Это я тебе внушил идею о том, что нужно разоблачить темных магов, — он понизил голос и опустив взор на свои крепко сжатые кулаки.

— Ты не виноват, — поспешила я успокоить его, — кому, как не мне, их разоблачать? Ворт, я хочу тебе признаться, — вдруг сказала я, ощущая острую потребность поделиться с другом самым важным.

— Признаться? — он непонимающе хлопал глазами, а я подседа поближе, опустилась на колени и взяла его за руки. Кажется, я никого раньше не держала за руки так часто, но в том-то и дело, что в этом жесте не было ничего плотского, чувственного, просто жест доверия, поддержки, благодарности, но по тому, как горячо посмотрел на меня лекарь, я поняла, что он неправильно истолковал мой порыв.

— И я хочу! Давно! — воскликнул он пылко и потянулся ко мне с поцелуем. Мягкие, полные губы коснулись моих — и я оторопела. Замерла. Не поняла, что случилось. Не успела среагировать.

Даже глаза не закрыла, как романтическая барышня. А только позволила лекарю двинуться дальше. О чем тут же пожалела, потому что он воспринял мое бездействие неправильно и двинулся дальше, облизывая меня языком.

Наверное, последнее, о чем тебе надо думать, когда тебя целует парень, так это о слизи жуткого, противного, смертоносного червя, о встрече с которым ты мечтаешь забыть, но именно об этом я и подумала, содрогнулась и хотела уже было оттолкнуть лекаря, как боковым зрением увидела — край палатки отодвинулся и внутрь вошел Тир, оторопело глядя на нас.

Тир недолго стоял на месте, тут же быстро шагая вперед и оглядывая нас злобным и, я бы даже сказала, разъяренным взглядом. Как будто муж застал жену с любовником. Да что такое творится? Он мне никто!

Вскочив на ноги, я виновато посмотрела на него, отряхнула подол, а потом перевела взгляд на Ворту. Он выглядел таким отстраненным, как будто всё еще пребывал в любовном дурмане, глаза покрылись пеленой, губы приоткрылись, и он, казалось, не понимал, что мы уже не одни. Хоть бери и щелкай перед лицом пальцами, чтобы очнулся.

— Нашли время! — голос Тира сочился пренебрежением. — Вы нужны мне оба. Отец прибыл, чтобы выслушать наш с тобой рассказ. — Он говорил и не смотрел на меня, только сжимал кулаки и пыхтел.

Страх охватил меня и проник в самую глубь. Страх перед предстоящим разговором с ректором. Поверит ли он нам? Что теперь будет? Неужели я спасла пустышек этого мира и изменила ход истории, как предрекал старый маг?

Но как себя собрать в кучу перед диким взглядом мага? У него в глазах загорелись огоньки, что означало боевую готовность. Он же нас испепелить может!

— Тир, ты иди, я тут...

— Я вас не оставлю! — выступил вперед лекарь, наверняка считая нас теперь парой. Как же всё запуталось! Ну я же просто не успела его оттолкнуть, изменить хоть что-то, объяснить влюбленному магу, что я не та, за кого себя выдаю.

Тиру не рассказала свой секрет из страха, Ворту просто не успела. От этого чувствовала себя предательницей и интриганкой.

— Иди, мне нужно тут... немного собраться... — мямлила я, не зная, как прогнать лекаря из его собственной палатки.

— Я приказываю тебе выйти! — Тир указал кивком на выход. — И перец прихвати! — глумился он, и я не выдержала.

— Пошли, Ворт, я здесь оставаться не буду!

Подхватила лекаря за руку и потянул из палаты.

— Пустышка, стой! — Тир приказывал уже мне.

— У меня есть имя! — воскликнула я, резко обернувшись.

— Да? И какое же? — издевался несносный маг, как будто забыл о нашем открытии.

— Я не помню, но я вспомню! — снова крикнула, окончательно запутавшись в своей лжи. Ну не могу я открыть имя человека с Земли, а взять себе первое попавшееся тоже не имею права. Пусть ректор решает эти вопросы. Я уже неспособна брать на себя ответственность.

— Не приставай к ней! — Ворт заступился за меня, прикрывая собой и отпихивая меня за спину, а у Тира в руках начал формироваться огненный шар. Не знаю, осознавал ли он это или делал машинально, кинул ли он нас в него, но в этот момент в палатку вошел ректор, с гневом смотря на сына.

— Тир! Ты вызвал меня для того, чтобы я ждал? Что случилось? Объяснись.

— Мы с пустышкой раскрыли правду о темных магах, — заявил Тир, подходя к отцу.

— Да? И что же это за правда, ради которой ты меня вызвал? Я уже не так молод, чтобы так часто проходить через порталы, — недовольно скривился ректор.

— Правда, которую они скрывали годами... — начал маг, а потом рассказал о нашей вылазке, пленных пустышках, темном маге, который якобы сначала не заметил нас, а потом напустил пожирающего червя, как мы спаслись и оказались здесь. Рассказал короткими фразами то, что происходило несколько часов и отняло у меня миллионы нервных клеток.

Ректор хмурился и мрачнел всё сильнее по мере рассказа. Он поджал губы, сложил руки перед собой на уровне живота и стал медленно раскачиваться.

— Ты уверен, сын? — наконец спросил, игнорируя наше с лекарем присутствие.

— В чем? В том, что я видел? Однозначно — да.

— Но, сын, ты мог сделать неверные выводы. Это могли быть иллюзии... Нельзя так слепо верить всему, что видишь.

— Я знаю, что я видел. Этому есть свидетель.

— Она? — ректор наконец обратил на меня свое внимание, подошел медленно, ступая так, словно у него в распоряжении всё время мира. — Ты подтверждаешь слова моего сына? Что ты видела? Расскажи, — потребовал не терпящим возражений тоном, и я подумала, что у нас с Тиром очная ставка.

Но сдаваться я не собиралась, пересказала то же самое, что и Тир. Сначала мой голос звучал сбивчиво, я ощущала подвох, но не могла отпустить.

— Теперь ты, — ректор кивнул притихшему Ворту. — Говорят, ты спас моего сына и пустышку из чрева пустынного червя.

— Да, я пошел за ними, а потом...

— Итак, — ректор неумолимо прервал рассказ, будто ему он надоел. — Вы говорите складно и вроде бы одно и то же. Но, сын, ты не думал, что эта пустышка не та, за кого себя выдает? У тебя возникло подозрение по поводу уважаемых темных магов, которые спасли наш мир от драконов? Ты хочешь поверить одной-единственной девушке и отречься от законов этого мира? Хочешь, чтобы я оскорбил магов подозрениями? Ты уверен, что она — не из вражеского стана? Не напустила на тебя морок? Вдруг она чародейка, лазутчица драконов, посмевающая проникнуть к нам через портал? Ты хочешь ослабить нас, пустышка? Лишить защиты, чтобы твои хозяева драконы так просто победили нас? Что ты задумала, гадкая девчонка?!

Я хотела защититься, открыла рот — но маг взмахнул рукой и запечатал мне рот. Я вскинула руки, трогая слипшиеся губы, щупала их в ужасе, силясь разомкнуть, но ничего не получалось. Ток крови в ушах заглушал звуки. Но маг снова взмахнул рукой и запечатали мне и уши! Я видела только, как все вокруг бойко говорят, спорят друг с другом. Но ничего не понимала. Лекарь кинулся ко мне, но отец Тира одним движением руки магически отшвырнул его, а потом и Тира, который попытался урезонить отца.

В палатку ворвались два рослых мужчины, они подошли ко мне и грубо подхватили под руки, потащили куда-то меня, согнувшуюся на слабых ногах. Просить о чем-то я не могла, ничего не понимала, слезы застилали глаза, а в ушах образовался вакуум. Протащив меня через весь лагерь, меня скинули в темную яму, куда я упала, ободрал колени и руки, когда уперлась в холодную твердь.

Вскинула взор и увидела сверху кусок звездного неба, а потом темную фигуру. По очертаниям узнала ректора, который снова махнул рукой, убирая мою глухоту. Шипящий голос достиг моего слуха.

— Что ты натворила, иномирянка? Вносить смуту и раздор в нашу устроенную жизнь? Или я прав и ты чародейка драконов? Я подпустил тебя слишком близко, не видя угрозу, но

ты... Как ты посмела?! Ты чуть не убила моего сына! Наврала ему про магов! Очернила их честное имя! А я же позволил тебе спокойно жить среди нас, даже зачислил в академию. Неблагодарная! Будешь сидеть здесь, пока мы воюем с драконами! Не знаю, кто ты такая, да мне уже и неважно. Умрешь с голоду в этой яме, и никто тебе не поможет. Мы немедленно выдвигаемся в бой!

Меня душили слезы обиды. Я пыталась изо всех сил изменить этот мир, но он настолько закаменел, что моих сил не хватит. Если только я начну дело, а кто-то продолжит, и лет через сто что-то изменится...

«К тому времени женщин почти не останется, и вымрете, как мамонты!» — гневно подумала я про себя. Но до того времени еще так далеко!

Что теперь будет со мной? Ректор постарается избавиться от меня. И от Ворта, потому что он поддерживает меня... Может быть, даже и от Тира... Конечно, он его сын, но ведь он не пожалел свою жену, хотя она в измене была совершенно не виновата! Побывав под влиянием магии, когда тело не принадлежит тебе, я хорошо понимала состояние той обманутой женщины. Сколько же темные маги погубили жизней, сломали судеб!

Сидеть в яме на земле было холодно. Пыталась согреть пальцы дыханием, но получалось плохо. Ног почти не чувствовала.

Вскоре силы мои закончились, и я стала впадать в сон.

Вдруг наверху раздалось тихое шуршание...

Я вздрогнула, ожидая увидеть еще какого-нибудь червя или змею, однако... увидела Ворта. Сонливость и отчаяние мигом растаяли.

— Ворт! Ты? — обрадовалась я другу.

— Тише! — шикнул он и исчез.

Чего задумал? Ведь задумал же! Я была уверена в этом. А когда сверху начала опускаться веревочная лестница, от радости едва не закричала.

— Я держу! Поднимайся! — шепнул Ворт. — Скорее, пока охранники спят!

Ноги мои затекли и не слушались, но я через боль ковыляла к спасительной лестнице.

Я старалась подниматься быстрее, но замерзшие пальцы тоже не слушались, как и конечности.

Ворт то и дело оглядывался по сторонам, однако, как он ни был осторожен, над ним возникла темная высокая фигура...

Я увидела ее прежде него и замерла.

— Давай скорее! Скорее! — Ворт протянул мне руку и так и замер, когда раздалось желчное шипение.

— Недоумок! Забыл про магический оповещатель?

— Ой, — выдохнул Ворт. И я поняла, что наш побег обречен.

— Чего застыла?! — высокая фигура зашипела на меня. — Ползи живее!

И я по тону узнала Тира.

— Тир! — обрадовалась так, что заговорила громче, чем следовало бы.

— Не ори, пустышка! — Он оттолкнул ногой лекаря, нагнулся и рывком сильных рук вытянул меня из ямы.

Взволнованная, я стояла перед двумя моими героями. Но Ворт пришел, чтобы спасти меня. А Тир?

— Чего встали? — маг скинул с себя темную длинную накидку с капюшоном и накинул теплую мне на плечи. Я закуталась в нее, но продолжала смотреть на него восхищенными глазами.

— Я тоже принес теплую одежду! — с ревностью прошептал Ворт.

— И план побега придумал, — поддел его ехидно маг. — И придумал, где пустышка спрячется?

— Придумал! — Ворт походил сейчас на разъяренного воробья, у которого соперник пытается отобрать добычу — то есть меня.

— Мальчики, тише, — мягко попросила я их и обеих взяла за руки. — Спасибо!

— Ты замерзла! — засуетился Ворт, накрыл своей ладонью мою красную от холода руку. Но я заметила, что Тир тоже накрыл мою ладонь своей, только без лишних слов и лишней суеты. Вот так скупое, скрытое и тоже с заботой, которую отчаянно скрывал.

Я подняла на мага глаза и улыбнулась. На него я бы еще долго не отрываясь смотрела, если бы Ворт не потянул меня в свою сторону.

— Тебе нужно поторопиться. Есть несколько часов, чтобы добраться до деревни, где живет моя сестра. Там...

— Там пустышку сразу и найдут, — хмыкнул Тир, перебивая лекаря.

— Не найдут! Она совсем не похожа на пустышку!

— Но официально она пустышка! — Тир вел себя дерзко. Но я уже знала немного его характер и была уверена: это потому что у него имелся свой план побега.

— Ворт, так ты можешь навредить родным, — мягко ответила я, не желая, чтобы эти двое ссорились.

Он и сам понимал это, притих, пока не ответил упрямо:

— Всё должно получиться!

— А если нет? — Тир напирал на него.

— У тебя есть другой план? — обратилась я к магу. Он кивнул и стал излагать. Кратко и четко.

— Спрячешься сначала на болотах у Зефрия. Там пересидишь. Он позаботится о тебе. Я буду искать способ свергнуть темных магов. И тогда ничто уже не сможет тебе навредить, и ты будешь свободна.

— На это может понадобиться много времени, — сказала я, подумав, что меня отстраняют от участия в революционном движении.

Но как иначе? Разве я могу что-то сделать? Пленение в черве показало, что я совершенно беспомощна и бесполезна. Кивнув, выразила свое согласие. И тогда Тир, явно обрадованный тем, что я не стала спорить, приложил ко рту два пальца и громко свистнул. На его зов откликнулся тот, когда я уже и не ждала здесь увидеть. Огромные черные крылья заслонили свет, и я увидела Мармеладика, который плавно и грациозно опустился на землю перед нами и, всхрапывая, бил копытом.

— Здравствуй, странница, — он поприветствовал меня тихо, не выдавая мой секрет, и в груди заняло: я сейчас просто улечу и расстанусь со своими друзьями? С Вортом, который так отчаянно и самозабвенно заботился обо мне. С Тиром... Который на самом деле стал чем-то большим, чем друг...

Мы переглянулись. Оба парня смотрели на меня, а я не знала, что же им говорить на прощание. Насколько мы расстаемся, никто не знал и не мог нам подсказать.

Скованная стеснением, я уселась на гладкую широкую спину пегаса и вцепилась в его густую гриву. Поводьев не было, и я немного опасалась будущего потела. Вспомнила, что с Тиром он показался мне более безопасным. Его присутствие рядом внушало ощущение защищенности. Теперь я сама по себе.

И снова забили крылья, волшебный конь поднялся вверх, и вскоре двое парней

оказались двумя маленькими точками под нами. Мы летели над лагерем, Мармелад убыстрялся, оставляя позади пустошь. Но спустя некоторое он будто стал поворачивать назад. Я сначала подумала, что мне кажется: не мог же он повернуть обратно. Зачем?

Мармелад завис в воздухе, и, чтобы не свалиться, я сжала его крутые бока ногами, стиснув их покрепче.

— Что такое? — поинтересовалась у него тихим голосом, не осмеливаясь вмешиваться в ход его мыслей. Вдруг он заплутал и сейчас обдумывает дальнейший путь. Я же не знаю, где у летающих коней в головах карты. Это у нас на Земле навигаторы и прочее, а здесь всё по старинке.

— У меня есть для тебя послание от нашего общего друга, странница, — заговорил наконец конь. — Там в седельной сумке посмотри.

Я оглянулась по сторонам, завела руку за спину, пощупала коня по крупу. Сумки не было, ведь и седла не было! Я сидела на голой шкуре коня, а он фыркал от возмущения.

— На шее, на шее посмотри, — досадливо сказал, и я разворошила его гриву, действительно обнаружив там ремешок, которым была обернута шея животного. Заметила и маленький кармашек, а в нем — бумажку. Прочитала послание и нахмурилась.

«Предназначение твое как раз в том, чтобы примирить враждующие стороны. Порой не битва может решить исход войны, а именно переговоры», — гласила записка. Никаких приветствий, никаких подписей. Ясно одно — у меня какое-то предназначение. Переговоры, значит?

— И с кем мне переговариваться? — спросила я у коня, который, конечно же, знал, что в той записке. Повернулся так резко, что я едва удержалась, и громко сообщил мне:

— С драконами, конечно же!

— Но как?! — я не просто заволновалась, а запаниковала. Одно дело — догадываться, что надо примирить стороны, а другое — мчаться в самое пекло, на выжженную землю, где человеку невозможно выжить!

— Верь в себя, — отозвался Мармеладик, заходя на резкий вираж. Я крепче схватилась руками за его шею и закричала что есть силы. Угробит он меня, и никаких переговоров не будет.

— Побереги голос, он тебе понадобится, чтобы тебя услышали драконы! — смеясь, предупредил мой крылатый друг. — Говорить придется много, но ты сможешь!

— А если не смогу, — снова засомневалась я.

— Тогда весь мир станет таким...

Мармелад кивнул на кратер, похожий на тот, что у вулканов.

— Ой, — вдохнула я, рассматривая кипящую лаву, омывающую почерневший берег. Здесь уже не было земли, лишь камни, черные глыбы и такие же безжизненные горы. Даже небо было серо-темным, с тяжелыми тучами, с которых вместо живительного дождя падал пепел.

Мы долго летели, и всюду была мертвая земля.

— А где драконы? — обратилась я к другу, судорожно прикидывая в уме, сколько еще у меня осталось времени до встречи. Надо бы мне срочно составлять миротворческую речь, подбирать доводы, чтобы убедить драконов прийти к миру, но чем дальше мы летели, тем тоскливее мне становилось.

Я осознала, какая ответственность лежит на моих плечах. От меня зависит мир между расами: сильными, смелыми, упрямыми, ведущими борьбу за истребление друг друга. Я догадывалась, кто в этом виноват. Темные маги. Это всё они!

И в груди темным чувством, давящим, горящим, разлилась ярость на хитрых, изворотливых магов. Нет, я сделаю всё, что смогу, и даже больше, чтобы на многострадальных землях восстановился мир...

— Милая, а можно нежнее? — потянул шею Мармелад. — Иначе до драконов я доберусь не только оглохшим на одно ухо, но и плешивым в некоторых местах. А я еще молод и в поисках прелестной пегаски.

— Прости, малыш, — разжала я пальцы и погладила шелковую гриву. Сама не заметила, как в волнении сильнее сжала кулаки. — Я переживаю, что не смогу подобрать нужных слов, не смогу объяснить драконам то, что происходит.

— Зачем объяснять? Расскажи, что ты видела своими глазами. Они всё поймут.

— Думаешь?

— Они самая древняя раса, — Мармелад покосил на меня красивым глазом, подмигнул и быстрее заработал могучими и прекрасными белоснежными крыльями.

В расщелине, затерявшейся между двумя высокими горными пиками, я заметила желтые огни. Туда же держал курс и мой друг.

— Почти прилетели, — обрадовал он меня.

— О, нет! — вздохнула я и приготовилась к самому тяжелому разговору в своей жизни.

Пристанище драконов — черный огромный замок с прилегающим к нему городом. Белоснежный пегас на темном небе — яркое пятно. Нас заметили еще издалека, и на

каменном плаце стали собираться человеческие фигурки.

— А если они будут бросаться по нам магией?

— Не будут. Пегасы им ничего дурного не сделали. Поэтому тебя сопровождаю я.

— Мармеладик, мне страшно!

— Я с тобой! — крикнул он и начал приземляться.

Когда мы подлетели к стенам замка, я рассмотрела, что перед нами целая крепость!

А когда со стен стаей сорвались огромные темные фигуры, я запищала от ужаса —

Мармеладик поспешил успокоить:

— Смотри, нас будет сопровождать эскорт горгулий.

— Может, они голодные и летят, чтобы пообедать нами?!

— Малышка! Они едят лаву и камни, а не таких маленьких девочек, как ты. Да и нас им еще надо поймать, — друг подмигнул, и мне стало спокойнее.

Эх. Вот бы мне выдержку и оптимизм, как у него.

Горгульи взяли нас в кольцо, не причинив вреда, однако от их красных, злых глаз, скользивших по нам, кожистых когтистых крыльев мне стало очень некомфортно. А вот Мармелад широко улыбнулся и, напевая под нос незатейливую мелодию, стал опускаться на плац.

На нас тыкали пальцами. Нам что-то кричали. А я от страха и волнения только и слышала грохот своего сердца, пока чьи-то крепкие руки не подхватили меня и не спустили со спины пегаса.

— Попалась! — раздался задорный смех, который поддержали в толпе, окружавшей нас.

Я огляделась и поняла, что вижу только мужчин. Сильных, высоких, красивых, но мужчин, смотревших на меня пристально, жадно и... очень недовольно.

Я боялась, что не смогу долго удерживать внимание. Боялась, что, пока дойду до самой важной части своей речи, мне прикажут молчать, поэтому решила сразу переходить к сути дела. Закрыла глаза и произнесла:

— Здравствуйте. Я пришла рассказать вам правду о темных магах. По дороге, в Мертвых Землях, я сбежала от отряда и увидела, как маги привозят женщин и девушек в свое логово...

Мне было сложно начинать рассказ. Из-за волнения, сомнений в своих силах, недовольного перешептывания, что доносился до меня из толпы.

Драконы, казалось, подвергали сомнению каждое мое слово. Я ведь девушка, чужачка. Но постепенно мне удалось ухватить нить рассказа, и я начала пересказывать всё то, что видела собственными глазами. Не было нужды напрягать память, мучительно вспоминать подробности. То, что я видела — не забудешь, не сотрешь. Стоит закрыть глаза — ужас ожил, опаяя горечью каждую клеточку моей памяти.

Скольким несчастным девушкам и женщинам можно еще помочь? Не знаю, но, если возможно спасти хоть одну, я должна попытаться!

— Черные маги стравливают вас, чтобы вы уничтожили друг друга. А когда вы и люди ослабнете, они придут за вами и сделают вас такими же бесправными, как тех девушек! Будут управлять всем вашим миром, когда вы друг друга перебьете.

Гул поднялся на плацу, насмешки, возмущения.

— Да кто ты такая, чтобы угрожать драконам? Обвиняешь нас в слабости? Тебя подослали людишки, чтобы избежать поражения? Они что, такие трусы, чтобы подсылать хлипких девчонок? Да я об тебя даже зуб не сломаю, перекушу пополам, слопаю так, ни одной косточки не останется!

Я не верила ушам. Только главный дракон продолжал молчать, как и его люди. Но он не пойдет против своих драконов. Или пойдет?

— Не нужно меня пугать! Я слишком многое прошла и не сдамся! Я хочу, чтобы эта глупая война остановилась, чтобы вы переговорили с представителем людей, объединились и побороли общего врага! — с жаром произнесла я, хорошо понимая, что говорю дерзость, но, как иначе достучаться до этих упрямых мужчин-драконов, слишком самоуверенных в своих силах, я не знала.

— Какая наглость! — лица драконов, окружавших меня, стали возмущенными, суровыми. — Ей нельзя верить! Она пустышка, подосланная врагами, чтобы остановить нас. Нас — победителей!

Темноволосый дракон сомкнул губы, и я почувствовала, что проиграла.

— Ихтарионион, уведи ее! — приказал он хриплым голосом.

Предводитель драконов хорошо владел собой, но я почти физически ощущала его ярость. Неужели на меня, за сказанную правду?

В душе взметнулось желание попытаться снова достучаться до драконов, но верзила подхватил меня как куклу, перекинул через плечо и куда-то понес. Он шел быстро, широко шагая. Вот-вот унесет меня с плаца.

В последней попытке я успела лишь выкрикнуть:

— Люди тоже считают, что побеждают, они не сдадутся! Вы просто уничтожите друг друга. Истинную победу будут праздновать лишь черные маги!

— Замолчи! — рявкнул Ихтарионион. — Ты ведешь себя недостойно, женщина.

— То есть мы должны покорно умирать, чтобы нам не было стыдно? Из-за правил, которые ввели вот такие чурбаны, как вы?

Чтобы заставить меня замолчать, великан хлопнул меня по бедру. В отместку я попыталась лягаться. Вряд ли нанесла ему ощутимый вред, но из себя точно вывела.

— Ты не заслуживаешь доброго отношения — прорычал он и круто сменил направление.

Не успела я испугаться его угроз, оказалась в темном помещении, а потом и за решеткой.

— Посиди и подумай. Дерзкий язык не красит женщин, — проворчал верзила.

— Тупоголовость тоже не красит мужчин! — не удержалась я. Подступали слезы. Я едва удерживала их, чтобы не разрыдаться.

Не то чтобы я была неженкой или боялась темноты. Я всей душой желала мира на этой земле, сделала всё что могла и даже больше, а спесивые драконы... Ух!

Когда шаги дракона стихли и я осталась одна, могла уже не скрывать свои слезы.

Вдоволь наплакавшись, я обессилела, обняла себя руками и свернулась калачиком на скамье, покрытой старой соломой. Так и уснула, а когда проснулась, ощутила чье-то присутствие.

Вскочила, огляделась и увидела, что через решетку на меня смотрит дракон. Он сложил руки на груди и внимательно изучал меня.

— Пришли поучать, что я должна была молчать? — я поднялась и подошла к решетке. — Не буду. Не время молчать! Понимаете?

Дракон не произнес ни звука, продолжая стоять и испепелять меня своими желтыми глазищами, в которых перетекало туда-сюда расплавленное золото.

Я вцепилась пальцами в решетку, попыталась потрясти ее, но она была настолько мощная, крепкая, что ничего не вышло.

— Какие же вы, мужчины, самонадеянные! — тяжело вздохнула я.

— Допустим, — неожиданно отозвался дракон, немного изогнув губы в полуулыбке. — Но тебя, пустышку, гостью с чужой земли, выслушали. Чего еще ты ждала? Мы и так были снисходительны. Скажи спасибо, что сразу не сожгли и не сожрали.

— В том-то и дело! Снисходительны! Пф, — закатила я глаза из-за очередной угрозы сожрать меня. — Вы позволили мне рассказать, но услышали ли меня?

— Мы не страдаем тугоухостью.

— Зато страдаете от завышенного самомнения и самоуверенности!

— Ты ничего не знаешь о нас.

— Возможно! Но у меня не было возможности узнать о вас или других народах больше. А вы не желаете слышать, что разрушает ваше мировоззрение.

— Это говорит дракону необразованная человечка, ставшая пустышкой?

У меня захохотало сердце.

— Так вы знаете, что пустышек делают из людей?

— Теперь да. Тебе стало легче? — он внимательно следил за каждым моим движением, за моей реакцией.

— Легче, что я сделала всё что смогла, чтобы меня услышали. Но будет ли результат?

— Хочешь остановить войну?

— Хочу! Хочу мира! Хочу, чтобы девушек перестали воровать и насильно превращать в

бездрушных кукол, помогающих убивать врагов, которые не враги!

Глаза дракона, что стоял напротив, сверкнули, и я ощутила опустошение и усталость. Задрожали ноги, веки стали тяжелыми.

— С той стороны девушек настолько мало, что с пустышками возникли проблемы. А меня, единственную уцелевшую, сделали телохранительницей боевого мага.

— Я знаю, — сказал он, чем меня удивил.

— Знаете?

— Ты пахнешь им. Как его зовут?

— Тир... — произнесла я, увидев, как вспыхнули глаза дракона.

— Тир, сын ректора академии?!

— Да. Не знаю, что он и его отец вам сделал, но Тир добрый, — поспешила я защитить своего друга, не понимая, откуда дракон его знает и чем он ему так насолил. Или сам ректор? Хотя о чем я, ведь ректор борется против драконов!

— Он был добрым, когда выставлял тебя вперед, чтобы закрыться от пламени? Он был добрым, когда видел тебя обожженной? — с холодной улыбкой перечислял дракон, в то время как я едва стояла на ногах.

— Тогда он был таким же, как вы, не лучше и не хуже. Не знал правду о пустышках. А потом... потом он стал другим. Но это не важно. Я не защищаю его. Я рассказываю, чтобы вы знали правду.

— Что еще ты хочешь сказать? — с холодной любезностью уточнил дракон.

— Я хочу мира, — я широко зевнула, не в силах справиться с сонливостью. А потом начала съезжать на пол. — Для всех нас. Чтобы вы не жили среди пепла... Чтобы там...

Еще раз зевнула, и перед глазами померк скудный свет, падавший от факела.

Проснулась я в полной темноте. Рядом никого. Даже не сразу поняла, где нахожусь и что со мной. И только после память подсунула мне мое неприглядное настоящее. Казалось, еще недавно я была обычной девушкой Сашей, которую мать не могла пристроить в мужские руки, а сейчас я — драконья пленница.

Всё это время мой мозг был будто затуманен. Я совершенно не вспоминала о прошлой жизни, была полностью сосредоточена на том, что происходило вокруг меня. Заговоры, интриги, война, бойня.

Однако всё, чего я хотела — это вернуться домой. Но, судя по тому, что за послание мне передал Зефрий, мое предназначение — это остановить бессмысленную, беспощадную и непонятную войну между людьми и драконами. И что-то подсказывало мне, что во всем этом замешаны именно темные маги.

— Ау! Есть здесь кто? — подала я голос, чувствуя, как холод пробирается под одежду, отчего мои конечности стали замерзать. — Эй! Ау! Ау!

— Чего разоралась? — вдруг раздался откуда-то ворчливый женский голос. — Нет здесь никого, не мешай мне спать, и без того еле уснула.

Я оглянулась по сторонам и увидела, что под замком оказалась не одна я. Мое зрение вдруг стало более острым, я стала способна видеть в темноте. Видимо, энергия этого мира меня поменяла, либо бывшая владелица этого тела была одаренной особой. В любом случае сейчас мне всё это было на руку.

Там, в углу на скамейке у дальней стены полулежала девица. Черноволосая, ясноокая, красивая, вся такая из себя статная. Под ее взглядом я ощутила себя замарашкой. И хоть я знала, что мое нынешнее тело довольно красиво, но всё равно захотела потрогать себя, а еще лучше — посмотреть в зеркало. Вдруг пятно какое на щеке есть, иначе чего это она на меня так брезгливо смотрит.

— Вы кто? — спросила я, когда она замолчала, изучая меня с головы до ног.

— Я кто? — девица вздернула подбородок и презрительно скривилась. — Я Алиана Лакрица! Неужели не узнаешь меня, пустышка?

Несмотря на недовольство незнакомки и ее нарциссизм, я даже глаза не стала закатывать. Мне к надменным магам в этом мире не привыкать. Один Тир чего стоил. Интересно, как они там с Вортом? Не заподозрили ли их в предательстве отечества? Они ведь освободили из плена ту, которую приговорили к смерти. Я ведь прекрасно помню содержимое послания. Как только я стала негодна ректору, он тут же стал придерживаться правил и приказов. Как удобно.

— Алиана Лакрица? Мокрица? — сказала я вслух и, наконец, поняла, откуда мне знакомо это имя. — Невеста Тира?

— Тира?! — взъерилась она и вскочила с места. — Для кого Тир, а для кого господин Тир, пустышка!

— Я не пустышка, — возмутилась уже я и выпрямилась, когда она подошла ко мне ближе, будто пыталась надо мной доминировать.

— Ну-ну, — прищурилась она, а затем раздула ноздри, пытаясь уловить мой аромат. — Странная ты. Не нравишься мне.

— Чувство взаимное, поверь, — фыркнула я, а сама злилась. Ну это точно не ревность.

Не могу же я ревновать ее к Тиру? Знаю-то его всего ничего. Кто я ему и кто он мне. Ты с самого начала знала, что у него есть невеста Алиана Мокрица. То есть Лакрица. И вот она, его идеальная пара, которая станет его законной женой.

Хм. Странно. Откуда она знает про пустышек? Разве сначала не похитили женщин, а уже потом стали создавать пустышек?

— А тебя когда драконы похитили? — заподозрила я неладное, во всем сейчас видя подвох.

— А тебе какая разница?

Девушка не шла на контакт, ушла к себе в угол и насупилась, глядя на меня исподлобья. Но, видимо, ей сильно хотелось узнать, что же сейчас происходит снаружи, так как вскоре она под села немного поближе.

— Как там Тир?

— Кто? — включила я дурочку, ощущая, как от ее интереса у меня жжет в груди.

— Тир! Сын ректора, идиотка! — вспыхнула она, не смогла сдержать своего раздражения.

— Пф, — закатила я глаза и демонстративно отвернулась.

Конечно, я могла бы с ней поругаться или поставить на место, чтобы не смела разговаривать со мной в таком тоне, но я знала. Наилучший ход в данной ситуации — игнор. Она сама пожалеет о сказанном. Так и вышло.

— Ладно, я погорячилась. Просто разве можно не знать Тира? Он ведь такой... такой... ух.

— Красавчик? — обернулась я заинтересованно, наблюдая за ее реакцией.

— Да, — с подозрением прищурилась она и посмотрела на мое лицо, словно выискивая, не претендую ли я на него.

— И что с ним? Живет себе, тренируется, готовится к битве, — насмешливо ответила я и заметила, что на лице Алианы промелькнуло недовольство. И страх. Руки ее задрожали, но затем она довольно быстро взяла себя в руки.

— Понятно.

Она еще долго допытывала меня, желая разузнать, что происходит в академии, а вот я отделялась односложными ответами. Уж больно подозрительно она себя вела и слишком много знала. Неужели она может быть замешана в заговоре? Да или нет? Вопрос.

— Как давно ты тут, Алиана? Нас будут хотя бы кормить? — спросила я спустя час, ощущая, как сводит голодом живот.

— Кормить? — будто бы удивилась она.

— Ну да. Не святым же духом ты тут питаешься.

— Эм.

Она подозрительно растерялась и посмотрела куда-то вбок, словно там кто-то находился. Я проследила за ее взглядом, но ничего там не увидела. Только голые темные стены.

— Так что?

— Ну. Меня незадолго до тебя кинули сюда. Я и сама в недоумении, будет ли пища.

Она при этом сморщилась, словно не понимала, как здесь можно что-то есть. Уж больно брезгливо оглянулась по сторонам. Не привыкла эта госпожа к подобным условиям. Впрочем, и я тоже.

— Ты мне лучше скажи, эм, пустышка, — замялась она, видимо почувствовав, что я не

пустышка, а вот имени я еще никому тут не называла, мало ли, сразу заподозрят во мне иномирянку.

— Что сказать?

— Что Тир и остальные будут делать? Каков их план? Драконы ведь сильные и мудрые, их просто так не одолеть.

Мне показалось или в ее голосе я услышала восхищение драконами? Как бы она его ни прятала, я была довольно проницательна и слишком подозрительна, чтобы этого не заметить.

— Я ж откуда знаю? Меня в них не посвящали.

— Но ты была с ними в академии. Тебя же зачислили туда как студентку, значит, ты должна знать, как они планируют нас освободить.

Вот тут-то она и попалась.

— Откуда ты знаешь, что меня зачислили туда? И вообще, откуда знаешь, что я пустышка?

— Ты сама...

— Не ври! Я тебе ничего не говорила, — прошипела я, раздраженная, что она принимала меня за полную дурочку.

Алиана Лакрица замолчала, поняла уже, что я не поддамся на ее обман и не раскрою планы магов.

— За кого ты, Алиана? За Тира и своих людей или за драконов?

Не то чтобы мне это было так уж важно, но было обидно за Тира и остальных парней. Вру, остальные меня раздражали. За Тира и Ворта, да. И за Зефрия... И за Мармеладика, к которому я успела прикипеть.

— За кого ты меня принимаешь, пустышка? Конечно же, за своих!

— А кто они, свои для тебя, м? — поймала я ее на слове, ведь она ответила непонятно.

Алиана Лакрица замолчала, будто растерялась от моего уточняющего вопроса, а вот я торжествующе внутренне улыбнулась. Так и знала, что дело тут нечисто.

— Так что?

Вместо ответа она прищурилась и решила, что лучшая защита — это нападение.

— Да как ты, пустышка, смеешь обращаться ко мне на ты?! Я, между прочим, леди, к тому же, студентка академии. А ты — всего лишь пустышка!

— Но-но-но, попрошу! Указом министерства пустышки были приравнены к правам магов, так что я официально студентка академии. Ты сама про это сказала, так что отрицать уже не сможешь.

Я полностью проигнорировала ее желание общаться на вы. Раз она смеет говорить со мной так панибратски, то и я не собираюсь смотреть на нее снизу вверх.

— Что за чушь ты несешь? — фыркнула Алиана и положила ногу на ногу, даже руки на груди скрестила, дабы отгородиться от меня. — Мой отец не мог издать такого нелепого приказа.

— Отец? — мои брови удивленно улетели вверх.

— Что? Дрожишь, пустышка? Боишься, что за дерзкий язык тебе его отрежут?

Я ничего не ответила, но находилась в шоке. Я, конечно, знала, что у такого парня, как Тир, наверняка и невеста соответствующая, но не думала, что она такая странная.

— Да уж. Вы с Тиром явно два сапога пара, — буркнула я тихо, но она услышала.

— Мы с ним — будущие супруги, само собой, мы подходим друг другу.

— Вот уж в чем не сомневалась.

Воцарилась недолгая тишина. Меня снова начало клонить в сон. Вот только сейчас это желание было естественной потребностью организма, в отличие от прошлого раза. Кажется, меня намеренно усыпили, и я даже начала понимать, почему. Неужели драконы всё знают и просто хотят господства над миром? Ответа на вопрос у меня не было. Слова господина Зефрия про то, что я должна принести мир, начали казаться мне уже бредом. Вот только иных вариантов у меня не было. Только он может знать, как мне вернуться домой. А вдруг, если я предотвращу войну, то автоматически вернусь домой, в свое родное тело?

На душе вдруг заскребли кошки. Мысли о Тире и Мармеладике, а также Ворте, который поддерживал меня во всем, одолели мое сознание, и на сердце поселилась грусть. Вскоре они станут лишь моими воспоминаниями.

— Так и что? Что там снаружи-то? Хватит молчать! Ты хотя бы представляешь, как плохо мне было все эти дни в заточении? Знать, что где-то там война, мой бедный Тир в любой момент может умереть.

Алиана даже всплакнула, но меня не прошибло чувством жалости. Я ей не верила ни на грош.

— А за отца не беспокоишься?

Этот вопрос меня особо интересовал. Странно ведь, не правда ли?

— Конечно, беспокоюсь, но мой отец — опытный воин, тем более, он не участвует непосредственно в битвах, он высокопоставленный чиновник!

— Он темный маг? — сделала я предположение. И не ошиблась.

— Один из самых великих!

Эта дурочка даже вздернула подбородок, будто этим можно было гордиться.

— Именно он придумал, как делать пустышек!

— Ага, а мой отец — король этого мира, — с усмешкой сказала я, дерзко глядя ей в лицо. Я уже поняла, что главная ее слабость — это гордыня, и на этом стоило сыграть.

— Да ты! Да ты просто завидуешь!

— Чему? Что твой отец — какой-то старикан из министерства? Тоже мне, достижение.

— Мой отец — Казинак эль Рахат! — истерически закричала Алиана, а затем захлопнула ладонью рот. Опомнилась, надо же.

Я опустила глаза, чтобы она не увидела жгучей ненависти в моих глазах. Совершенно не удивилась, что именно он — ее отец, но не желала выдавать все карты сразу.

— А кто это? Я его не знаю, — нагло заявила я и цокнула. — Так что не удивила. Я уж думала, что твой отец — великий маг Зефрий, а так... Ничего особенного.

Моя игра сработала. Алиана с облегчением выдохнула, а я, глядя на ее реакцию, окончательно убедилась, что она в курсе о злодеяниях своего отца. Особенно о его планах. Никакая она тут не пленница. Либо драконы заодно с черными магами, коим являлся этот Казинак, либо кто-то из драконов — предатель собственной расы. И мне нужно выяснить правду во что бы то ни стало!

Прошло, казалось, еще несколько часов. Алиана всеми правдами и неправдами пыталась выведать у меня ту или иную информацию, но я притворялась глупышкой. Впрочем, она ничего не заподозрила, так как считала меня пустышкой.

— Странная ты, пустышка, — фыркнула она, когда устала меня терроризировать. — Совсем бестолковая. И с чего тебя послали на разведку к драконам? У них вообще там всё плохо с армией? Хотя да, тебя не жалко, если поймают. Хотя о чем это я. Тебя ведь и так поймали.

— Что?

Я была в шоке от тона, которым она со мной разговаривала. Если до этого она притворялась, то сейчас перестала. Ее голос отдавал лютым холодом и равнодушием. Она относилась ко мне как к мусору либо же источнику достижения цели.

— Хватит притворяться, пустышка. Признавайся, зачем пришла к драконам? Как ты вообще сумела сюда попасть? На драконий утес можно попасть лишь верхом на летающем звере либо же с помощью воздушной магии. У тебя нет ни того, ни другого. Ни один дракон не согласился бы везти девицу, лишённую души. Они, знаешь ли, привередливы и смотрят вглубь. Кого попало не похищают.

— Намекаешь, что ты понравилась дракону?

— А ты мастер увливать от ответов. Но ладно. С глупостями покончено! Дорогой!

В этот момент из темноты коридора по ту стороны решетки появилось лицо дракона. Главаря этой расы.

— Вы?

Не знаю, от чего я была в шоке, когда он открыл клетку. Что в его объятия сразу побежала Алиана, или что его лицо стало вдруг нежным при виде нее. Да они любовники! Что вообще происходит?

— Так вы заодно с темными магами? — в шоке выдохнула я, а затем увидела, каким недовольством блеснули сузившиеся глаза дракона.

— Она слишком умна, любимый, от нее нужно избавиться, мы же не хотим, чтобы она всё испортила?

Капризный голос Алианы раздражал, но я ничего не могла поделать. Я даже сбежать никуда не могла, поэтому стояла как вкопанная около стены и взирала на эту ужасную парочку.

— Удалось что-то выяснить, любовь моя? — спросил он у нее и поцеловал в висок.

— Нет. Она ничего не знает о планах армии магов.

— Может, врет?

— Нет. Пыталась увливать, но ты же знаешь, я умею распознавать ложь. Она не слишком значимая персона, чтобы с ней делились планами.

— А жаль. Было бы хорошо знать планы вражеской армии, но в целом это не имеет значения, мы их сокрушим так или иначе.

— Ты смог убедить советников, что проблема пустышек неважна?

— Да. Было сложно, но я сумел убедить их, что в этом не замешаны черные маги и твой отец. Всё это сделали сами боевые маги академии, чтобы гнусно очернить твоих родственников, любимая. Все знают, как много черные маги сделали для нашей расы,

сообщив, почему мы не можем занять свои исконные территории. Боевые маги — те, кто должны исчезнуть с лица земли.

Поскольку они разговаривали и не скрывали от меня свои планы, я поняла, что в живых они меня оставлять не планировали. От ужаса у меня похолодели конечности, и я даже потеряла дар речи, хотя сейчас было бы самое время умолять меня не убивать.

— Зачем вы похищаете девушек? — задала вопрос, который единственный остался без ответа.

— Зачем? Мы, драконы, любим девиц, — улыбнулся он и сверкнул глазами.

— Ари, мне начинать ревновать? — заворчала и надула губы Алиана.

— Ни в коем случае, любовь моя, я всего лишь отвечаю на вопрос.

— Не стоит. Зачем с ней церемониться, ты же всё равно ее убьешь. Может, закончим это дело?

— Как скажешь, дорогая.

Я вся сжалась в комок, когда дракон повернул голову в мою сторону, а его шея вдруг начала разгораться, словно там внутри зародился жаровой шар. А затем он открыл рот, и в мою сторону дыхнуло пламя.

— Она же пустышка! Она...

По идее, будь я настоящей пустышкой, меня бы обожгло огнем, но Тир был прав. Я поглотитель, и шквал огня, направленный в меня, моментально впитался в мое тело, не причинив ни капли боли.

— Что происходит, Ари? — в шоке произнесла Алиана и юрко спряталась за его спину.

Дракон же прищурился и оскалился, после чего вдруг понимающе усмехнулся.

— Никакая она не пустышка, Алиана, она поглотитель. Редкий маг.

— Что это значит?

— Это значит, что магией ее убить невозможно.

— Так убей ее голыми руками!

— Нет. Она редкий маг. С ее помощью мы сокрушим боевых магов.

— О чем ты говоришь, Ари? Она мне не нравится! Убей ее!

— Замолкни, Алиана. Или забыла свое место? — грубо прорычал он ей и оскалился, издавая странные звуки, от которых Алиана сморщилась и зажмурилась.

Угроза со стороны дракона прозвучала весомо, он не шутил. Алиана заскулила и отошла к решетке, упираясь в прутья спиной. Она вся дрожала, но я быстро переместила фокус своего внимания на дракона. Он смотрел на меня изучающим взглядом и будто просчитывал мои возможности, которые он сможет использовать на войне.

Меня же обдало сначала холодом, потом жаром, но не от страха. Это было последствием огненной магии, которую дракон накачал в меня своим драконьим огнем. Это пламя отличалось от того, что было во мне от нападения Тира. Будто было более живым и самостоятельным, настоящим. И сила во мне бурлила, желая найти выход, так что я не стала сдерживаться. Заулыбалась и выставила вперед руки.

— Что она делает? — в страхе прошептала Алиана, а вот дракон знал.

— Хочет напасть на нас. Сразу видно, молодая, глупая и необученная. Не знает, что драконий огонь не способен причинить вред дракону.

— Но я ведь не дракон!

Паника в голосе Алианы была мне понятна, но я уже не успевала прекратить треск разрядов молний вокруг своих рук. И когда огонь наконец из меня вырвался, я зажмурилась,

боясь увидеть, что произошло.

Ари, дракон, полного имени которого я не знала, стоял передо мной невредимым. Даже его одежда не была подпалена. А вот выглядывающая из-за его спины Алиана красовалась подпаленными волосами, вставшими от молний дыбом.

— Вот эта да, — выдохнула я, непривычная к такому мощному всплеску магии.

Для меня всё это было и без того в новинку. Шутка ли, в прошлом я была всего лишь обычной землянкой, а сейчас — почти маг. И пусть своей магии во мне ни на грош, зато и другие не могут отныне причинить мне вреда. Я поглощаю их магию и могу использовать против своих врагов. Судя по заинтересованному и алчному взгляду дракону, не одной мне пришла в голову эта идея.

— Почему драконий огонь не причинил мне вреда? — задала я интересующий меня вопрос, чтобы потянуть время. Поначалу и правда была боль, но уже не такая острая, как в академии.

— Ты поглотитель, — пожал плечами дракон.

— Но огонь Тира заставил меня облысеть.

— Видимо, твоя магия поглотителя только начала развиваться, со временем не будет никаких проблем. Странно, что только сейчас. Насколько нам известно, магия людей развивается в детском возрасте. Впрочем, ты ведь бывшая пустышка. Кто знает, может, благодаря этому у тебя развился этот дар.

— Но как...

— Хватит разговоров! Не рыпайся, пустышка, — холодно оскалился он и двинулся на меня. Его огромные ручищи раскинулись по бокам с целью меня схватить, и деваться мне в этой клеточке было некуда. Вот уж правильно говорится, из огня да в полымя. В моем случае — в прямом смысле.

— Не трогайте меня! Отпустите! — верещала я изо всех сил, пока он тащил меня на своем плече вниз головой прочь от клетки.

— Не церемонься с ней, Ари. И нечего лапать ее! — бесилась Алиана, которой мое пленение было также не по душе. Она дико ревновала своего дракона и не пыталась этого скрыть.

Не знаю, как долго мы шли, но вскоре он вошел внутрь какой-то комнаты, опустил меня на пол и закрыл дверь. Лицо Алианы выражало негодование, и она ударила кулаком дракона в грудь.

— Она тебе понравилась? На нее меня променять теперь хочешь? Использовал и нашел игрушку получше? И что ты в ней нашел? Она же уродина! Еще и пустышка! У нее нет души.

Дракон зарычал, а его зрачки вытянулись. Не по душе ему была реакция и действия Алианы. Она переходила границы, но не понимала этого. Дракон, несмотря на ярко читаемое в глазах желание убить ее, прикрыл глаза и пару раз вздохнул.

— Я уже который месяц терплю твой вздор, так что прекрати нести глупости и принеси ей поесть. Она не в моем вкусе, не беспокойся, красавица. Я же сказал, что мы с тобой поженимся, как только одержим победу в этой войне, а я свое слово держу. Ты же доверяешь мне, Алиана? Не ставишь под сомнение мое слово, которое я дал твоему отцу?

Он прищурился, глядя на нее предостерегающим взглядом, и Алиана громко сглотнула, после чего засеменила к выходу — выполнять его поручение.

Мы с драконом остались одни. С его лица исчезла маска, которую он носил при ней.

— Ты ведь не женишься на ней, верно? — спросила я его, уже догадавшись, что он водит Алиану за нос.

Он промолчал, лишь продолжил осматривать меня с каким-то исследовательским интересом. Брр. Он напоминал мне маньяка.

— Людишки драконам не пара, — ответил он наконец спустя пару минут. Они показались мне вечностью, ведь я осталась наедине с тем, у кого, казалось, не было никаких чувств. Бездушная машина для убийств.

— Тогда зачем вы похищаете людских женщин? Насилуете их? — выпалила я, но не сумела скрыть страх в голосе.

Дракон рассмеялся, и его смех казался мне скрежетом металла о металл — неприятный донельзя звук. Я скривилась, но продолжала смотреть на него. Боялась отвести взгляд. Вдруг он нападет или попытается сделать со мной нечто плохое. От такого, как он, можно ожидать всё что угодно.

— Ваши сомнительные прелести драконам ни к чему. У нас есть свои драконицы. Вы им не чета. Они наши королевы, — усмехнулся он, заставив меня заскрежетать зубами.

Мне уже осточертели оскорбления, которые в этом мире сыпались на меня как из рога изобилия. Ни конца, ни краю им нет. Что люди, что драконы, их враги, обе расы не считались со мной, хотели лишь использовать для войны. И никому, совершенно никому не было дела до моих чувств, мечтаний и боли. Всем на меня плевать. Стало горько и обидно, но не время раскисать. Мне во что бы то ни стало нужно выбраться из этого мира к себе домой. Где меня ценят, любят и дорожат мною. Ой ли? Вмешался в мои мысли вдруг разум, подкидывая особенно яркие воспоминания.

Мама не видела во мне личность, хотела лишь, чтобы я исполнила извечный женский долг — вышла замуж и нарожала детишек, как все нормальные дочери ее подружек и родственниц — то бишь не позорила ее, ведь в семье я уже считалась старой девой. Среди наших все девицы выходили замуж до двадцати, и только я, считай, припозднилась, до двадцати трех так и проходила без отношений, что мама считала своим личным позором.

Отец бросил нас, когда мне было десять, и с тех пор участвовал в моей жизни постольку-поскольку — звонил поздравить с днем рождения и платил алименты до моих восемнадцати. Я не тешила себя иллюзиями, что однажды он одумается, он уже давно завел себе вторую семью, где его жена успешно нарожала ему трех детишек, две из которых девочки. Пару раз я видела, как он водил их в кафе за мороженым, как ласково он с ними общался, уделял им свое время. Тогда я и поняла, что мои мечты об отцовской любви тщетны, и похоронила эту мечту раз и навсегда.

— Раз вы такие привередливые и предпочитаете дракониц, что ж наших женщин похищаете? Что, королев принято только боготворить, а людишки и для секса сгодятся? — не выдержала я и съязвила, говоря подобное дракону в лицо.

— Следи за своим языком, пустышка. Ваши женщины — всего лишь инструмент, чтобы показать вашим никчемным магам, что мы не спустим с рук их вероломное нападение на наши колодцы силы.

— Они этого не делали, верно? — догадалась я по его ехидному лицу. Ему будто доставляло удовольствие издеваться надо мной.

— Важно ли это, пустышка? Реальность такова, что люди напали на наши колодцы, стали иссушать их, и наши драконицы впали в спячку, так что мы, великая раса драконов, ни

перед чем не остановимся, чтобы сокрушить людей и вернуть себе нашу драконью долину, которые вы бессовестно заняли.

Я ахнула и прикрыла рот ладонью. Так вот как черные маги развязали войну. Если спячка дракониц связана с тем, что черные маги заняли драконью долину, обосновав это перед людьми тем, что это нужно для поддержания баланса сил в мире, как я слышала из разговоров студентов в академии, то выходит, что черные маги спихнули это преступление на людей. И ярость драконов пала на них.

То есть, чтобы остановить войну, мне нужно, чтобы остальные драконы узнали, кто истинный виновник спячки дракониц. Вот только как? Я находилась взаперти, под бдительным оком главы совета драконов, а даже если и выберусь, то кому могу доверять? Ведь если этот Ари — предатель, то им может оказаться совершенно любой дракон.

Алиана вернулась довольно быстро. И судя по ее внешнему виду и запыханности, фамилия Мокрица ей бы подошла больше, чем Лакрица. На мокрую курицу похожа с этими слипшимися волосами.

— Что ты сказала?! — гневно закричала она и со стуком кинула поднос на кровать. Вода в стакане бултыхнулась и немного разлилась. Еще и криворукая.

— Ари! Она меня оскорбляет!

Упс. Я всё это вслух сказала, что ли?

— Простите, у меня словесное недержание, — снова съехидничала. Уж такова моя реакция на страх. А бояться мне нужно было, и еще как. Помочь мне в логове драконов было совершенно некому.

— Ты ешь, пустышка, набирайся сил, а ты, Алиана, присматривай за ней. Утром мы выдвигаемся к долине. Будет последняя битва между драконами и людьми. Никто не знает про наш козырь в виде этой пустышки, так что смотри, чтобы никто не узнал про нее. И мы точно победим в этой неравной борьбе за власть.

Что ж. Участь моя точно предрешена. Вот только сдаваться я просто так не намерена. Пока дракон не ушел, я быстро кинулась к подносу и стала сметать еду с тарелок. Что-то мне подсказывало, что, как только он уйдет, Алиана опрокинет поднос, чтобы мне ничего не досталось. Она мало того что глупая, раз не понимает, что дракон ее лишь использует для достижения своих целей, так еще и злопамятная, ревнивая и злая. От такой можно ожидать удара в спину, не то что издевательств.

Как только дракон ушел, Алиана двинулась на меня с кулаками, но, как только она подошла ближе, я сделала подсечку, опрокинув ее на спину, и уселась сверху. Настало время допроса.

— Тебе не удастся сбежать! Ари запечатал входную дверь магией, так что не надейся, что я тебя смогу выпустить!

Ой. А эта идея мне пока и не пришла в голову.

— Отвечай, как черные маги связаны со спячкой дракониц!

Алиана, как только ощутила мою силу, вмиг успокоилась и со страхом поведала мне обо всем, о чем я и так догадывалась. Все мои догадки оказались верны. До чего же гнусные черные маги. Но что же мне делать? По плану этого Ари, как оказалось, меня будут держать в кандалах на поле боя и выставят щитом для всех драконов. И когда магия людей — боевых магов — иссякнет — и я поглощу весь огонь, который они будут использовать против драконов — на мне используют артефакт, который выпустит всё это пламя из моего тела в сторону людей.

— И ты умрешь, пустышка, — с удовольствием выплюнула мне эти слова в лицо Алиана. — Еще ни один поглотитель этого мира не выжил после такого.

Ни один? Так таких было несколько? Как интересно.

Как бы я ни хотела оттянуть наступление рассвета, но время неумолимо было против меня. Я так и не придумала, что буду делать, поэтому решила действовать по мере сил и возможностей. Как только я окажусь среди драконов, то буду кричать о вероломном предательстве главы совета, и кто-то из них точно окажется не предателем. Они должны мне поверить. Должны.

Вот только когда за мной пришел Ариамир, его полное имя я выбила у Алианы, то первым делом заклеил мне рот. Так что весь мой план полетел в тартарары. Всё, что мне оставалось — это мычать и бешено вращать глазами. После на меня и вовсе надели кандалы, и Ариамир ушел, дав наказ Алиане отвести меня в кибитку, которую он лично понесет в лапах.

— Я не нанималась тебе в сопровождающие, пустышка. Но меня радует сама мысль, что ты скоро умрешь.

В ее голосе мне слышался один лишь яд. И торжество, что мне не поздоровится. Эта Алиана — совсем ненормальная девица, раз упивается мыслями о чужой смерти. Теперь мне уже жалко Тира. Видно, отец его совсем не любит, раз заключил помолвку его с Алианой через Казинака. Всю ночь я не спала и допытывала Лакрицу, да и ей было скучно, так что она рассказала мне всю историю их “любви” с Тиром.

— Играть чувства к этому благородному дурачку — то еще занятие. Как же меня тошнило от его показной правильности. Ну ничего, надеюсь, он умрет в этой битве, избавит меня от своего присутствия.

Я была поражена жестокостью слов Алианы, но промолчала. Что ей мое осуждения. Хотя нет. Я боялась, что она поймет, что Тир мне небезразличен. Она и так странно поглядывала на меня, когда я задавала вопросы по поводу их отношений, дескать, не жалко ли ей менять Тира на Ариамира.

Я была закована в кандалы, мой рот был заклеен скотчем, так что Алиане не составило труда властвовать надо мной и толкать в спину, чтобы я шевелилась быстрее.

— Скорее бы всё закончилось, — простонала она сзади. — Сил уже нет притворяться.

Я бы повторила то, в чем пыталась убедить ее всю ночь — что Ариамир никогда на ней не женится, так как драконы берут в жены только себе подобных, — но она пропускала мои слова мимо ушей. Глупая девица, которая потеряла голову от любви к дракону.

Когда мы завернули за угол, я вдруг увидела спереди Ворта. Могла и не заметить, но в ту секунду, когда мы появились в поле его зрения, он как раз прятался за плотными синими портьерами.

— Стой тут, мне нужно взять ключи. И не вздумай сбежать! Хотя всё равно я привяжу тебя к столбу. Не хочется подводить моего Ари. Ты важна для победы в войне, хотя я не считаю, что это так. Драконы победят людишек и без этого.

Я не понимала подобного отношения Алианы к людям, ведь она и сама человек. Черные маги — те же люди, которые просто стали баловаться жертвоприношениями ради бОльшей силы.

Она притворила свою угрозу в жизнь, спрятала ключ в карман и вошла в какое-то помещение. Так что я быстро подошла к Ворту, благо, длина цепи позволяла.

— Ворт! — выдохнула я радостно.

— Я пришел спасти тебя, Алиана. Надеюсь, надо тобой не издевались эти мерзкие драконы? — прищурился он и попытался магией освободить меня из кандалов.

— Нет времени, Ворт. Мне нужно кое-что тебе сказать. Тебе нужно будет найти совет драконов и предупредить их о предательстве Ариамира.

Я быстро ввела его в курс дела, не обращая внимания на его скептицизм, но он всё равно не хотел мне верить.

— О чем ты? Глупости. Кто внушил тебе эту мысль?

— Ворт!

— Ты пустышка, Алиана, поэтому тебе и задурили голову. Драконы — зло.

— Черные маги — враги, они создают пустышек, разве тебе это по душе? — спросила я его, напомнив о гнусностях, творимых ими.

— Не по душе, Алиана, но и доверять драконам... Они все — злобные твари, все они заодно с черными магами.

— Нет же, Ворт! Очнись же ты, отбрось свою ненависть. Я понимаю, что вы все ненавидите драконов за похищение женщин, но это лишь следствие, а не причина.

— Не поэтому, — мрачно произнес он, и я замолчала, понимая, что у него глубинная причина для ненависти. Что-то личное.

— А почему?

Он молчал. Зато перестал попытки к бесполезному освобождению меня из кандалов. Они были выкованы драконами, так что лекарь точно со своей магией тут ничего не смог бы поделывать.

— Мой отец... дракон, — еле как выдавил он из себя, и я оцепенел от этой ошеломляющей информации.

— Так ты дракон? — в шоке спросила я.

— Нет, именно поэтому я и живу среди людей с самого рождения, — признался он будто со стыдом, его щеки покраснели, а сам он отвел взгляд, хотя всё это явно была не его вина. — Мой отец поигрался с моей матерью, она была служанкой в его доме, а когда она забеременела, пообещал, что женится на ней, но когда я родился, он понял, что я не дракон и отослал нас обратно в мамину деревню. Так что рос я в нищете при богатом драконе-отце. Они бездушные и злобные твари, так что...

— Ворт, — схватила я его за руки. — Прошу тебя, поверь мне. Понимаю, ты считаешь, что я пустышка, которая не может соображать, но на кону тысячи людских жизней. Я лично видела, что Алиана Лакрица — любовница Ариамира, одного из драконов, и они заодно с черными магами. Другие драконы не в курсе, но я не знаю никого, кто точно не в сговоре с ними. Раз ты сын дракона, наверняка сможешь... Вдруг твой отец...

— Мой отец? Он слишком горделивый, чтобы связываться с черными магами, — фыркнул Ворт, и я поняла, что он наконец мне поверил. — Хорошо, я поговорю с... отцом.

Последнее он процедил сквозь зубы. Мне было интересно, кто же его отец, но в этот момент закрипела дверь, так что я толкнула его обратно к портьерам. Намекнула глазами, чтобы не затягивал с этим, иначе мне не жить. Понадеялась, что он перешагнет через свою ненависть и поговорит с отцом.

Прилетел он, как оказалось, на Мармеладике. Тот поначалу отказывался его везти, дескать, эта привилегия только для избранных, но когда Ворт убедил его, что он хочет спасти меня, то Мармеладик сдался. На душе у меня потеплело, ведь и я сама скучала по Мармеладике. Он пегас широкой души, сколько бы другие не говорили, что он вредный.

— Всё, пошли, — буркнула недовольно Алиана, когда вышла ко мне. — Одни проблемы с тобой. Я хотела бы быть с Ариамиром, а вынуждена с тобой возиться.

Она ворчала всю дорогу до кибитки на взлетной драконьей площадке, а я молчала, полная надежд, что уж теперь-то точно всё обойдется. В кибитке было лишь одно мутное окно, из которого я видела, как со всех сторон утеса в небо взлетали драконы, устремляясь вниз и направляясь в долину, где будет проходить последняя решающая битва. Так увлеклась, что не заметила, как и мы взлетели. Сначала нас вдруг зашатало, а затем полет стал плавным. Видимо, Ариамир обрел равновесие.

Вот только приземление в долине спустя, казалось, вечность, было грубым. Нас не щадили, что еще раз доказывало, что Ариамиру было плевать на Алиану, ведь даже о ее удобствах он не беспокоился. Вот только даже это не переубедило. Она выглядела донельзя довольной, что мы наконец добрались, и ей больше не нужно торчать в кибитке вместе со мной.

Когда она ушла, я осталась одна. Вся надежда теперь была только на Ворга.

В это время в долине, которая раньше принадлежала драконам, стали стекаться драконы и люди — между ними была лишь река, разделявшая две армии.

Ариамир был доволен, ведь никто не знал о козыре, который он припрятал на самый конец. Как только драконы начнут выдыхаться и терять силы, а часть и вовсе погибнет, он пустит в ход пустышку-поглотителя, которая впитает в себя всю ярость и мощь огня боевых магов. А там он использует ее, чтобы уничтожить жалких людишек. После этого его просто обязаны провозгласить Императором. Он гораздо старше него, даже возглавляет Совет, несмотря на то, что Император не он, так что трон должен принадлежать ему.

— Любимый, — подошла к нему сзади Алиана.

Он сцепил зубы и застыл, чтобы не отшатнуться от ее касаний. Эта девица порядком утомила его своей любовью. Глупости. Как только всё решится, он избавится от нее, и они с армией драконов уничтожат и черных магов. Он, конечно, поделился с черными магами, что от колодцев силы зависит рождаемость и благополучие женщин-драконов, но не собирался оставлять в живых тех, кто теперь об этом в курсе.

— Что с поглотителем, Алиана? — перешел Ариамир сразу к делу, не желая тратить время на пустую болтовню.

— С чем?

— С пустышкой.

Его раздражала ее глупость. Хотелось поскорее окончания войны, чтобы драконы смогли наполнить колодца силы, после чего все драконицы проснутся, и он наконец сможет быть в окружении благородных леди из высоких домов. Пока же ему приходилось довольствоваться обществом этих глупых людских женщин. Второсортных и недостойных его внимания. Если бы не военное положение, он бы не опустился так низко, чтобы спать с Алианой. Впрочем, пока что она была полезна.

— Снова ты про нее. Неужели ты не можешь хоть ненадолго не говорить об этой мерзкой девице?

— Успокойся, Алиана, она нужна для победы.

— Вы и так сильны, эти боевые маги вам и в подметки не годятся. Вы повелители огня, властители неба...

Ах да, вот почему он повелся на нее. Она умело подкармливала его эго и гордыню, восхищалась им. Он подпитывался этими эмоциями и купался в ее раболепии. Это Ариамир любил больше всего.

— Так и есть, войну мы и так выиграем, но с ее помощью я займу престол, Алиана, — подошел к ней и погладил по щеке, как щенка. Животные любят ласку, а люди от них особо не отличаются, такие же зверушки. — А ты станешь моей Императрицей, красавица.

В последнем он не соврал. Внешность у нее была по его вкусу, иначе он бы на нее и клюнул, когда она так вертела перед ним задницей, когда попала в плен. Вот только она не понимала, что Императрицей человечке не быть. Он уже выбрал в жены драконицу из благородной и состоятельной семьи. Эхантия займет достойное место рядом с ним на троне, а ее влиятельная семья станет опорой для его престола. Никто не посмеет тогда выступать против его кандидатуры. А Ихтарионион... Что ж, он умрет в этой битве. Несчастье. Трагедия. Что поделать.

— Идем, Алиана, мы должны быть в центре событий. Мои бойцы последят за кибиткой.

Спустя час битва до сих пор так и не началась, и никто не мог понять, в чем дело. Еще большее недовольство Ариамира вызвало присутствие сына Ворта, жалкого полукровик, которого Император заделал какой-то человеческой девице. Это было плевок в сторону драконьей расы, но Ариамир промолчал. Не время демонстрировать недовольство. Всему свое время. Как только он займет престал, подпишет указ о ликвидации всех полукровок. Им не место среди живых. Свидетельство позора драконов, падких на человек.

— Что происходит, Ихтарионион? Почему мы не нападаем? Все войска находятся в полной боевой готовности.

— Да, Ихтарионион, в чем дело? — поддержали Ариамира остальные.

Вот только Император попросил их подождать, сказал, что вскоре они всё узнают. И когда Ариамир начал терять терпение, произошло невероятное. В шатер вдруг ворвалась личная Гвардия Императора, которая скрытила Ариамира и всех его приспешников.

— Что это значит? — закричали остальные, но следом после бойцов в шатер вошли представители от людей.

Это озадачило всех вошедших, но никто не напал на них, так как Император выглядел спокойным, а значит, всё шло по его плану.

— Ты разочаровал меня, Ариамир. Я знал, что ты жаждешь власти и трона, но не думал, что ты зайдешь так далеко, что поставишь под удар наших женщин ради достижения своих целей. Это преступление не просто против трона, но и против всей драконьей расы. За сговор с черными магами и подстрекательство к войне, за причинение вреда драконицам ты приговариваешься к пожизненному заключение в темницах Андарунских гор. Судьба же Алианы Лакрицы, дочери главаря черных магов, Казинака эль Рахата, будет решать совет людской расы.

***

Все эти дни, пока Тир не видел пустышку, он скучал и тосковал, хотя даже себе с трудом признался в этом. Больше всего он беспокоился о ее безопасности, вот только в отличие от Ворта отправиться на ее спасение не мог. Интуиция кричала, что ей удастся остановить войну, как поведал ему Зефрий, и он остался в лагере, где всем руководил его отец-ректор. Последний и вовсе казался ему подозрительным. Неужели он заодно с черными магами? Неужели ему не жалко девиц, которых лишают души и превращают в пустышек? Это не укладывалось у него в голове.

Как только он заметил, что от драконов пришла делегация, направившаяся в шатер Императора, Тир сразу заподозрил неладное, и как командующий армией Военной Академии, пошел следом. И не зря. Выяснились шокирующие подробности всей войны, которая была начата по злому умыслу Казинака эль Рахата и всех черных магов. Отец Тира, как оказалось, тоже был замешан, но маги разума обнаружили, что на нем было использовано воздействие ментальной магии, с помощью которой Казинак управлял им.

Тира вздохнул с облегчением, что его отец — предатель не по своей воле, но у него возник вопрос по поводу Алианы. Замешана ли она или просто стала жертвой планов своего отца?

У него еще теплилась надежда, что она ни причем, хотя и любви между ними не было, но она быстро разбилась вдребезги, когда они с делегацией отправились к драконам, чтобы решить, как разбить армию черных магов, которые заняли колодца силы драконьей расы. Поскольку между Императорами двух рас было заключено перемирие, и драконы

претендовали только на долину и прилежащие земли, то войне между двумя расами пришел конец.

— Зачем, Алиана? — спросил у нее Тир, когда смог остаться с ней наедине. Выбил эту возможность на правах жениха.

— Я люблю Ариамира.

— Он проведет остаток жизни в темнице. Стоило ли это того?

— Всё из-за этой пустышки, — заверещала Алиана и горько расплакалась. — Если бы не она... Всё бы получилось...

— Ты изначально сделала неверный выбор, Алиана. Предала весь человеческий род ради собственной выгоды.

Это была их последняя встреча. Алиану Лакрицу заключили под стражу. Ей, как и ее отцу, предстоит остаток жизни провести в тюрьме.

Как только все причастные к предательству люди и драконы были пойманы, люди и драконы объединились, чтобы сокрушить черных магов и отбить у них долину.

Пустышка

Я сидела в кибитке, в то время как вокруг происходила какая-то суета. Когда я уже совсем потеряла надежду, дверь кибитки вдруг открылось, и я удивленно воззрилась на появившегося рядом Тира.

— Ты! — воскликнула я, а затем кинулась к нему в объятия, обращая внимание на то, что мои руки закованы в кандалы.

— Ты жива, — с облегчением выдохнул он. — Хорошо, что с тобой всё в порядке.

Он прижимал меня к себе так сильно, что спирало дыхание. Будто скучал по мне. Так же, как и я. Глупости, чего только не покажется, когда проведешь столько часов в плену и в кандалах.

— Вороту удалось остановить войну? — спросила я у него, глядя ему в глаза снизу вверх, когда успокоилась.

— При чем тут Ворт? — нахмурился Тир.

— Так он же сын какого-то дракона. Ты не представляешь, что я узнала о черных магах. Они не просто создавали пустышек для того, чтобы выиграть войну, но и сами спровоцировали ее. Из-за того, что они использовали колодца силы в драконьей долине, у драконов уснули женщины, вот поэтому они и похищали человеческих женщин, — выпалила я как на духу, но судя по взгляду Тира, он уже обо всем знал.

Ему не нужно было отвечать, так как я уже поняла, что Ворт-таки сумел донести информацию до своего отца.

— Ты и правда особенная, пустышка, Зефрий был прав. Наверное, именно тебе было суждено остановить войну между драконами и людьми.

— Так всё получилось?

— Да.

Моему восторгу не было предела. А затем я опустила глаза на свои кандалы.

— А где Алиана? У нее ключи.

— Она под стражей. Ключи у меня, пустышка, не волнуйся. Давай-ка освободим тебя.

Вскоре кандалы упали на пол к моим ногам, и я ощутила вкус долгожданной свободы. Вот только других ощущений не было. Будто и не поменялось ничего.

— Но ведь Зефрий сказал...

— Что он тебе сказал? — спросил вдруг Тир, и я прикусила губу. Я ведь не рассказала Тиру правду про то, кто я на самом деле.

— Пустышка...

— Я не пустышка, сколько можно повторять! — крикнула и топнула ногой. Меня уже порядком достало то, что меня так называют.

— Я в курсе, девушка из другого мира. Но имя ты свое так и не назвала, так что будешь пустышкой.

— О-откуда ты знаешь?

— Отец бросил тебя в яму, забыла? Я всё разузнал. Ты скрыла в том письме от министерства их приказ бросать в яму всех, кого подозревают в том, что он из другого мира. Да и ты не могла стать такой дерзкой и разумной, ведь черные маги превратили тебя в пустышку. Мне еще тогда стоило догадаться, что ты не из этого мира. Что что-то не так. А

уж когда я узнал, что ты поглотитель...

— Что не так с этим?

— Сначала я не вспомнил, почему этот вид магии довольно редкий, а затем решил кое-что проверить, когда ты уехала на Мармеладике к драконам, и нашел одну книгу из родовой библиотеки по редким видам магии. Поглотителями всегда были иномирцы, которые приходили в этот мир порталами во время глобальных войн или катаклизмом.

— То есть моя задача была спасти этот мир? А там не было написано, как мне вернуться домой? — спросила я с надеждой.

— Нет. Никто из иномирцев не вернулся к себе. Все они осели и ассимилировались с местными, женившись или выйдя замуж за кого-то из наших. Так и продолжили свой род.

— Но господин Зефрий сказал, что это возможно...

— Был всего один случай, когда поглотитель не остался в нашем мире, а вернулся в свой.

— И что же там?

Надежда снова воспряла у меня в душе.

— Не знаю.

— Не знаешь?!

— Такой информации в нашей домашней библиотеке нет.

Воцарилась тишина, а затем я услышала множественный драконий рев.

— Началось, — сказал серьезным тоном Тир и потянул меня в сторону холма.

— Что началось?

— Мы объединились с драконами, чтобы отбить долину у черных магов. Нам необходимо сокрушить их и заставить понести наказание за содеянное.

Он схватил меня за руку, таща за собой на буксире, и я не могла и слова вставить, слушая их план. Честно говоря, я совсем не поняла, но услышала самое главное — черные маги пока не знают о том, что две расы в курсе их вероломства. Так что их застанут врасплох и окружают, отсекая пути к отступлению. Вот только...

— У них пустышки, которыми они смогут прикрываться первое время, но это меньшее из зол. В любом случае, наша совместная армия превосходит черных магов, исход уже ясен.

Спустя полчаса мы оказались среди боевых магов, который выстраивались во фланги и отряды. Первыми, как оказалось, в бой шла пехота, состоявшая из людей, затем драконы, чей огонь был особенно силен.

Тир оставил меня на попечении врачей, наказав не уходить далеко, и ушел к остальным. Вот только я не собиралась сидеть сложа руки. Нужно дождаться подходящего момента и использовать свои силы поглотителя. Вот только я не представляла, как будут защищаться черные маги, когда на их стороне больше не стоят боевые маги, способные сокрушать своим огнем.

— Ворт! — воскликнула я, увидев знакомое лицо лекаря.

Вид у него был мрачный, но решительный. Он находился около входа в главную палатку, в которую будут сносить всех раненых, принесенных с поля боя.

— Пуст... То есть... — затруднился он назвать меня, когда увидел, но затем решил не усугублять ситуацию. — С тобой всё в порядке? Ты не пострадала?

Он начал вдруг ощупывать меня руками и водить им по телу, вот только если бы это был Тир, я бы решила, что он ко мне пристает, но глаза Ворта горели синим огнем. Он лекарским взглядом выискивал на мне травмы. Коих и не было. Если мне и причинили вред,

то только моральный.

— Я рада, что ты встретился с отцом, Ворт, — улыбнулась я, жажда подробностей, которые не заставили себя ждать.

— На удивление, он был рад меня видеть, — признался он, будто это изрядно удивило его. — И поверил. Я думал, что он бросил нас, но оказалось, что мама сама ушла, не смирившись с отношением других драконов к ней.

Я промолчала, но уже поняла, что большинство драконов — весьма высокомерные существа, но бороться с этим — не моя забота. Я не из тех попаданок, которые тащатся от этих крылатых чешуйчатых.

— А кто твой отец, Ворт?

— Император Ихтарионион, — кивнул он, заставив меня ахнуть.

— Кто? Вот это да! Этот грубиян что, Император?!

Я была так удивлена, что не обратила внимания на выражение лица Ворта. Он был озадачен.

— Так значит это правда, пуст..., ты иномирянка?

— Да, — кивнула я, чувствуя облегчение, что больше не нужно этого скрывать. Не я первая, не я последняя, видимо.

— А я всё думал, почему ты такая странная стала. Пустышки обычно не такие.

— Но я тебе нравилась и такой, — улыбнулась я и толкнула его в плечо. — Точнее, не я, а... пустышка.

— Несмотря на лишение души, я считаю их живыми, — грустно улыбнулся он и покачал головой. — Мне так жаль их всех, все эти погубленные черными магами жизни. Я всю жизнь положу на то, чтобы найти решение и вернуть всем пустышкам души. Исправить то, что натворили эти изуверы.

В этот момент раздался свист, словно в нашу сторону летело нечто огромное. А когда я подняла голову, увидела летящий огромный черный шар, который искрил молниями.

— Что это, Ворт? — в ужасе спросила у него, приседая на колени.

Все вокруг засуетились и стали кричать, ища укрытие, а вот Ворт схватил меня за руку и потащил вниз, в самую гущу развернувшейся неожиданно битвы. Черные маги напали одновременно по всем фронтам, не дожидаясь, пока это сделают боевые маги.

— Это шар смерти. Когда он достигнет земли, произойдет взрыв. Даже поглотитель, как ты, не способен выдержать уровень такой силы. Это магия разрушения, она опасна для тебя, так что беги вниз, а я помогу раненым, если драконы не сумеют остановить его.

В небе всё это время происходила своя битва. Драконы летали вокруг и дышали огнем на черных магов, некоторые пытались разрушить шар смерти — он уменьшался, но катастрофически медленно, так что я понимала, что он достигнет земли. И единственное место, где можно было спастись от него — поле боя.

Драконы по итогу сумели уничтожить черный сгусток, но в эту секунду со стороны долины вверх поднялись еще пять таких шаров, так что в рядах лекарей началась паника. Некоторые бежали рядом со мной, но сколько бы я ни оглядывалась назад или по сторонам, Ворта так и не увидела.

— Не-е-т! — крикнул какой-то женский голос.

В грудную клетку ее подруги со свистом вошла стрела, и это была лишь первая, после чего в нашу сторону полетел шквал этих стрел. Маги выставляли огненные щиты, а вот обычные люди, не обладавшие магией, падали на пути к долине.

Меня охватил настоящий страх, ведь если магия на меня не действовала, и я успешно ее поглощала, то вот стрелы вполне могут меня убить. От них я никак не могла защититься, так как магически была пуста.

— Огонь, — вспыхнула у меня в голове идея. Мне нужно бежать в сторону магического боя. Попасть под обстрел огненных файерболов, напитаться магией огня, и тогда я смогу защититься от всего.

В отличие от других, кто бежал в сторону от стрел и битвы, я поменяла траекторию и направилась в сторону эшелона боевых магов. В этой стороне стрелы не свистели, даже не был слышен лязг металла мечей.

Несмотря на то, что я изо всех сил передвигала ногами, бежала так, что аж легкие горели, и сводило спазмом горло, я не успевала добежать до магов. В мою сторону вдруг направился черный шар смерти.

Я не могла отвести от него взгляда. Казалось, что независимо от того, как быстро я бегу, не успеваю убежать от траектории падения шара. И когда он уже стал приближаться, а я оцепенела, казалось, не чувствуя от ужаса ног, мое тело сшибло чужим броском. Кто-то навалился на меня, и мы покатались вниз по склону, пока мужчина вдруг не выставил вокруг нас огненный щит. А затем раздался мощный удар и гул, от которого у меня заболели уши.

Я зажмурилась, ощущая, какое каменное надо мной тело. Из меня, казалось, вышибло дух — я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. И когда я чуть не потеряла сознание от давления, всё закончилось.

— Дура! — прошипела надо мной Тир. — Куда ты бежишь? Это шар смерти, даже ты со своими способностями поглотителя не способна с ним справиться!

— Я з-знаю, — прохрипела я, когда Тир встал и поднял меня на ноги.

Удивительно, но ни на мне, ни на нем не было ни царапины. Получается, что магам эти шары смерти не страшны?

— Тогда чего бежишь в самое пекло? Здесь бой, а не тренировочная площадка!

— Я заметила, в меня ведь не кидаются, — напомнила я о прошлой роли пустышки, когда он тренировался на мне и безжалостно кидал в меня файерболы.

— Так ты этого хотела? Напитаться магией? — прищурился он, сразу догадавшись о моих намерениях.

— Да. Мне нужно как-то защищаться, а сейчас я пуста.

— Я понял тебя, но бежать под прицел магии черных магов — это верный путь к смерти.

— Ворт меня просветил.

— Опять этот Ворт! — прошипел он так, будто заревновал, но это были глупости. Он давно показал, что влюблен в Алиану. И пусть она предательница, с которой ему уже не быть, но любовь так просто не забывают.

Угомонись, Сашка, тебе тут ничего не светит. И вообще, скоро ты вернешься домой, в свое настоящее тело, в свой родной мир, так что не терзай свое влюбленное сердце. Я уже перестала скрывать, что за это время я против воли влюбилась в Тира, который совсем не замечал моих чувств. И к лучшему.

— Иди налево, пустышка, на случай нападения там разбили лагерь, защищенный огненной магией. И забудь про то, чтобы идти на поле боя. Здесь не место неопытным девицам.

Я покраснела, ведь “неопытным” из его уст прозвучало двусмысленно. Он ничего не

понял, продолжая подталкивать меня в нужном направлении, а вот я никак не могла избавиться от пошлых мыслей, несмотря на то, что вокруг в самом разгаре бушевала война.

Драконы изрыгали огонь, сжигая заброшенные дома, в которых осела часть черных магов. Боевые маги оттесняли их пехоту, загоняя к утесу, единственный путь которого вел в обрыв. Отовсюду раздавались крики боли, ярости и ненависти, а я ощущала себя беззащитной, как слепой котенок в мешке, который собирались утопить.

— Я поглотитель, Тир, — заупрямилась я перед самым входом в разбитый лагерь под огненным куполом. — Я могу помочь в исходе битвы. Ты сам сказал, что Зефрий был прав в отношении меня.

Я видела, как сдвинулись на переносице его брови, как на лбу возникла недовольная складка, а глаза блеснули злостью, но против правды не попрешь. Я была права, и он это знал.

— Наш отряд будет прорываться в основной храм, где расположен главный колодец силы. Пойдешь с нами. Но чтобы ни на шаг от меня не отходила! — пригрозил он мне, но сдался под напором моих доводов.

— Конечно, Тир, не отойду.

Я не соврала. Не дура же, чтобы геройствовать без защиты. А в Тире я была уверена. Он прикроет мне спину.

Главный храм был расположен в самом сердце долины, так что шли мы под огненным куполом в составе десяти человек. Среди нас было трое драконов в человеческом облики, а также Ворт, который был единственным лекарем из всех. А также тем, в ком текла кровь Императора. Оказалось, что для того, чтобы обрести власть над долиной, нужно освободить колодца силы, забитые под завязку черной магией. А для этого нужно было окропить алтарь в главном храме кровью императорской семьи. И Ворт для этого подходил как никто другой. К тому же никто из черных магов на него не подумает, и он не станет основной целью убийц.

Основной храм хорошо охранялся, но главным препятствием был черный купол, который было не так-то просто пробить. Однако три дракона и три мага совместными усилиями огненного залпа справились, и мы хлынули внутрь храма несокрушимой волной.

Я и Ворт двигались в середине фланга, те, кто шел спереди, нападали на черным магов, а те, что сзади — прикрывали спины сородичей. Отряд состоял из лучших бойцов, поэтому битва была недолгой. Словно черные маги не ожидали такой слаженной битвы от двух объединившихся рас и были не готовы к подобному повороту событий.

И когда отряд захватил храм, все расступились, пропуская Ворта к алтарю, который стоял в центре храма, аккуратно под открытым куполом, вверх по которому уходила энергия алтаря.

— Давай, Ворт, — прошептала я, видя, как он достал кинжал.

Вот только он не успел сделать надрез, как сверху на пол приземлилась фигура в черном. В его руках искрил черный файербол, направленный следом в спину Ворта.

— Нет! Ворт! — крикнула я, но было поздно.

Черный сгусток попал аккуратно между лопатками Ворта, после чего его тело затряслось, а затем осело на алтарь. Черного мага быстро скрутили и увели, но это ничего не могло изменить. К тому времени, когда я добежала до него, он был мертв. Сколько бы я ни трясла его, к жизни вернуться он уже не смог.

— Нужен император, — мрачно произнес кто-то из людей, но драконы покачали головами, с сожалением глядя на Ворта.

— Неважно как, но императорская кровь была пролита на алтарь. Колодца силы снова вернулись под власть драконов.

Я сглотнула и увидела, как под телом Ворта расплывалось пятно крови. Вскоре весь алтарь был ею залит. Вот он, герой этой войны. Умер, но исполнил свой долг. Пусть и таким путем.

— Мне очень жаль, пустышка. Это большая потеря для тебя, — прошептал рядом Тир, который опустился на колени около меня.

Я посмотрела на него, но промолчала, не понимая, что он имел в виду.

— Для всех нас, — прошептала я и прикрыла глаза, облачиваясь о Тира.

Все черные маги основного храма были повержены, колодца силы возвращены драконам, и я расслабилась, теряя силы. Глаза закрывались сами собой.

Проснувшись я в шатре Тира. В долине всюду наводились порядки. Часть магов ловила оставшихся преступников, которые таились в недрах долины, надеясь, что их не заметят, а часть отправилась домой, выполнив свою миссию. Меня же никто не гнал, и я ходила с

Тиром, не зная, куда приткнуться, ведь я почти никого не знала.

Спустя несколько дней, когда в долине не осталось ни одного черного мага, и каждого заключили под стражу, переправив их в тюрьмы, встал вопрос о судьбе пустышек, которых осталось всего несколько десятков. Мне было жаль погубленные жизни, но что толку сожалеть о прошлом, если его не изменить.

Была одна пустышка, которая обрела душу во время битвы, так что все эти дни драконы и люди изучали этот случай особенно пристально. Ведь это означало, что обратить вспять гнусную темную магию черных магов реально.

— Всё дело в драконьем пламени, — сделал догадку один из драконов и, не дожидаясь одобрения, пустил струю огня в одну из пустышек, которых собрали в общем зале всем на обозрение.

Никто и возразить не успел, как ее обуяло пламя, которое хоть и причинило ей вред, однако вскоре раздался ее истошный вопль и плач.

— Получилось, — выдохнул кто-то из драконов. — Ты был прав, Азурит.

Несмотря на эксперимент, всё и правда вышло, как надо. Так что вскоре всем пустышкам вернули души и отправили их по приютам, ведь большинство из них были круглыми сиротами. В знак извинений император людей выделил им пожизненное содержание, что их всех вполне устроило.

Оказалось, что мама Ворта давно умерла, поэтому его похоронами занялись драконы. Его собственный отец поручил похоронить его в императорской усыпальнице, отдавая дань почести единственному сыну, несмотря на то, что тот — неполноценный дракон, полукровка без драконьей ипостаси. Всё же именно он поспособствовал возвращению долины драконам и погиб от рук черных магов.

Поскольку на похороны драконов пускали только самих драконов или полукровок, их потомков, нам путь туда был заказан.

В день его смерти я плакала весь вечер, вспоминая все моменты с ним, ведь он был единственным, кто защищал меня даже когда я была пустышкой.

Поскольку долиной снова владели драконы, боевые маги и обычные воины-люди отправились по своим домам. Война подошла к концу. Я двинулась вместе со всей процессией, в составе армии военной академии.

Указом министерства магии я и остальные бывшие пустышки обрели полноценные права граждан империи. Вот только поскольку набор в академию осуществлялся осенью, а сейчас был конец весны, академия не могла принять меня в свои ряды. Благодаря моему участию в предотвращении войны, империя выделила мне полную стипендию, так что платить за обучение мне в будущем будет не нужно. Также меня обязали обеспечить работой.

Когда я слушала указ, то просто кивала головой и улыбалась для виду, ведь оставаться в этом мире не собиралась. В свой собственный мир я так и не вернулась, и как это сделать, так и не узнала, так что поскорее хотела увидеться с господином Зефрием.

Первым, кто встретил меня на полпути к академии, был Мармеладик. Он спикировал прямо над нашей процессией, состоявшей в основном из боевых магов академии, которые когда-то тренировались на мне и оценивали урон от своих огненных файерболов.

Кто-то, увидев пегаса, присвистнул, кто-то зарычал от страха, но все были впечатлены его появлением, ведь это был пегас, легендарное и сварливое существо, не идущее ни с кем на контакт. Но особенно сильно они удивились, когда Мармеладик остановился около меня и махнул крылом, приглашая довезти меня до места назначения. Конечно же, я не стала отказываться, безумно радуясь его появлению. Я скучала по нему.

— Гляди, гляди, он выбрал пустышку.

— Тихо ты, она уже не пустышка, — кто-то осадил другого парнишку.

Как только я села на Мармелади, мы с ним вдвоем оглянулись на Тира, который смотрел на нас, как и все остальные, снизу вверх. Затем Мармеладик посмотрел на меня и кивнул, закатывая при этом глаза, дескать, пусть садится.

Все выпали в осадок, когда сзади меня приземлился довольный Тир, после чего пегас взлетел, и мы полетели в сторону академии отдельно от всех.

Всё то время, пока мы летели, я краснела, чувствуя на талии руки Тира, его горячее дыхание на моей макушке. В этот момент я как никогда остро чувствовала, что Тир не просто парень, а мужчина, причем тот, который мне нравится.

— Мне очень жаль, что так вышло с Алианой, — сказала я, чтобы его поддержать. Каюсь, еще хотела понять по голосу, насколько сильно он страдает.

— Так бывает, когда ты идешь против империи, против своего народа. Жажда власти из

многих делает монстров, — сказал флегматично Тир, не выражая никаких эмоций, будто ему было всё равно, и он уже пережил этот момент, оставляя его в прошлом.

— А твой отец? Что с ним? Не видела его на поле боя, — снова сказала я спустя время.

Мне было интересно, что стало с ректором, ведь именно он бросил меня в яму. Было ли это связано с тем, что он предатель, и он боялся, что я расскажу всё Тиру, если узнаю, или же он просто ярый патриот своей родины и подчинился прямому приказу министерства.

— Отец был под ментальным воздействием Козинака. Он был марионеткой черных магов, поэтому его не казнят и не отправят в темницу. Но он пройдет принудительное лечение, вот только ректором его уже вряд ли поставят. Он отправится в наше родовое поместье и снова будет выполнять обязанности лорда.

— А ты? — с замиранием сердца спросила уже у Тира.

— А что я? Продолжу обучение в академии.

— Но что будет с тобой? Ведь твой отец фактически в опале, разве нет?

— Это неважно. У меня своя наработанная репутация, у него своя. Тем более, что он не был предателем, просто слишком доверял своему другу, за что и поплатился.

Поскольку сам Тир не переживал относительно своего будущего, то и я не стала, решив, что ему известно всё лучше.

К тому же, насколько я помнила, среди его родственников со стороны матери также было много высокопоставленных магов, так что наверняка даже если бы его отец оказался предателем, Тиру ничего бы не сделали, ведь он был также преданным гражданином своей империи, боевым магом, который встал на защиту людей против драконов. :Ч:и:т:а:й: :н:а: :К:н:и:г:о:е:д:..н:е:т:

Летели мы довольно долго. По моим ощущениям, гораздо дольше, чем на утес драконов, однако когда я наконец увидела знакомые шпили академии, радости моей не было предела.

— Ну и куда тебя отвезти, девушка? — спросил у меня Мармеладик, но при этом сразу же направился в сторону дома Зефрия, верно понимая мое желание.

— Зачем спрашиваешь, если знаешь? — рассмеялась я, чувствуя облегчение, что всё закончилось. Только изнутри меня беспокоила червоточина, что я до сих пор не дома. Мне казалось, что как только всё будет кончено, тут же откроется портал, и я окажусь дома, либо я снова потеряю сознание и проснусь уже у себя дома, но не произошло ни того, ни другого.

По прилету Мармеладик оставил меня во дворе дома, а сам повез Тира в академию. Я с тоской глянула им вслед и направилась к дверям дома Зефрия. Он куда-то спешил, и я даже рта раскрыть не успела, как он заявил, что я буду жить с ним, так как в общежитии академии мне выделить место не смогут.

Весь оставшийся вечер я провела одна и по итогу просто легла спать.

Когда я проснулась, то вышла во двор и сразу увидела господина Зефрия.

— Наконец-то! Нам нужно срочно поговорить! — воскликнула я и побежала к нему, вцепившись руками ему в локоть.

— Тише ты! Тише! Руки мне оторвешь, — сказал он мне и продолжил помешивать что-то вкусно пахнущее в кастрюле.

— Я всё сделала, как вы мне сказали...

— Разве я что-то говорил? — не дал он мне досказать свою мысль.

Своими словами он ввел меня в ступор, и я замешкалась, пытаюсь вспомнить, о чем именно мы до этого с ним разговаривали.

— Но вы сказали, что мне суждено остановить войну, я это сделала, но до сих пор здесь,

в этом теле пустышки. Кстати, меня тоже опалил огонь дракона, но бывшая хозяйка тела не вернулась, хотя все остальные пустышки стали прежними. Самими собой.

Этот вопрос не давал мне покоя, и он был единственным, как мне казалось, кто мог дать мне ответ.

— Что умерло, воскреснуть не может, — изрек он, подняв палец вверх.

— Раз уж вы ответили мне на этот вопрос, может, ответите, почему я до сих пор не вернулась домой?

— Ты просто забыла самое главное, зачем ты тут, дорогая.

Ответ меня поразил, так как ничего мне не дал, я ничего не поняла.

— Что вы имеете в виду?

— Ты попала в этот мир не просто так, ты сама этого хотела, сама вызвала портал между мирами. Разве ты не помнишь гадание в темноте, зеркало, мужчину? Именно он привел тебя сюда.

— Что вы хотите сказать? Что этот кто-то поспособствовал тому, что я переместилась в этот мир? Кто он? Для чего он это сделал? Разве не для того, чтобы я спасла этот мир, предотвратив войну с драконами и людьми?

— С чего ты взяла, что это мужчина что-то делал? Ты меня не поняла. Он тот, за кем ты пришла сюда сама.

— Ничего не понимаю, — пробормотала я.

Зефрий вдруг поднял голову и поджал губы.

— Долго ты шел за водой, Тир, давай сюда ее быстрее, тебя только за смертью посылать.

Я обернулась и увидела Тира в непривычной моему взору одежде — на нем были шорты и рубаха. Никогда не видела его в нечто подобном, он выглядел по-домашнему. Мое сердце заколотилось, я опустила глаза, чтобы скрыть блеск в них, а так же, как покраснели мои щеки.

— А ты что тут делаешь? — спросила я ворчливо, скрывая за этим смущение.

— Академия выделила его мне для помощи по хозяйству, — ответил за него господин Зефрий, хитровато поблескивая глазами. По крайней мере, мне так показалось.

— А ты гораздо спать, пустышка, — ехидно усмехнулся Тир и поставил ведра воды около Зефрия.

— Не называй меня так! — крикнула я и притопнула ногой.

— А как? Ты же имени своего не называешь, а значит будешь пока пустышкой, так что пока не придумаешь себе его, такой и останешься. Пустышкой.

— Я не собираюсь этого делать.

— Что, планируешь уйти к себе в мир? Даже не останешься погостить тут? Или ты уже знаешь, как вернуться? Или не принимает тебя твой мир обратно, м?

— Я уже забыла, каким ты можешь быть язвительным. Тебя не заждались в академии? Помогай, как тебе было велено, и уходи.

— А ты мне тут не указывай, пустышка. Я теперь живу здесь, у меня такие же права, как у тебя, чтобы здесь находиться, так что привыкай, пустышка, каждый день теперь будешь меня видеть, — продолжил он меня донимать и действовать мне на нервы.

— Тебе какое дело до моего имени?! Тебя это вообще не касается!

Тира улыбнулся как-то холодно и стиснул кулаки, затем разжал их как ни в чем не бывало и прищурился.

— Очень даже касается, и скоро ты это поймешь, пустышка

На этой угрожающей ноте он развернулся и пошел в сторону дома.

— Двигай за мной, пустышка, будешь помогать накрывать на стол. Это тебе не пансионат, здесь всё своими руками делается, или ты завтракать не хочешь?

Кушать я хотела, поэтому сжала зубы и, ничего не говоря, поплелась за ним, Боже, неужели мне придется терпеть его все эти дни, пока не вернусь домой?

Кстати, насчет дома, что имел в виду господин Зефрий, говоря про мужчину, ради которого я сюда пришла. Неужели гадание стало причиной моего попадания в этот мир. Если мы гадали на суженого, то я пришла сюда за ним. И кто же это? Неужели Тир?

Когда я вошла следом за Тиром на кухню, автоматом по привычке, как это делала дома, накрывая на стол, потянулась к верхней тумбочке. Хотела открыть ее, но не рассчитала равновесие и оступилась, ударилась затылком о грудную клетку Тира. Меня охватило оцепенение и ступор. По всему телу прошел жар.

— Осторожнее, — прохрипел он и обхватил рукой меня за талию, не давая упасть, затем второй рукой открыл тумбочку.

— Что ты хотела здесь достать? Скажи мне, я тебе подам, коротыха.

— Как ты меня назвал? — в шоке спросила я, выйдя из оцепенения.

— Коротыха. У тебя же короткие ножки и ручки. Или хочешь сказать, что собиралась достать отсюда что-то, чего совершенно не видишь? М?

— Я всё прекрасно вижу, — вредно парировала я, хотя соврала.

— Да ладно, коротыха. И что же ты хотела достать?

— Конфеты, — произнесла я наугад, просто предполагала, что, как и у нас на земле, господин Зефрий хранил здесь сладости.

— Какие еще конфеты, пустышка? Маги не едят сладости.

— Что-что? — чуть не засмеялась я, видя в этом какой-то сюр. — Ваши имена обязывают вас любить сладости.

— Тебе предстоит только узнать в следующем учебном году эту большую тайну, пустышка, так что цени, что я делюсь с тобой информацией. Не ешь сладости, если не хочешь терять свои силы, налегай лучше на фрукты, и мясом тоже не злоупотребляй.

— Буду иметь в виду, спасибо за информацию, — буркнула я и быстро отошла, чтобы он не заметил, как меня беспокоило его слишком близкое присутствие.

Это стало меня напрягать. Раньше со мной подобного не происходило. Я никогда не влюблялась в парней, оттого у меня и не было отношений. Бывали те, кто за мной ухаживал, приглашал на свидания, но мое сердечко совершенно не трепыхало при виде моих кавалеров. Кто же знал, что, оказавшись в чужом мире, я прлюблю чужого жениха. Конечно, сейчас он абсолютно свободный парень, боевой маг, но я-то знаю, что его бывшая невеста была обвинена в государственной измене и предательстве родины, поэтому теперь он и свободен от обязательств.

— О чем ты так усердно думаешь, коротыха? — снова оскорбил он меня.

— А что? — дерзко приподняла я подбородок.

— Ничего. Можешь не отвечать. Я знаю ответ.

— И какой же?

— Простой.

— Не ври. Ты же не умеешь читать мысли.

— Мне и не нужно. Всё у тебя красноречиво на лице написано. Влюблена ты в меня.

как кошка, — ухмыльнулся он нагло мне в лицо, щелкнул по носу, достал из тумбочки банку с чаем и вышел на улицу, оставив меня наедине со своими мыслями.

Господи, какой позор. Неужели моя влюбленность так очевидно? Позо-о-о-р.

— Как насчет поплавать после завтрака, коротыха? — вдруг снова появился он на пороге кухни и подмигнул мне.

— Сгинь! — крикнула я и выпучила от злости глаза. Хотя скорее меня одолевал стыд.

Всё то время, что мы пили чай и ели кашу, которую сварил Зефрий, я усердно прятала свои глаза.

Дни шли за днями, и ничего не менялось. Тир продолжал кружить вокруг меня, желая будто известить меня своими колкостями и ехидством, но я держалась как камень. Потрескавшийся, давший слабину и ругающийся чуть ли не матом. Выдержке моей никто не мог позавидовать. Ее у меня просто не было. Стыд да и только.

Не знаю, как долго мы могли ходить вокруг да около, но однажды я так разозлилась, что ушла на озеро остужать пыл. В гневе разделась догола и вошла в воду, не чувствуя будто ее прохлады.

— Идиота кусок, змей подколодный, — бурчала я, плавая среди мини-волн, которые сама же и создавала.

Вдоволь наплававшись, я устремилась на берег, но лишь в последний момент увидела сидящего около моих вещей Тира. Он смотрела на меня с довольной улыбкой и блеском в глазах. И кажется, совсем не собирался уходить.

— Как давно ты тут? — спросила я с напряжением.

— Достаточно, чтобы успеть полюбоваться прекрасными видами.

— Отвернись, я голая!

— Я заметил.

— Ну?

— Не хочу.

— Что значит, не хочу?!

— То и значит, коротыха. Не хочу и всё тут. Меня всё устраивает.

— А меня нет!

— Чувствуешь несправедливость? Хочешь равноправия? Я не против.

С этими словами он поднялся во весь свой рост и стал просто раздеваться, совсем не стесняясь.

— Прекрати! — прошипела я, продолжая обхватывать себя за плечи. Становилось зябко, кожа покрылась мурашками.

— Трусишь? — улыбнулся он как-то хитровато.

— Еще чего! Просто не желаю видеть твои сомнительные непотребства.

— Эти непотребства могут на тебя обидеться, коротыха.

— Хватит! Не смей раздеваться, — запаниковала я уже, как он вдруг коснулся резинки шорт.

— А что мне за это будет? — улыбнулся он донельзя довольно. Этого и добивался, гад.

— Чего ты хочешь?

Я мрачно воззрилась на него.

— Поцелуя.

— Поцелуя? Я уж думала попросишь чего-то более... кхм...

— Нет, ну раз ты просишь.

— Нет! Поцелуй так поцелуй! Меня устраивает! Я хочу поцелуя! — заголосила я на всю округу, видя усиленную работу мысли на его лице.

— Заметь, ты сама это сказала, коротыха. Назад пути не будет.

Я не обратила на его угрозу внимания и кивнула ему, чтобы отвернулся. К счастью, он подчинился, и я быстро выскочила из воды, в спешке облачаясь в сухую одежду.

— Я готова.

— А уж я-то как готов, коротыха, — произнес он с хрипотцой в голосе и обернулся. — Начинай.

— Что начинать?

— Целуй.

Я никогда никого не целовала первой, поэтому это было для меня в новинку. Но я пересилила себя, встала на цыпочки и обхватила его за плечи. Прикрыла глаза и поспешно чмокнула его в губы. Отстранилась, но его рука вдруг обхватила меня за талию и притянула с силой к себе.

— Всему тебя учить, коротыха.

Его губы были теплыми и нежными, но при этом целовал он меня властно, сразу давая мне понять, кто тут главный. Когда у нас перестало хватать дыхания, мы оторвались друг от друга, и он прислонился лбом к моему.

— Как же давно я мечтал об этом, коротыха, — простонал он.

— Я не коротыха.

Несмотря на эйфорию и улыбку, я всё равно продолжала отстаивать свои позиции.

— Тогда выбери себе имя, иначе останешься коротыхой.

Я промолчала, но про себя счастливо улыбнулась. Кажется, что этот мир не так уж и плох, чтобы тут обжиться.

— Слушай, а почему у тебя такое имя? Тир. Оно отличается от остальных.

Мы с Тиром стояли на утесе, рассматривая узкую долину, за последние недели наполнившейся высохшей доселе рекой. Бурные потоки внизу шумели, переливались на солнце и будто радовались возвращению в родные края.

Я облокачивалась спиной на грудь Тира и с удовольствием ощущала на себе его теплые ладони.

— Не связано со сладостями? — уточнил он. Я не видела его лица, но чувствовала, что он улыбается. Научилась понимать его мимику только по голосу. — Это мое сокращенное имя. А нарекли при рождении... Только не смейся, хорошо?

Я провела пальцами по губам, намекая, что нема, как рыба, а затем пожалела о своем обещании.

— Конфитир.

Я попыталась скрыть смешок, но он всё равно вырвался. Тир нахмурился, судя по хмыкку. Я постаралась сделать лицо более серьезным, чтобы он не посчитал, что я над ним насмехаюсь.

— А тебя как зовут, пустышка? Мы столько с тобой знакомы, столько уже пережили, а ты до сих пор не назвала мне своего имени.

Ему, казалось, нравилось называть меня пустышкой, но я уже не обижалась, устала с ним бороться. Тем более, что из его уст это звучало не оскорблением, а лаской. Прозвищем, которое дают любимому человеку.

Я ожидала от него подобные вопросы. Первое время я отказывалась даже думать над тем, чтобы взять себе имя, ведь планировала вернуться домой. Однако время шло, но ничего не происходило.

Не знаю, смогла бы я смириться с этим, если бы не любовь к Тиру. По итогу поняла, что мне нужно взять местное имя. Несколько дней я думала над ним, понимая, что человеческое имя здесь будет казаться странным. Как я уже поняла, здешние люди называли свое имена в честь каких-то лакомств. Конечно, были и простые имена, но в основном среди тех, кто имел в венах частицу драконьей крови, а среди людей это была большая редкость, к тому же, у них у всех за спиной стояла семья, чья фамилия точно была названа в свое время в честь сладостей.

Поскольку у меня не было ни того, ни другого, то имя Саша я использовать не могла. Вспомнила, что раньше мое имя мне не нравилось, я всегда хотела поменять его на Рину, и поэтому, чтобы не выделяться среди местных, я решила взять себе имя, которое будет привычно этому миру, и будет нравиться мне самой.

— Ты знаешь, я выбрала себе имя, Конфитир, — решила я немного его подразнить. — Сахарина Меренг. Но называй меня сокращенно Рина.

— Красивое имя. Са-ха-ри-на. Ри-и-и-на, — перекатывал он буквы будто на языке, словно лакомство. — Я рад, что я первый, кому ты назвала свое имя, Сахарина Меренг.

Голос Тира звучал уверенно и серьезно. Выглядело так, будто он следом собирался сделать кое-что важное.

— Я хочу сказать тебе кое-что, Рина, — произнес он сразу же, подтвердив мои догадки.

— Только не говори, что хочешь позвать меня замуж. А то у тебя такой вид, словно в

кармане у тебя кольцо, — фыркнула я.

Я сказала это в шутку, но судя по тому, как окаменело лицо Тира, я была недалеко от истины.

— Серьезно? — в шоке спросила я и коснулась ладонями его грудной клетки. — Ты правда собрался сделать нечто подобное?

— Глупости не говори, Сахарина, — произнес он, словно поиздевался надо мной, на судя по выражению его глаз, я была права в своих предположениях, высказанных опрометчиво вслух.

— Ты чего такой насупленный, словно я тебя обидела, — попыталась я шутливым и игривым тоном снизить градус напряжения в воздухе.

— Я не из обидчивых, Рина-Сахарина, я настоящий мужик, а мужики на женские глупости не обижаются.

Он снова включил роль альфа-самца. Но я так к этому привыкла и так по этому скучала, что даже не обиделась. Наоборот, мне это понравилось. Я скучала по язвительному Тиру.

— Ну же, Ти-и-ир, не обижайся, — заканючила я и как умела похлопала просяще глазами. Сработало. Тир не был избалован женской хитростью, что было мне на руку. — Ты что-то хотел сказать, Тир-Конфитир?

Воцарилась тишина. Только наше дыхание. Взгляд глаза в глаза. Шум ветра вокруг.

— Я люблю тебя, Сахарина Меренг.

От его проникновенного признания я потеряла дар речи, открыла рот, но не смогла вымолвить ни слова.

— Я... я...

— Жениться нам еще рано, Рина. Думаю, проведем обряд, когда ты закончишь академию.

Я наконец обрела дар речи и с возмущением приподнялась на цыпочки, тыкая ему пальцем в грудь.

— А мнения моего разве не нужно спросить? Вдруг я не хочу замуж! Вдруг хочу стать самостоятельной гражданкой империи, м?!

— Я самый завидный жених империи, все хотят за меня замуж.

Вот уж чего у него не отнять, так это горделивого самолюбия. Оно ужасно раздражает, но я всё равно улыбнулась, чувствуя, как потеплело в груди, затем встала на носочки и поцеловала его в щеку.

— Нет, моя Сахарина, вот сюда целуй, — постучал он пальцами по своим губам.

Я закатила глаза и покачала головой. Ишь, распоясался, будто я уже его жена.

— Капризничаешь? — усмехнулся он по-доброму, а затем взял и чмокнул меня сам.

— Эй! Я не давала разрешения! — возмутилась я, но всё равно не смогла сдержать довольной улыбки.

Зачем он наклонился и стал меня целовать уже нежнее. В каждом действии — в поцелуях, в том, как он держал меня за талию, как прижимал к себе, — я ощущала его любовь.

И когда я уже стала задыхаться от поцелуев и нехватки дыхания, то оторвалась от него, посмотрела ему в глаза и сделала собственное признание.

— Я тебя люблю, Тир-Конфитир, очень сильно люблю. Не представляешь, как я сейчас рада, что судьба забросила меня в этот мир. Нам было суждено встретиться друг друга.

Мы переглянулись, и я снова потянулась к его губам. Вот только поцеловаться нам было

не суждено. В этот момент я вдруг начала терять сознание.

— Тир! — в панике прошептала я, чувствуя неладное. Казалось, что в темноту меня засасывает специально.

— Ри-и-ина! — услышала я его крик, а затем утонула в темноте.

Всё это время я будто плавала в невесомости и постоянно слышала женский плач. Мамин. Странно, еще мне чудился запах сладостей. Вот только проснуться всё никак не получалось, будто я застряла в болоте и никак не могла выбраться. Пока в какой-то момент меня резко не выбросило наверх.

Я медленно открыла глаза и увидела перед собой абсолютно белое пространство. Не сразу сообразила, что я лежала на койке в больничной палате. Рядом со мной никого не было, на тумбочке лежал мой смартфон, а рядом куча сладостей — тирамису, конфеты, казинаки, мармеладки, зефирки.

— Ох, девушка, вы уже пришли в себя! Слава богу, а то ваша мама так горевала, каждый день приходила проведать вас. Мы уже и не надеялись, что вы придете в себя. Врачи не знали, что с вами. Сейчас я позову дежурного врача, — вдруг раздался со стороны женский голос. Это была медсестра в белом халате.

Вокруг меня началась суэта, а когда всё закончилось, меня осмотрели и опросили, я снова посмотрела на сладости и ужаснулась от пришедшей на ум догадки. Неужели всё, что произошло со мной в другом мире — всего лишь плод моего воображения? Неужели это следствие того, что меня одаривали сладостями, причем моими самыми любимыми? Ведь это и правда странно, что имена и фамилии в том мире — сладости.

— Неужели тебя не существуют в реальности, и любовь мне лишь приснилась? — задала вопрос я в пустоту, невероятно скучая по Тиру.

— Доченька, — раздался мамин плач, а затем она побежала ко мне и обняла так, как никогда не делала раньше.

Мама и правда скучала по мне. Такой заботы и любви я не видела от нее даже в детстве. Видимо, она боялась меня потерять. Ведь я ее единственная дочь, остальные двое — сыновья.

Когда время посещения закончилось, и я осталась одна, то леглась спать я с надеждой, что снова мне приснится мир, где имена людей названы в честь сладостей, в мире, где есть мой Тир и где была остановлена война драконов и людей.

Сон, как я и надеялась, мне приснился, но совсем не такой, как я хотела.

Я оказалась в каком-то парке, повсюду были деревья, скамейки, статуи, но особое внимание привлек фонтан. На нем ходила девушка в молочном длинном платье. Молодая, светловолосая, улыбающаяся. Ее переливчатый смех приносил мне удовольствие и успокоение.

— Как тебе мой мир, Саша, или Сахарина? Как тебе больше нравится? — спросила она меня, когда я подошла ближе.

— Так это был не сон? — спросила я заторможенно. Не понимала, сон ли это всего лишь сейчас, плод моего воображения или реальность.

— Ах, Саша-Сахарина, тот мир реален, и твой мир реален, просто твой истинный был рожден в том мире. Я хотела, чтобы ты познала любовь, и чтобы мое создание Тир обрел свое истинное счастье. Просто так перемещение между мирами невозможно, так что ты должна была совершить подвиг, чтобы его планета приняла тебя. И ты сделала это, но теперь настал твой черед делать выбор. Останешься ли ты здесь или переместишься туда? Станешь

ли Сахариной Меренг? Каков твой ответ, Саша-Сахарина?

— Ты богиня? — задала я вопрос, ответ на который знала. Она ничего не ответила, а просто посмотрела на меня в ожидании.

Я знала, чего хочет моя душа, но мне было жалко маму.

— А как же мама? — спросила я вслух.

— Место твоей мамы на планете Земля. Я вижу, чего хочет твоя душа, Сахарина. Не переживай, ты сейчас снова проснешься, и у тебя будет возможность попрощаться с мамой. А когда уснешь, в этом мире больше не проснешься, станешь снова Сахариной Меренг, будущей женой Конфитира.

После этих слов она взмахнула рукой и провела ладонью над водой. Я опустила глаза и увидела свое тело бывшей пустышки. Я лежала на кровати, укрытая одеялом, а Тир стоял коленями на полу и держал меня за руку, опираясь лбом в мою ладонь. Видно было, как он страдал и весь осунулся от того, что я не прихожу в себя.

— Выбор за тобой, Саша. Если ты согласна стать Сахариной Меренг навсегда и переместиться в мир драконов и магов, тебе нужно уснуть до восьми вечера. Второго шанса у тебя не будет.

Она снова провела над водой ладонью, и в этот момент я резко проснулась в больничной палате.

Мне предстоял выбор, но ответ на самый главный вопрос я уже знала.

***

Я снова плавала в пустой темноте, но в этот раз вязкости и давления не чувствовала. Перемещение душ происходило легко, будто я к этому уже привыкла. Однако пробуждение было не из легких. Голова слегка гудела, и я еле как разлепили глаза, щурясь от яркого полуденного солнца. Получилось?

— Рина? — раздался настороженный голос Тира.

Я посмотрела на него, такого бледного, изможденного, с кругами под глазами, и передумала разгрывать его. Перед тем, как уснуть в том мире, я подумала о том, чтобы подшутить над ним и сказать, что я прежняя владелица тела, но сейчас, увидев этот страх в глазах моего любимого, не смогла этого сделать. Не могла быть такой жестокой.

— Всё хорошо, любимый, — улыбнулась я. — Теперь я здесь. Навсегда. С тобой. Так что тебе придется терпеть меня и мой характер еще не один десяток лет.

— С удовольствием, Рина. Ты не представляешь, как я боялся, что ты никогда не вернешься. Зефрий сказал, что теперь выбор за тобой. Я рад, что ты выбрала этот мир.

— Нет, Тирри, я выбрала не мир, я выбрала тебя.

Он склонился надо мной и поцеловал в лоб, а вот я нахмурилась.

— И всё-таки я была права, этот Зефрий тот еще интриган, всё он знал с самого начала. Нет, чтобы сразу всё рассказать, так он одними загадками общается.

— Это наше испытание, Рина. И мы его прошли.

Тир вздохнул, взял мою ладонь в свою и прикрыл глаза, прикасаясь к моей кисти губами. Он будто не мог мной насытиться, и я его в этом понимала.

— Больше голый в озере не купайся. Я тебе запрещаю, — вдруг ни с того ни с сего заявил он.

— Чего это вдруг? Так мы и стали встречаться, между прочим.

— Вот именно. Нечего других завлекать. Надо будет запретить остальным там купаться.

— Не знала, что ты такой ревнивый.

— Не поверишь, я сам в шоке, — вздохнул он тяжело, а я улыбнулась, чувствуя наконец удовлетворение.

Наконец, образ его прошлого померк в моих глазах, и я разглядела наше общее с ним будущее. Полное ярких впечатлений, бурных ревностных скандалов и множества ночей любви. Детей. Радости. Гармонии. Всего того, чего я бы никогда не смогла бы получить в прошлом мире. Вот она. Моя судьба.

Больше книг на сайте - Knigoed.net